

1916.

Годъ 24.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена.

1916.

1916.

Годъ 24.

УЧЕБНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 8.

ЮРЬЕВЪ.

Гипографія К. Маттисена.

1916.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 6 октября 1916 г.

№ 1263.

Ректоръ П. Пусторослевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.

Стр.

Особый протоколъ засѣданія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета 22 августа 1915 г. по разсмотрѣнiю предложенiя г. профессора М. А. Сирина о замѣнѣ нѣмецкаго преподавательскаго языка на Богословскомъ Факультетѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета русскимъ государственнымъ языкомъ или даже о полномъ упраздненiи этого факультета.	1— 37
--	-------

Научный отдѣлъ.

Проф. В. Цеге фонъ Мантейфель. Избранныя главы по полевой хирургiи.	
VIII лекцiя	145—158
IX „	159—178
X „	179—194

Приложенiя.

В. С. Шилкарскiй. Типологическiй методъ въ исторiи философи	I—VIII и 1—192
---	----------------

Особый протоколъ

засѣданія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета 22 августа 1915 г. по разсмотрѣнію предложенія г. профессора М. А. Сиринова о замѣнѣ нѣмецкаго преподавательскаго языка на Богословскомъ Факультетѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета русскимъ государственнымъ языкомъ или даже о полномъ упраздненіи этого факультета.

Присутствовали: Ректоръ Университета П. П. Пусторослевъ и профессеры: Г. А. Адольфи, А. А. Алексѣевъ, В. Г. Алексѣевъ, Н. Н. Боголюбовъ, С. К. Богусевскій, А. М. фонъ Бульмерингъ, Т. Т. Ганъ, К. Ю. Гиргенсонъ, П. П. Граве, К. К. Грассъ, К. К. Дегио, В. П. Жуковскій, О. Г. Зеземанъ, А. С. Игнатовскій, И. И. Квачала, М. Е. Красноженъ, М. Н. Крашениниковъ, Д. Н. Кудрявскій, В. П. Курчинскій, Г. А. Ландезенъ, И. И. Лаппо, А. Г. Люткевичъ, Л. К. Мазингъ, С. Д. Михновъ, А. С. Невзоровъ, Б. В. Никольскій, Я. Ф. Озе, Е. В. Пѣтуховъ, В. Э. Регель, В. Я. Рубашкинъ, А. И. Садовскій, К. К. Сентъ-Илеръ, М. А. Сириновъ, Б. И. Срезневскій, О. В. Тарановскій, В. Е. Тарасенко, А. И. Томсонъ, Э. Р. Фельсбергъ, А. Л. баронъ Фрейтагъ-Лоринговенъ, В. О. Чижъ, Л. А. Шалландъ, Е. А. Шепилевскій, А. И. Яроцкій. Отсутствовали профессеры: В. Э. Грабаръ — по болѣзни; А. С. Царевскій — по служебнымъ дѣламъ; В. А. Афанасьевъ, Н. Н. Бурденко, Н. Н. Вестерикъ, Д. М. Лавровъ, К. Д. Покровскій, М. И. Ростовцевъ, В. Г. Цѣге фонъ Мантейфель — по случаю нахождения въ командировкѣ; А. Д. Богоявленскій,

Н. К. Грунскій, М. И. Догель, И. Л. Кондаковъ, Е. В. Тарле — по случаю отъѣзда.

Г. Ректоръ прочелъ Совѣту предложеніе г. профессора М. А. Сиринова относительно Богословскаго Факультета слѣдующаго содержанія:

„Въ Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета предложеніе.

До сихъ поръ на Теологическомъ Факультетѣ лекціи читаются на нѣмецкомъ языкѣ. Между тѣмъ подавляющее большинство населенія состоитъ изъ эстовъ и латышей, для которыхъ нѣмецкій языкъ является совершенно чуждымъ и ненужнымъ. Въ виду этого честь имѣю предложить Совѣту возбудить ходатайство о замѣнѣ нѣмецкаго языка преподаванія на Теологическомъ Факультетѣ русскимъ, или даже о полномъ упраздненіи факультета, не имѣющаго, по моему убѣжденію, никакихъ достаточныхъ основаній для своего существованія.

1914 г. 15 сентября.

Проф. М. Сириновъ“.

Совѣтомъ постановлено: по заявленію г. г. профессоровъ М. А. Сиринова и П. П. Граве, — составить по этому дѣлу особый протоколъ, а по заявленію г. г. профессоровъ М. Е. Красножона и Б. В. Никольскаго, — по утвержденіи этого протокола Совѣтомъ, напечатать его въ Ученыхъ Запискахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета.

Затѣмъ приступлено къ обсужденію предложенія профессора Сиринова. Слово предоставлено профессору Сиринову.

Проф. М. А. Сириновъ: Въ развитіе своего предложенія имѣю честь представить Совѣту нижеслѣдующія соображенія.

Было бы большою ошибкою думать, что я вообще противъ существованія теологическаго факультета въ составѣ университетскаго преподаванія. Совершенно напротивъ. По моему мнѣнію, теологическій факультетъ имѣетъ полное право на существованіе, — но какой? Такой, гдѣ все преподаваніе ведется въ духѣ университетскомъ, гдѣ совершенно объективно, *sine ira et studio* изучаются религіозныя переживанія всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Отвѣчаетъ ли этимъ требованіямъ нашъ теологическій факультетъ? Конечно, нѣтъ. Это — узкое, чисто конфессіональное учрежденіе, изучающее исключительно только одно религіозное теченіе и рассматривающее всѣ остальные религіи подъ угломъ именно этого одного міровоззрѣнія. Совѣтъ не по праву

носить онъ свое названіе и настоящій его титулъ былъ бы ПРОТЕСТАНТСКІЙ БОГОСЛОВСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ ЮРЬ-ЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. Но въ такомъ случаѣ ему не мѣсто въ Университетѣ. Дабы не вводить публику въ искушеніе, ибо она можетъ подумать, что протестантское богословіе есть чисто научное религіозное міровоззрѣніе, почему и помѣщено въ Университетѣ, — его слѣдуетъ поставить совершенно особнякомъ, какъ это сдѣлано съ конфессіональными учебными заведеніями другихъ религій: православной, католической, магометанской и другихъ. Иначе является совершенно непонятнымъ, почему при Университетѣ не существуетъ теологическаго православнаго факультета, католическаго, магометанскаго, буддійскаго и т. д.

На тотъ однако случай, если бы эта аргументація показалась Совѣту почему-либо не убѣдительною, я буду настаивать на второй части своего предложенія, на замѣнѣ нѣмецкаго языка преподаванія русскимъ и буду настаивать на этомъ со всею рѣшительностью, на какую только способенъ. Я знаю, что противъ этого предложенія раздаются возраженія и справа, и слѣва. Слева говорятъ, что оно нарушаетъ принципъ охраненія правъ національнаго меньшинства. Это возраженіе я понимаю и я его принимаю. Я вполне раздѣляю это начало, но именно потому, что я всегда защищалъ, защищаю и буду защищать великій и благородный принципъ, о которомъ идетъ рѣчь, я и поддерживаю свое предложеніе. Въ самомъ дѣлѣ, по даннымъ переписи 1897 г., — даннымъ, конечно, устарѣлымъ; но единственно сколько-нибудь достовернымъ, — среди всего лютеранскаго населенія Россіи нѣмцы составляли менѣе 50 %. Очень значительно было число эстовъ и латышей и, къ моему удивленію, поляковъ; встрѣчаются протестанты и среди другихъ народностей Имперіи. Я думаю, что при такихъ условіяхъ заставлять всѣхъ этихъ эстовъ, латышей, поляковъ и др. учиться на нѣмецкомъ языкѣ, — на языкѣ имъ ненавистномъ, — является самымъ грубымъ нарушеніемъ ихъ національныхъ правъ. Идеальнымъ рѣшеніемъ проблемы было бы такое, когда каждая нація могла бы учиться на своемъ родномъ языкѣ, когда, слѣдовательно, при Университетѣ можно было бы открыть факультеты нѣмецкій, латышскій, эстонскій, польскій и т. д. Но не трудно видѣть, что такого рода рѣшеніе наталкивается на чисто практическія затрудненія. Для организаціи всѣхъ этихъ факультетовъ требуется очень много средствъ, которыхъ у государства нѣтъ. Да едва ли какой-либо Университетъ и пошелъ

бы на такое разбуханіе одного своего факультета. Приходится давать компромиссное рѣшеніе. Приходится дѣлать выборъ между языками, причѣмъ всего цѣлесообразнѣе, — изъ боязни оскорбленія какой-либо національности, — остановить свой выборъ на какомъ-либо нейтральномъ для нихъ всѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на всѣмъ извѣстномъ языкѣ. Полагаю, что въ русскомъ государствѣ такимъ языкомъ можетъ быть только русскій. Въ качествѣ языка государственнаго, его обязаны знать всѣ народы, населяющіе Россію; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду совершенно ничтожнаго числа послѣдователей протестантизма среди русскихъ, онъ не можетъ быть использованъ въ интересахъ стороннихъ, ничего общаго съ религіей не имѣющихъ. Но тутъ мы наталкиваемся на возраженіе справа, ибо съ этой стороны высказывается опасеніе, что, если будетъ допущено преподаваніе протестантизма на русскомъ языкѣ, будетъ нанесенъ существенный вредъ православной религіи, которая даже можетъ совершенно исчезнуть. Признаюсь, большаго оскорбленія для православной религіи трудно придумать. Я, потомственный почетный поповичъ, получившій специальное богословское образованіе, хорошо знакомый съ религіознымъ настроеніемъ православныхъ массъ, смѣю увѣрить, что православная религія не такъ плоха и тысячелѣтіемъ выработанныя условія религіозной жизни не такъ хрупки, чтобы рушиться, какъ карточный домъ, — стоитъ лишь только нѣмцамъ заговорить о своей религіи по-русски, — да еще теперь, когда ненавистью ко всему нѣмецкому пропитанъ каждый русскій человѣкъ отъ головы до пятъ. Впрочемъ возраженіе это, если даже допустить, что оно имѣетъ долю правды, несомнѣнно покоится на простомъ недоразумѣніи, и къ настоящему случаю отношенія не имѣетъ: я говорю вѣдь не о позволеніи нѣмцамъ вести пропаганду на русскомъ языкѣ, хотя никакого вреда въ этомъ не вижу, а всего лишь о реформѣ языка университетскаго преподаванія будущимъ пасторамъ. Какая тутъ опасность создается для русской религіи, я, по правдѣ сказать, не понимаю.

Есть еще одно соображеніе въ пользу замѣны нѣмецкаго языка преподаванія русскимъ, — соображеніе повелительно диктуемое переживаемымъ нами моментомъ. Вотъ мы сейчасъ обсуждаемъ вопросъ о возможной эвакуаціи Университета въ Нижній Новгородъ или въ Ярославль. Спрашиваю всѣхъ тѣхъ, которые знакомы съ настроеніемъ Россіи, да еще въ такихъ русскихъ центрахъ какъ Нижній Новгородъ, какъ Ярославль, допускаютъ ли

они, чтобы тамъ могли бы сейчасъ нѣмецкіе профессора читать по-нѣмецки? Да изъ нихъ сдѣлають котлеты и бросятъ ихъ въ Волгу на съѣденіе рыбамъ. Если профессора богословскаго факультета это обстоятельство игнорируютъ, это ихъ дѣло. Но, полагаю, на насъ лежитъ моральный долгъ оградить и Университетъ и нашихъ товарищей съ Богословскаго Факультета отъ дикихъ и опасныхъ эксцессовъ.

Заключаю. Я былъ бы очень радъ, если бы было принято мое предложеніе объ отдѣленіи теологическаго факультета отъ Университета. Но на крайній случай былъ бы доволенъ и тогда, если бы Совѣтъ согласился поддержать мое второе предложеніе.

Профессоръ К. Ю. Гиргенсонъ: Если совѣтъ дѣйствительно желаетъ войти въ серьезное обсужденіе предложенія профессора Сиринова, то я предложилъ бы передать это дѣло сперва на разсмотрѣніе Богословскому Факультету, чтобы факультетъ могъ выработать и представить Совѣту обоснованное подробное письменное мнѣніе. Приводимые тамъ аргументы могутъ быть потомъ приняты или опровергнуты другими членами Совѣта. Пока такого основательнаго мнѣнія факультета нѣтъ, очень трудно высказаться по такому сложному дѣлу. Поэтому я ограничиваюсь нѣкоторыми короткими принципиальными замѣтками, которыя, быть можетъ, умѣстны уже при сегодняшнемъ обсужденіи вопроса. Профессоръ Сириновъ ставилъ вопросъ, почему существуетъ въ Россіи именно протестантскій богословскій факультетъ, а не православные или католическіе факультеты. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ исторія. Всѣмъ извѣстно, что протестантизмъ, согласно исторіи его возникновенія, больше всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій стремится къ тѣсной связи именно съ высшимъ университетскимъ образованіемъ. Поэтому евангелическо-лютеранская церковь въ принципѣ никогда не допускала для своихъ проповѣдниковъ образованія ниже университетскаго. Вслѣдствіе этого я могу заявить: въ какой бы то ни было формѣ евангелическо-лютеранская церковь послѣ войны будетъ существовать въ Россійской имперіи, она во всякомъ случаѣ будетъ требовать отъ своихъ проповѣдниковъ университетскаго образованія. Если вы лишите лютеранъ возможности дать своимъ проповѣдникамъ соотвѣствующее традиціи лютеранской церкви образованіе, то вы тѣмъ по неволѣ заставите будущихъ пасторовъ искать своего образованія въ другомъ мѣстѣ. Я сомнѣваюсь, будетъ ли для нашей имперіи выгодно и желательно, если она такимъ образомъ потеряетъ нынѣ существующій государ-

ственный контроль надъ ходомъ высшаго образованія будущихъ пасторовъ, и если прекратится то сильное вліяніе русскаго образованія, которому въ настоящее время подвергаются профессора и студенты богословія какъ составныя части организма русскаго университета. Я поэтому думаю, что и въ настоящее время является мудрымъ и не устарѣвшимъ ВЫСОЧАЙШЕЕ мнѣніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, высказанное имъ въ 1897 году по поводу того же вопроса, нами сегодня обсуждаемаго. ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было высказаться такимъ образомъ: „Я думаю, что въ такомъ случаѣ пасторовъ, пожалуй, станутъ выписывать изъ-за границы. Будетъ ли это лучше?“ (см. Предложеніе Мин. Нар. Просв. отъ 19 іюня 1897 г. за № 16135, сообщенное университету предложеніемъ Г. Попечителя Рижскаго Учебнаго Округа отъ 30 іюня 1897 г. за № 4323). Я просилъ бы господъ коллегъ руководиться и въ настоящее время высказанной тогда ВЫСОЧАЙШЕЙ волею.

Профессоръ Б. В. Никольскій: Я высказываюсь рѣшительно и безусловно противъ сдѣланнаго предложенія.

Г. Сириновъ говорилъ въ своей мотивировкѣ о возраженіяхъ, которыя предвидитъ со стороны правыхъ. Будучи правымъ въ теченіе всей моей сознательной жизни и близко зная всю идеологию моихъ единомышленниковъ, я положительно утверждаю: со стороны правыхъ г. Сириновъ не услышитъ ничего подобнаго тому, что предвидитъ. Это докажетъ вся моя рѣчь. Ни со взглядами, ни съ понятіями правыхъ г. Сириновъ видимо незнакомъ даже въ отдаленной степени, или считаетъ правыми тѣхъ, кто на самомъ дѣлѣ правымъ совершенно не извѣстенъ.

Предложеніе г. Сиринова заставило меня пережить глубоко печальныя минуты. Я давній общественный дѣятель, въ теченіе многихъ лѣтъ участвовавшій въ самыхъ разнообразныхъ собраніяхъ, совѣщаніяхъ, организаціяхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, по преимуществу культурно-просвѣтительнаго характера. И вотъ, опираясь на весь свой опытъ, я привыкъ думать, слышать и вѣрить, что въ Россіи, при недостаточномъ развитіи въ ней образованія, всякое учебное заведеніе является драгоценнѣйшимъ учрежденіемъ, которое при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ встрѣтитъ поддержку, опору, сочувствіе и помощь. Я привыкъ вездѣ слышать, что въ Россіи было бы преступленіемъ допустить однажды открытое учебное заведеніе до необходимости закрыться. И вотъ дожилъ, на пятomъ десяткѣ лѣтъ, до такого дня, когда на Совѣтѣ Универ-

ситета, среди профессоръ, прозвучало прямыми словами предложение упразднить богословскій факультетъ. Мнѣ остается только надѣяться, что, какъ ни прискорбенъ самъ по себѣ этотъ неизгладимый въ нашихъ лѣтописяхъ фактъ, голосованіе покажетъ, до какой степени внесенное предложеніе чуждо и всему Совѣту, и всѣмъ его членамъ, отъ перваго до послѣдняго.

Съ другой стороны это предложеніе болѣзненно напомнило мнѣ, что я русскій общественный дѣятель. Я счастливъ, господа, что по крови принадлежу къ великому народу, въ наши дни грудью отстаивающему христіанскую цивилизацію отъ натиска дикаго варварства; я счастливъ, что мыслю, говорю и пишу на лучшемъ, на благороднѣйшемъ языкѣ человѣчества. Я привыкъ думать, что для всѣхъ инородцевъ русскій языкъ — благодатный даръ, обогащающій ихъ лучшій духовный міръ, углубляющій ихъ развитіе и возвышающій ихъ человѣческое достоинство. Съ прискорбіемъ и негодованіемъ слышу я поэтому предложеніе, которое считаетъ русскій языкъ орудіемъ насилія, разрушенія, упраздненія. Намъ предлагаютъ сегодня упразднить цѣлый факультетъ или, по крайней мѣрѣ, ввести на немъ преподаваніе на русскомъ языкѣ: намъ предлагаютъ признать, что введеніе преподаванія на русскомъ языкѣ замѣняетъ уничтоженіе учебнаго заведенія! Съ горячимъ негодованіемъ протестую противъ такого оскорбленія русскому языку.

Однако, и это не самое худшее въ сдѣланномъ намъ предложеніи: всего хуже, по моему, то, что предложеніе г. Сиринова несогласимо съ началами вѣротерпимости. Ст. 67 Основныхъ законовъ, провозглашая ихъ, рѣшительно настаиваетъ, „да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы Имперіи“. Даже въ нынѣшнее время, когда господствуетъ суровая военная необходимость, когда запрещено публичное пользованіе нѣмецкимъ языкомъ, это запрещеніе не коснулось ни богослуженія, ни проповѣди. Разумѣется, богословскій факультетъ не церковь, наука не молитва; но все же ни военной, ни административной необходимости въ запрещеніи нѣмецкаго преподаванія не усматривается. Спрашивается, въ такомъ случаѣ, кому же нуженъ русскій языкъ для преподаванія лютеранскаго богословія? Полякамъ, эстамъ, латышамъ желательны ихъ родные языки; а русскихъ лютеранъ не существуетъ.

Проф. Сириновъ: Съ 1905 года есть много.

Проф. Никольскій: Ни съ 1905 года, ни раньше, ни позже, русскихъ лютеранъ, нуждающихся въ русскомъ преподаваніи на богословскомъ факультетѣ, не было и нѣтъ и никого они не просили хлопотать о введеніи такого преподаванія. Если же русскій языкъ самъ по себѣ никому изъ лютеранъ не нуженъ, то ясно, что его можно вводить съ единственною цѣлью — вытѣснить языкъ нѣмецкій, лишить нѣмцевъ ихъ родного языка въ преподаваніи ихъ родной вѣры, и притомъ однихъ нѣмцевъ, въ угоду минутъ и политическимъ страстямъ, нарушая начала вѣротерпимости, требующія каждой вѣрѣ сохранять ея родной языкъ.

Будутъ ли спорить, что нѣмецкій языкъ родной языкъ для лютеранства? Самое названіе лютеранства напоминаетъ намъ вождя протестантизма, Лютера, не только нѣмца, не только переводчика Св. Писанія на нѣмецкій языкъ, но и одного изъ типичнѣйшихъ, основныхъ представителей нѣмецкаго духа и въ дурномъ, и въ хорошемъ, нѣмца изъ нѣмцевъ, если можно такъ выразиться. Далѣе, ни русской, ни польской, ни эстонской, ни латышской научной литературы по лютеранскому богословію, сколько я знаю, не существуетъ, если не считать популярныхъ компиляцій, а нѣмецкая богословская наука является одной изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ въ мірѣ. Наконецъ, и исторически мѣстные инородцы (кромѣ православнаго меньшинства) получили христіанство отъ нѣмцевъ. Какою цѣною, какими средствами, — вопросъ другой: недаромъ, возлюбивъ Христа, они такъ неодолимо возненавидѣли Его тевтонскихъ проповѣдниковъ, насаждавшихъ христіанство огнемъ и мечемъ, убійствами, грабежами, разбоемъ, порабощеніемъ вольныхъ племенъ и вообще сплошнымъ насиліемъ. Мученіе Св. Исидора Юрьевского и вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ за православіе напоминаетъ и намъ, русскимъ, чтò значитъ просвѣщеніе, насаждаемое нѣмецкими руками. И все же истины Евангелія пришли къ мѣстному населенію отъ нѣмцевъ. Конечно, пришли онѣ первоначально въ видѣ католичества; но именно быстрота и легкость, съ которыми въ мѣстномъ населеніи совершился переходъ къ лютеранству, свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что насадителями христіанства съ запада здѣсь были нѣмцы. Вспомните развалины собора Св. Діонисія, храняція нашу Библіотеку: вотъ что оставило мѣстное населеніе отъ католичества.

Такимъ образомъ, я считаю неоспоримымъ, что нѣмецкій языкъ, чуждый полякамъ, эстамъ и латышамъ лютеранамъ, есть

языкъ, родной ихъ вѣръ и, если можно такъ выразиться, родной ихъ богословію и его преподаванію. Лишать вѣру и ея изученіе родного ей языка несомнѣнно значитъ нарушать основы вѣротерпимости и въ такомъ насиліи нѣтъ ничего русскаго. Самое запрещеніе у насъ публичнаго пользованія нѣмецкимъ языкомъ отнюдь не имѣетъ злобнаго нѣмецкаго характера: оно преслѣдуетъ единственную цѣль — предотвратить возможные столкновенія на почвѣ обостреннаго національнаго и патріотическаго чувства. Это запрещеніе стремится къ тому, чтобы предупредить на площади, на улицѣ, на большой дорогѣ грубыя излишества черни, преступныя погромы. Но чему же мы, господа, сегодня были свидѣтелями? Не на площади, не на большой дорогѣ, но здѣсь, въ Совѣтѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета, передъ зеркаломъ закона, сулили нашимъ товарищамъ погромы за преподаваніе ихъ вѣры на ея родномъ языкѣ! Разумѣется, никто изъ насъ въ эти посулы не вѣритъ, и я убѣжденъ, что результаты нашего голосованія достаточно о томъ засвидѣтельствуютъ; но не могу не заявить самаго рѣшительнаго протеста противъ столь недопустимыхъ въ нашей средѣ прорицаній и аргументацій.

Я долженъ, впрочемъ, замѣтить, что мнѣ довелось слышать и еще доводъ въ пользу предложенія г. Сиринова, — правда, не въ залѣ Совѣта, но все же здѣсь въ Университетѣ, въ профессорской комнатѣ. На мое заявленіе о неумѣстности и безнадежности этого предложенія мнѣ возразили, что само Министерство Народнаго Просвѣщенія предпрѣшило вопросъ въ томъ же духѣ и смыслѣ, а стало быть это предложеніе смѣло можно вносить и поддерживать, какъ своевременное и имѣющее всѣ шансы на успѣхъ. Однако, позвольте мнѣ быть увѣреннымъ, что ничье нравственное чувство здѣсь не примирится съ такими приѣмами убѣжденія.

Да, мы ведемъ сейчасъ войну съ союзомъ германскихъ имперій и азіатскихъ державъ. Этотъ союзъ тевтонской и азіатской дикости попираетъ всѣ начала человѣчности, всѣ законы божескіе и человѣческіе, глумится надъ народностями и вѣроисповѣданіями, кощунствуетъ, святотатствуетъ, насилуетъ и грабитъ, явно отвергаетъ всѣ христіанскія начала культуры, самъ себя постыдно вычеркиваетъ изъ рядовъ культурнаго человѣчества; но это безобразное одичаніе цѣлыхъ націй уполномочиваетъ ли насъ на такое же нравственное паденіе? Постыдные приемы враговъ затемнять ли нашу совѣсть до такой степени, чтобы мы унизились до ихъ уровня? Я вѣрю, что за русскій народъ можно смѣло от-

вѣтить: никогда! Но если такъ мы поступимъ на полѣ брани, то унизимся ли мы до идейнаго угнетенія нашихъ мирныхъ и честныхъ согражданъ нѣмецкаго происхожденія? Будемъ ли мы давить и притѣснять противника со связанными руками, сколько бы грѣховъ и провинностей ни насчитывали въ его прошломъ? А между тѣмъ, чѣмъ лояльнѣе, чѣмъ благонамѣреннѣе наши сограждане нѣмецкаго происхожденія, тѣмъ крѣпче въ сегодняшнемъ спорѣ связаны ихъ руки, стѣснены ихъ рѣчи. Я всегда стоялъ и стою за самыя крутыя мѣры противъ всѣхъ нелояльныхъ нѣмцевъ, но я столь же рѣшительно стою противъ ихъ утѣсненія на нѣмецкій ладъ. Наша задача цивилизовать и просвѣщать нѣмецкіе элементы, а не кидаться въ тотъ омутъ политическаго утѣснительства, въ который насъ тянетъ примѣръ единоплеменныхъ имъ недруговъ Россіи.

Я кончаю мое затянувшееся слово. Какъ ни бушуютъ политическія страсти и разнузданныя стихіи вселенской борьбы, мы не должны быть ихъ игралищемъ. Между тѣмъ, они спутываютъ все окружающее. Въ ихъ круговоротѣ становится неправымъ то, что въ другое время право. Я самъ въ другое время не сталъ бы вспоминать многого, что счелъ долгомъ напомнить теперь, дабы намъ, принявъ слишкомъ скорое рѣшеніе, не пришлось потомъ его стыдиться и брать обратно. Мы здѣсь, конечно, не церковь, но мы и не площадь, не участокъ, не политическая арена; мы не храмъ Божій, но мы все же святилище науки. Внушенные страстями временныя мѣры, неизбѣжныя внѣ нашихъ стѣнъ, намъ были бы непростительны: мы должны принимать долговѣчныя, устойчивыя рѣшенія. Мы, по сравненію великаго мыслителя, должны свѣтомъ истины и тепломъ человѣчности отвѣчать на всѣ настроенія минуты, какъ солнечный лучъ, который перерѣзаетъ любой ураганъ въ любомъ направленіи и котораго никакой ураганъ не въ состояніи поколебать ни на мгновеніе.

Въ послѣднемъ итогѣ полагаю, что Совѣтъ долженъ безусловно отвергнуть внесенное г. Сириновымъ предложеніе и въ этомъ смыслѣ подаю мой голосъ.

Проф. Сириновъ: Я прошу профессора Никольскаго удостовѣрить, что слова, будто бы сказанныя ему о томъ, что вопросъ объ отдѣленіи теологическаго факультета отъ Университета встрѣчаетъ сочувствіе въ Министерствѣ и потому это дѣло можетъ сейчасъ рассчитывать на успѣхъ, исходили не отъ меня.

Проф. Никольскій: Я не упоминалъ именъ, но разъ

Вы заявляете такое желаніе, то не обинуюсь удостовѣрить Совѣту, что приведенныя мною слова слышалъ въ профессорской комнатѣ именно отъ г. Сиринова.

Проф. Сириновъ: Я ~~заявляю~~, что я этихъ словъ не говорилъ и, если проф. Никольскій на этомъ будетъ настаивать, я буду вынужденъ назвать вещи ихъ именами.

Проф. Никольскій: Я всегда называю вещи ихъ именами и потому вторично удостовѣряю, что приведенныя мною слова были мнѣ сказаны г. Сириновымъ. Если онъ придаетъ двусмысленное значеніе моему выраженію „слова“, то подчеркиваю, что смыслъ сказаннаго имъ былъ именно таковъ, какъ я передалъ. Если же, имѣя въ виду то или другое отдѣльное слово, имъ произнесенное или не произнесенное, г. Сириновъ отрицаетъ самый фактъ произнесенія имъ довода, вполне точно мною воспроизведеннаго, то со своей стороны утверждаю, что фактъ этотъ былъ. Что касается въ такомъ случаѣ опроверженія г. Сиринова, то смѣло предоставляю Совѣту, которому я достаточно, надѣюсь, извѣстенъ, вѣрить, кому изъ двухъ пожелаетъ, г. Сиринову или мнѣ. Дальнѣйшій же споръ считаю бесполезнымъ.

Ректоръ: Полагаю, что Совѣтъ не имѣетъ возможности сдѣлать выбора, такъ какъ не можетъ опредѣлить, какія слова были сказаны проф. Сириновымъ и правильно ли они были поняты проф. Никольскимъ.

Проф. Сириновъ: Я еще разъ категорически утверждаю, что я этихъ словъ никому не говорилъ.

Ректоръ: Я прошу проф. Сиринова говорить въ очередь. Слово принадлежитъ проф. Граве.

Проф. Граве: Я уступаю свою очередь проф. Сиринову.

Проф. Сириновъ: Я очень благодаренъ проф. Граве за то, что онъ далъ мнѣ возможность возразить двумъ предшествовавшимъ ораторамъ немедленно. Ту аргументацію, которую развилъ проф. Гиргенсонъ, я не могу считать удобной потому, что онъ позволилъ себѣ вмѣшаться въ нашъ споръ Высокое Имя ГОСУДАРЯ. Всѣмъ понятно, какое неудобство создается въ такомъ случаѣ для оппонентовъ. Этотъ пріемъ едва ли умѣстенъ еще и потому, что онъ не достигаетъ цѣли. Независимо отъ того, что ни я, ни проф. Гиргенсонъ, ни кто-либо другой не знаютъ, что сказалъ бы ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ объ этомъ предложеніи теперь, спустя двадцать лѣтъ; я полагаю, что проф. Гиргенсонъ, впавъ въ большую ошибку, не желая понять или не понимая моего

предложенія. Я вовсе не стремлюсь уничтожить теологическій факультетъ, я только предлагаю отдѣлить его отъ Университета и образовать изъ него самостоятельное высшее учебное заведеніе, — въ крайнемъ случаѣ замѣнить нѣмецкій языкъ преподаванія русскимъ. При такихъ условіяхъ никакой нужды въ привозѣ нѣмецкихъ пасторовъ изъ-за границы не будетъ, они будутъ воспитываться, какъ и теперь, въ предѣлахъ Россіи. Перехожу къ проф. Никольскому. Я не знаю, заслуживаетъ ли полемики человекъ, который въ концѣ своей рѣчи самъ заявляетъ, „въ другой разъ и при другихъ условіяхъ я самъ буду горячо защищать предложеніе Сиринова“. Человекъ, который съ одинаковой горячностью и одинаковымъ „убѣжденіемъ“ защищаетъ сегодня одно, а завтра другое, едва ли можетъ разсчитывать на какое-либо вниманіе со стороны своихъ оппонентовъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какая рѣчь и какіе приемы! Проф. Никольскій обвиняетъ меня въ томъ, что я поднимаю руку на учено-учебное учрежденіе, желаю его уничтожить. Да когда же я это говорилъ? Развѣ объ уничтоженіи теологическаго факультета идетъ рѣчь, а не о развертываніи его въ специальное высшее учебное заведеніе, или въ крайнемъ случаѣ о замѣнѣ нѣмецкаго языка русскимъ? И развѣ я призывалъ здѣсь къ погрому и грозилъ имъ, а не просто констатировалъ фактъ, съ которымъ намъ необходимо считаться? И развѣ о запрещеніи молиться нѣмцамъ по-нѣмецки говорилъ я, а не о реформѣ, всего только, университетскаго преподаванія, имѣющей своею цѣлью дать возможность не нѣмцамъ и учиться, и молиться на эстонскомъ, на латышскомъ, на польскомъ или на какомъ-либо другомъ языкѣ, а не на ненавистномъ имъ языкѣ вѣковыхъ угнетателей. Но довольно о проф. Никольскомъ. Вы видите, съ кѣмъ Вы имѣете дѣло. Я прошу у господина Ректора разрѣшенія дать мнѣ мѣсто въ спискѣ ораторовъ на тотъ случай, если бы здѣсь были высказаны противъ моего предложенія соображенія, заслуживающія вниманія.

Профессоръ Э. Фельсбергъ: Переживаемое нами тяжелое время не благопріятствуетъ спокойному обсужденію поднятаго проф. Сириновымъ вопроса, и, поэтому, не удивительно, что въ только что произнесенныхъ рѣчахъ слышалась нѣкоторая нотка страсти. Если дѣло зависѣло бы отъ меня, то я предпочелъ бы отложить обсужденіе этого вопроса до болѣе спокойнаго времени, но разъ уже онъ поднятъ, то не могу по нему не высказаться и я, такъ какъ онъ интересуется меня не только какъ

профессора, но и какъ латыша и протестанта. — Проф. Сириновъ предлагаетъ на богословскомъ факультетѣ нашего университета ввести русскій языкъ. Мнѣ кажется, что, по чисто научнымъ предметамъ этого факультета, его предложеніе пріемлемо: читать на русскомъ языкѣ церковную исторію и толковать Ветхій и Новый Заветъ едва ли труднѣе, чѣмъ вести занятія по соответствующимъ предметамъ историко-филологическаго факультета. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду и то, что уже и теперь для многихъ кончившихъ гимназію латышей, эстонцевъ и поляковъ богословскій факультетъ закрытъ, потому что они недостаточно владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, а въ будущемъ такихъ будетъ еще гораздо больше. Замѣною нѣмецкаго языка русскимъ это затрудненіе легко можетъ быть устранено. Что же касается догматическихъ предметовъ и практическаго богословія, то, конечно, необходимо, чтобы каждый студентъ богословія имѣлъ возможность изучать ихъ на томъ языкѣ, на которомъ ему впослѣдствіи придется проповѣдывать, и эти предметы, поэтому, должны читаться параллельно на языкахъ нѣмецкомъ, латышскомъ, эстонскомъ и польскомъ.

Но если предложеніе проф. Сиринова ввести на богословскомъ факультетѣ нашего университета русскій языкъ, съ небольшимъ ограниченіемъ, дѣйствительно соответствуетъ требованіямъ времени, то предложеніе его совершенно упразднить этотъ факультетъ или отдѣлить его отъ университета мнѣ кажется весьма неудачнымъ, такъ какъ на богословскомъ факультетѣ нашего университета читается цѣлый рядъ чисто научныхъ предметовъ, какъ напр., семитскіе языки, которые интересуютъ и студентовъ другихъ факультетовъ. Тѣсная связь между богословскимъ факультетомъ и университетомъ очень важна и для будущихъ пастырей, такъ какъ, благодаря ей, они имѣютъ возможность уже на университетской скамьѣ ознакомиться съ главнѣйшими теченіями въ области другихъ наукъ и выработать себѣ болѣе цѣльное міровоззрѣніе. Можетъ быть недалеко уже тотъ моментъ, когда при всѣхъ университетахъ Россіи будутъ существовать богословскіе факультеты, хотя, конечно, не протестантскіе, а православные; при Юрьевскомъ университетѣ, однако, который находится въ мѣстности, почти исключительно населенной протестантами, слѣдовало бы сохранить протестантскій богословскій факультетъ.

Итакъ я предлагаю: богословскій факультетъ при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ университетѣ сохранить, но преподаваніе на немъ вести на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ догма-

тики и практическаго богословія, которыя должны быть преподаваемы на языкахъ народностей Россіи, исповѣдующихъ лютеранство.

Профессоръ Ѳ. В. Тарановскій: Языкъ преподаванія на богословскомъ факультетѣ и общее положеніе этого факультета представляютъ собою вопросъ весьма важный и крайне сложный. Это вопросъ не только академическій, но и общегосударственный, связанный съ цѣлымъ рядомъ другихъ политическихъ вопросовъ, каковы: положеніе евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи, свобода религіознаго обученія на родномъ языкѣ и установленіе въ этомъ отношеніи равноправія между различными народностями, исповѣдающими лютеранство. Въ виду этого вопросъ этотъ долженъ обсуждаться всесторонне и, главное, совершенно безпристрастно. Нынѣ переживаемое время войны съ нѣмцами отнюдь не можетъ быть признано подходящимъ для безпристрастнаго обсужденія и рѣшенія вопроса о предѣлахъ преподаванія лютеранскаго богословія на нѣмецкомъ языкѣ. Что это такъ, объ этомъ свидѣлствуетъ теченіе преній въ сегодняшнемъ засѣданіи. И авторъ предложенія, и члены Совѣта, возражавшіе ему, неоднократно высказывали сужденія по данному вопросу не съ точки зрѣнія внутренней государственной политики, къ которой относится данный вопросъ по существу, а съ точки зрѣнія политики внѣшней, съ точки зрѣнія переживаемой нами войны. Такая замѣна политики стратегіей по существу не правильна. Дѣлу одолженія внѣшняго врага она никакой пользы принести не можетъ, а внутреннюю государственную жизнь можетъ безъ надобности осложнить какимъ либо рѣшеніемъ, которое можетъ быть принято подъ • вліяніемъ возбужденныхъ войною страстей. Во избѣжаніе недостаточно объективнаго и недостаточно безпристрастнаго рѣшенія вопроса въ настоящее военное время я рѣшительно высказываюсь за отклоненіе предложенія проф. М. А. Сиринова.

Въ рѣчи проф. М. А. Сиринова сдѣлано было указаніе, въ качествѣ прогноза или прорицанія, на возможный, въ случаѣ эвакуаціи нашего университета въ Нижній Новгородъ, погромъ лицъ, преподающихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Глубоко сожалею, что такого рода прорицаніе раздалось въ стѣнахъ нашего совѣтскаго зала. Полагаю, что, разъ предложеніе сопровождалось въ устной рѣчи подобнымъ прорицаніемъ, оно должно быть отклонено самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Профессоръ П. П. Граве: Принимая во вниманіе сказанное предыдущими ораторами, и между прочимъ профессоромъ

Никольскимъ, я могу сказать, что въ то время, когда въ виду предпринимаемой Университетомъ, по случаю создавшагося военного положенія, эвакуаціи Университета въ другой городъ, вродѣ Нижняго Новгорода, куда уже выѣхали наши депутаты, — изъ предосторожности отъ разграбленія Университетскаго имущества и, между прочимъ, фундаментальной библіотеки, современными цивилизаторами — нѣмцами, предостойтъ ломка всей университетской жизни ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевского Университета, ни о какомъ, яко бы нарушеніи со стороны русскихъ гражданъ правъ въ отношеніи подданныхъ нѣмецкаго происхожденія; — при осуществленіи мѣропріятій, обусловливаемыхъ условіями переживаемаго военного времени, — каковы бы они не были, — при всемъ миролюбіи русскаго народа, — въ настоящее время войны не можетъ быть и рѣчи. При такихъ обстоятельствахъ нѣмцы могутъ быть для насъ хорошими учителями и намъ было бы, при всемъ нашемъ христіанскомъ міровоззрѣніи, недурно брать съ нихъ примѣръ, — конечно, не въ смыслѣ ихъ мошеннической, достаточно охарактеризованной практикуемымъ ихъ правительствомъ шпіонствомъ, политики, или въ отношеніи производимыхъ ими на театрѣ войны нарушеній всѣхъ международныхъ договоровъ и звѣрствъ; — но, и при неизмѣнномъ направленіи въ чисто національномъ духѣ государственной политики въ занимаемыхъ областяхъ. Принимая, поэтому, во вниманіе уже введенное нѣмцами въ жизнь совершенное изгнаніе русскаго языка въ школахъ, занятыхъ нѣмцами мѣсть въ Курляндіи и др., гдѣ въ школахъ сохраненъ только мѣстный — народный или нѣмецкій, а въ занятыхъ мѣстахъ Курляндіи и Польши о русскомъ не можетъ быть и рѣчи, — я находилъ бы самое возбужденіе вопроса объ употребленіи въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія языка, изгнаннаго сложившимися условіями переживаемаго Россією времени изъ стѣнъ другихъ правительственныхъ учреждений, или болѣе чуткимъ къ своему національному дѣлу и долгу, — простымъ народомъ съ самыхъ улицъ городовъ Россійской Имперіи, — совершенно недопустимымъ и противуестественнымъ.

Профессоръ А. М. фонъ Бульмерингъ: Мнѣ кажется, что изъ введенія преподаванія богословскихъ наукъ на государственномъ языкѣ могутъ произойти нѣкоторыя неудобства. Для объясненія названныхъ неудобствъ долгомъ пріемлю указать прежде всего на статьи 252—255 Св. Зак. т. XI, ч. I, Уст. Духов. Дѣлъ Иностр. Исповѣд., изд. 1896 г.

Въ сихъ статьяхъ сказано слѣдующее.

252. Евангелическо-Лютеранская Церковь въ Россійской Имперіи исповѣдуетъ ученіе, основанное на Пророческихъ и Апостольскихъ писаніяхъ Вѣтхаго и Новаго Завѣта, и объясняющими оныя Символическими книгами признаетъ Апостольскій, Никейскій и Аѳанасіевскій Символы Вѣры, Неизмѣненное Аугсбургское Вѣроисповѣданіе, и прочія, внесенныя въ Собраніе, извѣстное подъ наименованіемъ *Liber Concordiae*.

253. Никто изъ членовъ Евангелическо-Лютеранской Церкви въ Имперіи не долженъ позволять себѣ распространять словесно или письменно мнѣнія, противныя ученію сей Церкви.

254. Евангелическо-Лютеранскіе проповѣдники, при вступленіи въ должность, обязываются присягою проповѣдывать и поучать согласно съ правилами своей Церкви.

255. Профессоры и учителя Закона Божія, Церковнаго Права, Церковной Исторіи и всѣхъ частей Богословія въ учебныхъ заведеніяхъ, для образованія Лютеранскаго юношества учрежденныхъ, должны принадлежать къ Евангелическо-Лютеранской Церкви, и также, при вступленіи въ должность, обязываются присягою наставлять и преподавать согласно съ правилами Церкви своей.

Приведенный текстъ ст. 252—255 не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ того, что профессоры богословскихъ наукъ обязаны неотступно придерживаться того ученія, которое изложено въ Символическихъ книгахъ Ев.-Лютеранской Церкви.

Въ ст. 252 Символическія книги не всѣ перечислены, названа только общая совокупность ихъ, извѣстная подъ наименованіемъ „*Liber Concordiae*“. Въ составъ „*Liber Concordiae*“ входятъ: 1) три вселенскихъ символа:

a) *symbolum apostolicum*, b) *symbolum Nicaenum*, c) *symbolum Athanasii contra Arianos sive Symbolum Quicunque*;

2) цѣлый рядъ символовъ, принадлежащихъ исключительно Ев.-Лютеранской Церкви, а именно: a) *Confessio Augustana*, b) *Apologia Confessionis Augustanae*, c) *Articuli Smalcaldici*, d) *Catechismus minor*, e) *Catechismus major*, f) *Formula Concordiae*.

Официальный текстъ всѣхъ этихъ названныхъ на второмъ мѣстѣ, символическихъ книгъ существуетъ на двухъ языкахъ: на латинскомъ и на нѣмецкомъ.

На сколько мнѣ извѣстно, пока не существуетъ русскаго официального текста символическихъ книгъ.

За отсутствіемъ же такового, профессора богословскихъ наукъ

совершенно лишены возможности, согласно данной присягѣ, преподавать и наставлять согласно ученію Ев.-Лютеранской Церкви, которое основано не только на Св. Писаніи, но и на Символическихъ книгахъ.

За отсутствіемъ officialнаго русскаго текста Символическихъ книгъ, всякій профессоръ, законоучитель и проповѣдникъ будетъ вынужденъ самъ составить переводъ.

При такомъ положеніи дѣлъ можетъ въ концѣ концовъ оказаться результатъ, что вмѣсто общаго для всѣхъ ученія окажется у всѣхъ своя собственная форма ученія, профессоръ Гиргенсонъ будетъ иначе переводить, чѣмъ проф. Грассъ, а проф. Ганъ иначе, чѣмъ Вашъ покорный слуга.

Поэтому вопросъ о введеніи преподаванія богословскихъ наукъ на государственномъ языкѣ, по моему мнѣнію, можетъ быть возбужденъ не раньше, какъ послѣ установленія officialнаго текста Символическихъ книгъ. Для установленія же такового текста потребовалось бы собрать примѣнительно къ статьямъ 699—711 Св. Зак., т. XI, ч. I, Уст. Дух. Дѣлъ Ин. Исп., съ ВЫСОЧАЙШАГО разрѣшенія, по усмотрѣнію и созыву Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, „Генеральный Синодъ“.

Въ самой тѣсной связи съ только что охарактеризованными неудобствами стоитъ еще и рядъ другихъ. Равно какъ у насъ нѣтъ еще officialнаго текста Символическихъ книгъ, еще пока не имѣется и научной лютеранской богословской литературы на русскомъ языкѣ. Отсутствие названной литературы объясняетъ и неимѣніе пока литературной богословской терминологіи.

Я самъ испыталъ это обстоятельство. Хотя я совершенно свободно говорю по-русски, но тѣмъ не менѣе всегда бывалъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, когда приходилось вести на русскомъ языкѣ разговоры богословскаго содержанія съ кѣмъ-либо изъ г. г. коллегъ другихъ факультетовъ; я въ такомъ случаѣ всегда бывалъ вынужденъ просить разрѣшенія пользоваться нѣмецкими или латинскими терминами.

Въ случаѣ введенія преподаванія лютеранскихъ богословскихъ наукъ на русскомъ языкѣ, намъ, профессорамъ богословія ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета, пришлось бы создавать собственными силами новую русскую терминологію.

Въ состояніи ли мы исполнить эту задачу? Едва-ли!

Созданная ad hoc отдѣльными лицами терминологія, по всей вѣроятности, оказалась бы недостаточнымъ деревяннымъ суррогатомъ.

Языкъ нигдѣ и никогда не вырабатывается искусственнымъ путемъ кабинетной работы, но всегда и повсюду органически развивается на почвѣ народной жизни.

Равнымъ образомъ и богословская терминологія и богословскій научный языкъ могутъ развиваться только медленно и постепенно на почвѣ общей церковной жизни. Пока же церковная жизнь лютеранскихъ приходовъ еще не представляетъ собою той почвы, на которой могъ бы развиваться государственный языкъ въ томъ или другомъ направленіи.

Я пока говорилъ только о тѣхъ затрудненіяхъ, съ которыми пришлось бы имѣть дѣло намъ, профессорамъ. Но нельзя забыть и о студентахъ, для которыхъ ведется преподаваніе.

Современная лютеранская богословская литература главнымъ образомъ пишется на языкѣ Лютера, т. е. на языкѣ нѣмецкомъ; кромѣ того существуетъ еще и литература на языкахъ тѣхъ народовъ, которые приняли протестантское исповѣданіе; есть литература на англійскомъ и голландскомъ языкахъ, въ извѣстной, хотя и ограниченной мѣрѣ, и на языкахъ французскомъ, шведскомъ и датскомъ.

Языки французскій и англійскій большинству студентовъ не знакомы; въ еще гораздо меньшей мѣрѣ языки шведскій, голландскій и датскій. Такимъ образомъ изъ всей богословской литературы студентамъ фактически доступна только литература нѣмецкая. Такимъ образомъ нѣмецкіе учебники являются единственными, которыми студенты могутъ пользоваться. Кажется лишнее еще особенно подчеркнуть то крайнее затрудненіе, въ которое будетъ поставленъ студентъ, вынужденный готовиться съ одной стороны по нѣмецкимъ учебникамъ, а съ другой стороны слушать лекціи и сдавать экзамены на государственномъ языкѣ.

Научный подъемъ отъ такого антитеза едва-ли получится. При этомъ считаю долгомъ присовокупить, что знаніе нѣмецкаго языка для всякаго лютеранскаго богослова прямо *conditio sine qua non*.

Сочиненія Лютера, за исключеніемъ нѣкоторыхъ латинскихъ его произведеній, всѣ написаны по-нѣмецки; по-нѣмецки же написаны и самыя выдающіяся сочиненія богословской литературы.

Знаніе нѣмецкаго языка еще въ особенности „*conditio sine qua non*“ для лютеранскихъ богослововъ Россійской Имперіи.

За исключеніемъ Финляндіи въ предѣлахъ Россійской Имперіи во всѣхъ приходахъ обязательно проповѣдь и богослуженіе

ведутся и на нѣмецкомъ языкѣ; будущему проповѣднику поэтому необходимо знать церковный нѣмецкій языкъ, а въ особенности нѣмецкую церковную терминологию.

Повторяю вкратцѣ приведенные мною факты: 1) отсутствіе русскаго текста лютеранскихъ Символическихъ книгъ (символовъ вѣры), который только можетъ быть установленъ Генеральнымъ Синодомъ съ ВЫСОЧАЙШАГО разрѣшенія, 2) отсутствіе лютеранской богословской терминологіи на русскомъ языкѣ, которая по существу дѣла не можетъ быть выработана ad hoc, 3) отсутствіе богословской лютеранской литературы, которая не можетъ быть создана въ одинъ моментъ и въ которой равнымъ образомъ нуждаются профессоры и студенты.

Въ виду всего этого мнѣ кажется, вопросъ о введеніи преподаванія лютеранскаго богословія на русскомъ языкѣ пока является преждевременнымъ, — и поэтому пока долженъ бы быть отложенъ.

Профессоръ И. И. Квачала: Хотя и не чувствую себя въ атмосферѣ зала довольно хорошо, я не могу не сказать нѣсколько словъ въ пользу предложенія г. Сиринава. Вопросъ о богословскомъ факультетѣ важенъ и съ политической точки зрѣнія, какъ поведеніе германскаго правительства въ „культуркампфъ“, и свидѣтельствуетъ о его заботахъ о полученіи вліянія въ католическихъ семинаріяхъ. Я этой стороны вопроса касаться не желаю. Для меня, въ моей богословской дѣятельности, рѣшающее значеніе имѣютъ интересы церкви. Если бы евангелическая церковь состояла изъ однихъ нѣмцевъ, то съ церковной точки зрѣнія противъ нѣмчины на ея богословскомъ факультетѣ едва ли могла быть рѣчь. Но нѣмцы въ церкви нашей въ миноритетѣ; а не нѣмцамъ теперь, чтобы могли быть пасторами, придется изучить еще одинъ языкъ. Желалъ бы я, чтобы г. Никольскій присутствовалъ вчера на экзаменѣ изъ историческаго богословія, чтобы онъ могъ видѣть, какъ придется бороться не нѣмцамъ съ чуждымъ имъ языкомъ. И зачѣмъ это, когда есть языкъ, извѣстный всѣмъ слушателямъ, именно русскій, который всѣ должны въ средней школѣ хорошо изучить! Конечно, полезенъ и нѣмецкій языкъ при штудіумѣ, но теперь вѣдь требуется отъ студентовъ богослововъ, чтобы они нѣмецкія лекціи слушали, нѣмецкіе экзамены держали, нѣмецкія сочиненія писали! Какимъ естественнымъ или позитивнымъ правомъ требуется это отъ нихъ?

Отложить вопросъ до конца войны, какъ г. Тарановскій при

польской кафедрѣ предлагалъ, не пѣлесообразно; наши факультетскія вещи въ высшихъ инстанціяхъ и такъ идутъ медленно; вотъ отъ рѣшенія относительно эстонскихъ и латышскихъ кафедръ уже девять лѣтъ миновалось, гдѣ онѣ? Требованія коллегъ Фельсберга и Озе относительно народныхъ языковъ вполне справедливы. Какъ я раньше письменно уже высказался, съ церковной точки зрѣнія были бы желательны даже цѣлые факультеты, эстонскій, латышскій, польскій и нѣмецкій, — я готовъ въ этомъ объемѣ поддерживать и подчеркивать и нѣмецкій факультетъ, — никакой вражды, какъ здѣсь нѣкоторые думаютъ, къ нѣмецкому языку не чувствую: но пока такое основаніе трехъ или четырехъ факультетовъ неосуществимо, я другого выхода, какъ преподаваніе теоретическихъ богословскихъ наукъ на русскомъ языкѣ, не вижу. Практическое же богословіе на народныхъ языкахъ я и теперь готовъ поддерживать и буду голосовать за принятіе дополненія коллегъ Фельсберга и Озе.

Если предложеніе въ этомъ смыслѣ Совѣтъ приметъ, я не полагаю неизбѣжнымъ или нужнымъ отдѣлить факультетъ отъ Университета.

Профессоръ Я. Ф. Озе: Въ наши пренія, къ сожалѣнію, внесена нѣкоторая страстность, между тѣмъ какъ подлежащій обсужденію вопросъ допускаетъ безстрастное, вполне объективное освѣщеніе. Прежде всего я долженъ замѣтить, что вопросъ о языкѣ преподаванія на богословскомъ факультетѣ не находится ни въ какой связи съ вопросомъ о вѣротерпимости. Никто не собирается нѣмцевъ лютеранъ лишить права молиться въ своихъ церквахъ на нѣмецкомъ языкѣ, а также обучать своихъ дѣтей Закону Божию на своемъ же языкѣ. Рѣчь идетъ исключительно о томъ, на какомъ языкѣ вести преподаваніе на богословскомъ факультетѣ, въ виду того, что на немъ слушаютъ лекціи не только нѣмцы, но также и поляки, литовцы, латыши и эстонцы. Спрашивается, почему студенты богословія, принадлежащіе къ указаннымъ различнымъ народностямъ, должны слушать всѣ лекціи обязательно на нѣмецкомъ языкѣ? Такое привилегированное положеніе нѣмецкаго языка не вытекаетъ изъ существа дѣла, а обусловлено чисто историческими, случайными причинами; это остатокъ своеобразныхъ порядковъ того сравнительно недавняго времени, когда нѣмецкій языкъ въ Прибалтійскомъ краѣ игралъ роль государственнаго языка, когда преподаваніе въ школахъ и въ университетахъ на всѣхъ факультетахъ велось на нѣмецкомъ языкѣ.

Если же посмотрѣть на вопросъ по существу, если въ особенностяхъ имѣть въ виду то обстоятельство, что существующій богословскій факультетъ имѣетъ своею задачею подготовленіе проповѣдниковъ не только для нѣмецкихъ, но также и для польскихъ, латышскихъ и эстонскихъ приходовъ, потому что невозможно создать особые факультеты для каждой изъ этихъ народностей, — то нѣтъ даже вопроса: ясно, что и на богословскомъ факультетѣ языкомъ преподаванія долженъ быть государственный языкъ, языкъ русскій, для всѣхъ понятный и для всѣхъ обязательный, причемъ лишь по каедрѣ практическаго богословія слѣдовало бы вести преподаваніе на всѣхъ тѣхъ языкахъ, на которыхъ происходитъ богослуженіе въ лютеранскихъ церквахъ въ Россіи. Преобразование богословскаго факультета въ такомъ направленіи привѣтствовали бы съ глубокою благодарностію всѣ не нѣмецкія народности нашего отечества, исповѣдующія лютеранскую вѣру.

Указаніе проф. ф. Бульмеринга, что прежде чѣмъ перейти къ преподаванію на русскомъ языкѣ на богословскомъ факультетѣ необходимо было бы перевести всѣ символическія книги, подъ наблюденіемъ генеральнаго синода, на русскій языкъ, по моему мнѣнію лишено основанія; развѣ въ университетскомъ преподаваніи пользуются, при изученіи важныхъ источниковъ, переводами, а не подлиннымъ текстомъ? Вообще предполагается, что преподаватель и студенты богословскаго факультета въ достаточной мѣрѣ будутъ знакомы съ тѣми языками, древними и новыми, безъ которыхъ невозможно основательное изученіе богословскихъ наукъ.

Что же касается наконецъ мнѣнія, высказаннаго проф. ф. Бульмерингомъ, что для преподаванія богословскихъ наукъ на русскомъ языкѣ придется создать соотвѣтствующую русскую терминологію, что было бы сопряжено съ большими затрудненіями, то имъ упускается изъ виду то обстоятельство, что существуетъ русская богословская литература, между прочимъ и обличительная, содержащая въ себѣ детально разработанную богословскую терминологію, такъ что въ этомъ отношеніи потребуется не творческая работа, а лишь ознакомленіе съ уже существующею русскою терминологіею.

Профессоръ Т. Т. Ганъ: Причиною, вызвавшею постановку даннаго вопроса на очередь является то обстоятельство, что нѣмецкій языкъ является языкомъ враждебнаго намъ народа. Осмѣливаюсь однако обратить вниманіе на то, что нѣмецкій языкъ и германская имперія — совершенно различныя величины. На

нѣмецкомъ языкѣ говорятъ не только въ странѣ нашихъ непріятелей. Въ Швейцаріи, на примѣръ, существуетъ 3 богословскихъ факультета, на которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ. Точно также и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, государственнымъ языкомъ коихъ является англійскій, во всѣхъ многочисленныхъ лютеранскихъ колледжахъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ. Для лютеранскаго богословія языкъ Лютера является классическимъ. Изъ этого, уже слѣдуетъ, что мы, лютеранскіе богословы должны по скольку возможно стараться сохранить его.

Кромѣ того имѣю честь обратить вниманіе Совѣта на то обстоятельство, что приведеніе этого предложенія въ исполненіе сопряжено съ громадными затрудненіями, ибо придется создавать на русскомъ языкѣ евангелическое богословіе и научную литературу по всѣмъ отраслямъ нашей науки, на что уже указалъ проф. фонъ Бульмерингъ.

Что же касается вопроса о необходимости евангелическаго богословія на русскомъ языкѣ, то мнѣ думается, что лютеранская церковь въ ней не нуждается; причемъ я вполне увѣренъ, что мое мнѣніе въ этомъ отношеніи совпадаетъ съ мнѣніемъ всего лютеранскаго духовенства въ нашемъ государствѣ, будь они эстонцы, латыши, поляки или нѣмцы. Что же касается другой стороны вопроса, по сколько русскій народъ нуждается въ созданіи лютеранскаго богословія на русскомъ языкѣ, то уже не мнѣ объ этомъ судить. Въ этомъ отношеніи уже товарищи другихъ факультетовъ могутъ дать болѣе авторитетныя сужденія. Я со своей стороны позволяю себѣ только замѣтить, что вся эта громадная работа принесетъ плоды, которыми сможетъ воспользоваться только та часть евангелической церкви, роднымъ языкомъ которой является русскій, существующая съ 1905 года. Ея характеръ, какъ извѣстно, методистическій и баптистическій. Для нея разумѣется было бы крайне полезно, если бы она пришла въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ здоровымъ научнымъ духомъ лютеранскаго богословія.

Кромѣ того я долженъ замѣтить, что, съ одной стороны, наша ев.-лютеранская церковь принципиально всегда была противъ всякой пропаганды среди христіанъ другихъ исповѣданій, и что, съ другой стороны, она всегда оказывалась благодарною за всякую данную ей возможность послужить нашему великому русскому государству, слава и благоденствіе котораго намъ дороги, и о

преуспѣваніи и процвѣтаніи котораго мы неустанно молимся, особенно въ это тяжелое время.

Въ виду этого я нахожу, что гораздо естественнѣе, чтобы не мы, говорящіе на другомъ языкѣ лютеране создавали той части евангелической церкви, роднымъ языкомъ которой является русскій, богословіе, но что она сама должна сдѣлать это, если хочетъ имѣть будущность и обезнечить свое дальнѣйшее развитіе. Русскій протестантскій богословскій языкъ можетъ нормально развиваться только на почвѣ русской протестантской церкви.

Профессоръ К. К. Грассъ: Предложеніе проф. М. А. Сиринова не столько касается народности и языка, сколько религіи и вѣротерпимости. Наши ГОСУДАРИ ИМПЕРАТОРЫ покойные и нынѣ благополучно царствующій ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II, единогласно постановили, чтобы инородные подданные молились Богу, Отцу Небесному, на родномъ языкѣ, такъ какъ изъ самой глубины сердца можно высказаться только на родномъ языкѣ, и мы съ земными отцомъ и матерью тоже говоримъ на родномъ языкѣ. Изъ этого, издавна въ нашемъ великомъ государствѣ господствующаго принципа вѣротерпимости, вытекала цѣлая система распоряженій, къ которымъ принадлежитъ и оставленіе безъ измѣненія прежняго преподавательскаго языка въ лютеранскомъ богословскомъ факультетѣ при нашемъ Университетѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эта въ своихъ частяхъ до сихъ поръ послѣдовательная система была бы нарушена въ одномъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ введеніемъ русскаго языка для преподаванія, такъ какъ лютеране, для которыхъ русскій языкъ является роднымъ, составляютъ въ нашей Имперіи рѣдкія исключенія. Было бы даже не логично, если бы лютеранскіе пасторы и законоучители, которые во всѣхъ лютеранскихъ церквяхъ и во всѣхъ училищахъ, гдѣ достаточно число лютеранъ, совершаютъ богослуженіе и преподаютъ или только на нѣмецкомъ, или на нѣмецкомъ и еще другомъ инородческомъ языкѣ, изучали на русскомъ языкѣ, какъ совершать богослуженіе и преподавать законъ Божій. Чисто латышскихъ, эстонскихъ или польскихъ приходовъ нѣтъ; и латышскій, эстонскій и польскій пасторъ имѣетъ нѣмецкихъ прихожанъ и долженъ иногда проповѣдывать по-нѣмецки. Другое дѣло было бы закрытіе лютеранскаго богословскаго факультета и взамѣнъ того открытіе самостоятельной лютеранской академіи съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Что и противъ этого существуютъ принципиальныя сомнѣнія, доказалъ нашъ деканъ. Я покажу на другое. Я думаю, что такая акаде-

мія государственной казнѣ гораздо болѣе стоила бы, чѣмъ теперешній факультетъ. На жалованіе всѣхъ богословскихъ профессоровъ съ 20-ти процентной добавкою казна теперь расходуетъ въ годъ около 13000 рублей. Остальныя потребности факультета скромныя: одна аудиторія, 480 рублей, положенныхъ по штату 1865 г., на выписку богословскихъ книгъ и журналовъ Университетской бібліотекою и 100 рублей на приобрѣтеніе для лекцій предметовъ по библейской и церковной археологіи необходимыхъ книгъ и картъ по смѣтѣ расходовъ специальныхъ средствъ Университета. Зато платятъ богословскіе студенты Университету ежегодно отъ 8000 до 9000 рублей. Я сомнѣваюсь, что наше Правительство согласно будетъ на большіе расходы для научной подготовки лютеранскихъ богослововъ какъ разъ въ теперешнее время, когда почти каждая копейка нужна на потребности нашей великой отечественной войны. Что касается наконецъ того иногда въ частныхъ разговорахъ со стороны нѣкоторыхъ коллегъ высказаннаго мнѣнія, что лютеранскій богословскій факультетъ при православномъ русскомъ Университетѣ аномалія, то я укажу на то, что существуетъ на свѣтѣ совершенно аналогичное явленіе, именно въ Черновицахъ. Тамъ богословскій факультетъ православный и читаетъ лекціи на русскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ профессора остальныхъ факультетовъ католики или лютеране и читаютъ по-нѣмецки. Едва ли кто-либо изъ насъ считалъ бы цѣлесообразнымъ постановленіе Черновицкаго университета, въ силу котораго на православномъ богословскомъ факультетѣ было бы введено преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ или названный факультетъ былъ бы упраздненъ.

Профессоръ А. С. Невзоровъ: Пренія по вопросу велись нѣсколько въ приподнятомъ настроеніи, вслѣдствіе чего допущено нѣсколько ошибокъ, на которыя я и хочу обратить вниманіе.

Указывалось на то, что во время войны возбуждать вопросъ объ отдѣленіи теологическаго факультета значитъ бороться съ противникомъ со связанными руками. Полагаю, что члены теологическаго факультета во время настоящей войны являются не противниками, а должны быть соратниками въ общемъ дѣлѣ. Посему ихъ при обсужденіи настоящаго вопроса нельзя разсматривать противниками со связанными руками.

Въ пылу спора сдѣлано фактически невѣрное указаніе, будто въ здѣшнемъ краѣ христіанство внесено нѣмцами. Исторія сви-

дѣлается, что задолго до нашествія нѣмцевъ въ Прибалтійскій край христіанство (православіе) внесено сюда славянами, русскими изъ Полоцкаго княжества. Ярославъ, заложившій г. Юрьевъ въ 1030 г., лучъ христіанства бросилъ и въ нашъ городъ. Христіанство вводилось русскими безъ всякаго насилиія надъ туземцами, которыхъ впослѣдствіи нѣмцы крестили огнемъ и мечомъ. Указывалось, что Университету неудобно закрывать ученыя свои учрежденія. Но въ предложеніи, которое разсматривается, идетъ рѣчь не о закрытіи, а лишь объ его отдѣленіи отъ университета, что въ своихъ изустныхъ объясненіяхъ подчеркивалъ инициаторъ предложенія. Если бы даже велась рѣчь о закрытіи факультета, то въ исторіи Юрьевскаго университета нашлось бы немало прецедентовъ закрытія тѣхъ или другихъ его ученыхъ учреждений: профессорскій институтъ, дипломатическое отдѣленіе, политико-экономическое отдѣленіе были закрыты и отъ того научное значеніе и достоинство университета нисколько не пострадало.

Сводя вопросъ, вопреки желанію инициатора предложенія, на конфессіональную почву, выставляя разумное требованіе, чтобы нѣмцамъ не препятствовали молиться по-нѣмецки, отстаивая и на будущее время преподаваніе на теологическомъ факультетѣ на нѣмецкомъ языкѣ, совершенно непослѣдовательно проводятъ по отношенію къ полякамъ, эстамъ, латышамъ въ сущности ту несправедливую мысль, чтобы заставить ихъ учиться молиться на нѣмецкомъ языкѣ.

Невѣрно утвержденіе, будто языкъ лютеранскаго богослуженія нѣмецкій. Наличность лютеранскихъ богослуженій въ Юрьевѣ на эстонскомъ, въ Ригѣ на латышскомъ языкѣ наглядно опровергаетъ это утвержденіе.

Говорятъ, что прежде, чѣмъ перейти на русскій преподавательскій языкъ въ теологическомъ факультетѣ, необходимо создать русскій богословскій языкъ. Создавать его не приходится уже потому одному, что существуетъ богатая русская богословская литература, которая въ избыткѣ владѣетъ богословскими терминами, реченіями и выраженіями.

Для студентовъ теологическаго факультета преподаваніе на русскомъ языкѣ не создастъ затрудненій. Во 1-хъ, всѣ они окончили курсъ въ русскихъ гимназіяхъ съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ. Во 2-хъ, для нихъ и сейчасъ проф. Озе читаетъ лекціи по философіи на русскомъ языкѣ. И студенты не затрудняются ихъ слушать.

Въ то время, какъ преподаваніе на всѣхъ остальныхъ факультетахъ Юрьевскаго университета постепенно перешло на русскій языкъ, оставлять съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ одинъ теологическій факультетъ является крайней непослѣдовательностью.

Преподаваніе на русскомъ языкѣ возможно и на теологическомъ факультетѣ и къ этому преподаванію и слѣдуетъ перейти.

Если же г. г. члены теологическаго факультета почему-либо это не находятъ возможнымъ, то не останется другого выхода изъ создавшагося положенія, какъ только отдѣленіе теологическаго факультета отъ университета.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ является Покровителемъ христіанскихъ церквей въ Россіи. Таковымъ Онъ останется независимо отъ того, будетъ ли теологическій факультетъ при университетѣ, будутъ ли на немъ вестись чтенія лекцій на русскомъ или иномъ языкѣ, будетъ ли факультетъ отдѣленъ отъ университета или выдѣленъ въ особое учрежденіе.

Профессоръ К. Ю. Гиргенсонъ: Пренія уже приближаются къ концу. Поэтому я могу резюмировать сказанное и ограничиться нѣкотрыми краткими соображеніями.

Я очень сожалью, что осталось почти незамѣченнымъ мое предложеніе передать это дѣло сперва на разсмотрѣніе богословскаго факультета. Поэтому профессора богословія могли высказаться по этому дѣлу лишь попутно, а правильные методы преподаванія богословской науки были указаны главнымъ образомъ профессорами другихъ факультетовъ. Профессоры Фельсбергъ и Озе и другіе многоуважаемые коллеги имѣютъ, конечно, полное право высказаться, какъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало бы преподавать богословіе. Однако фактическое исполненіе ихъ пожеланія лежитъ не на нихъ, но на насъ, такъ какъ мы, богословы, наконецъ должны фактически преподавать богословіе. Поэтому понятно, что мы яснѣ видимъ всѣ трудности фактическаго исполненія тѣхъ программъ, о которыхъ говорили предыдущіе ораторы. Мнѣ приходилось услышать во время преній много страннаго для представителя богословской науки. Такъ напримѣръ, богословская терминологія обсуждалась съ точки зрѣнія математической терминологіи. Развѣ можно не видѣть существенной разницы между ними? Кромѣ того было высказано мнѣніе, будто созданіе терминологіи для лютеранскаго богословія на русскомъ языкѣ не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ эта терминологія

уже существуетъ въ „обличительномъ“ православномъ богословіи, которое между прочимъ и занимается критическимъ разборомъ лютеранскаго ученія. Я удивляюсь, какъ профессоръ именно историко-филологическаго факультета можетъ совѣтовать заимствовать научный языкъ у противника, желающаго опровергать тѣ научныя понятія, о которыхъ онъ говоритъ. Какая же это будетъ наука?!

Далѣе, я хочу вкратцѣ остановиться на одномъ неправильномъ аргументѣ, который часто повторялся. Много говорилось о правахъ латышей, эстовъ и поляковъ. Этихъ правъ никто не оспариваетъ. Они всѣ имѣютъ богослуженія на своемъ родномъ языкѣ, и что касается преподаванія практическаго богословія на богословскомъ факультетѣ, то всѣмъ извѣстно, что проектъ новыхъ кафедръ на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ находится въ комиссіяхъ Государственной Думы и весьма близокъ къ окончательному рѣшенію. Но это не имѣетъ никакой связи съ предложеніемъ профессора Сирина, въ которомъ говорится не о томъ, что слѣдуетъ дать латышамъ и эстамъ, а о томъ, что нужно отнять у лютеранъ нѣмецкаго происхожденія. Статистикъ намъ сказалъ, что лютеране нѣмецкаго происхожденія составляютъ менѣе 50% всего лютеранскаго населенія Россіи. Я этого не отрицаю, но на этотъ фактъ можно смотрѣть и съ другой точки зрѣнія. Роднымъ языкомъ почти для 50% лютеранъ Россійской имперіи является нѣмецкій языкъ; ни одна изъ другихъ народностей не представляетъ такого же высокаго процента во отношеніи къ числу всѣхъ лютеранъ. Если, кромѣ того, принять въ вниманіе, что, согласно историческому возникновенію и развитію лютеранскаго богословія, внѣ всякаго сомнѣнія, невозможно заниматься серьезно и основательно научнымъ изученіемъ лютеранскаго богословія, не владѣя вполне нѣмецкимъ языкомъ, то теперешнее положеніе преподавательскаго языка на богословскомъ факультетѣ является вполне естественнымъ.

Наконецъ, я хочу благодарить тѣхъ ораторовъ, которые во время преній заступились за интересы нашего факультета, а именно господъ профессоровъ Б. В. Никольскаго и Ѳ. В. Тарановскаго. Я ихъ особенно благодарю за то, что они въ красивой и изящной формѣ выражали тѣ соображенія и чувства, которыя въ собраніи русскихъ профессоровъ не можетъ выражать человѣкъ нерусскаго происхожденія, если онъ обладаетъ хоть сколько-нибудь тактомъ. Я возвращаюсь къ одной мысли ихъ рѣчей, а именно, что обсуждаемый нами вопросъ въ настоящее

время менѣ всего можетъ быть разсмотрѣнъ объективно и безпристрастно. Поэтому, я прошу господъ коллегъ или совѣтъ отклонить предложеніе профессора Сиринова, или, по крайней мѣрѣ, отложить рѣшеніе этого дѣла до наступленія мирнаго времени.

Профессоръ М. Е. Красноженъ: Главною существенною особенностью бывшаго Дерптскаго университета являлся существующій и до настоящаго времени протестантскій богословскій факультетъ. Если въ составѣ русскихъ университетовъ мы не встрѣчаемъ даже православныхъ богословскихъ факультетовъ, которые на самомъ дѣлѣ могли бы быть органически связаны съ прочими факультетами нашихъ университетовъ, то тѣмъ болѣе неестественнымъ представляется существованіе въ преобразованномъ русскомъ Юрьевскомъ университетѣ, большинство студентовъ котораго въ настоящее время принадлежитъ къ православному исповѣданію, протестантскаго богословскаго факультета. Въ особенности неестественнымъ и нежелательнымъ будетъ дальѣйшее существованіе при Юрьевскомъ университетѣ протестантскаго богословскаго факультета, на которомъ преподаваніе всѣхъ наукъ и теперь, когда наши воины проливаютъ кровь въ жестокой войнѣ съ забывшими всѣ Божескіе и человѣческіе законы безчеловѣчными нѣмцами, все еще происходитъ на нѣмецкомъ языкѣ, въ случаѣ эвакуаціи нашего университета въ коренной русскій городъ Нижній Новгородъ; едва ли это будетъ желательно и самому богословскому факультету.

Вотъ почѣму я покорнѣйше прошу поставить на рѣшеніе Совѣта вопросъ о выдѣленіи богословскаго факультета, въ виду возможнаго перевода Юрьевскаго университета изъ гор. Юрева въ Нижній Новгородъ, въ особое самостоятельное высшее учебное заведеніе, по образцу уже существующей въ Петроградѣ римско-католической духовной академіи, такъ какъ пока Юрьевскій Университетъ будетъ, въ исключеніе противъ прочихъ русскихъ университетовъ, имѣть въ своемъ составѣ протестантскій богословскій факультетъ съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія, — онъ русскимъ университетомъ быть не можетъ. Да и для самаго богословскаго факультета, не находящагося въ настоящее время ни въ какомъ отношеніи къ прочимъ факультетамъ Юрьевскаго университета, стоящаго отъ нихъ совершенно обособленно, полезнѣе и цѣлесообразнѣе выдѣлиться въ особое самостоятельное учено-учебное заведеніе.

Ректоръ докладываетъ Совѣту, что происшедшій обмѣнъ

мѣній достаточно выяснилъ разсматриваемое дѣло. На рѣшеніе Совѣта поставлено нѣсколько предложеній.

Первымъ изъ нихъ въ хронологическомъ порядкѣ идетъ предложеніе проф. Сиринова: возбудить ходатайство о замѣнѣ нѣмецкаго языка преподаванія на теологическомъ факультетѣ русскимъ или даже о полномъ упраздненіи факультета.

Вторымъ является предложеніе профессоровъ Гиргенсона и фонъ Бульмеринга — отложить разсмотрѣніе вопросовъ, поставленныхъ въ предложеніи проф. Сиринова, до наступленія мирнаго времени.

Это предложеніе, хотя хронологически и выступаетъ вторымъ, но, при голосованіи, можетъ быть поставлено и первымъ, такъ какъ принятіе этого предложенія Совѣтомъ устранить необходимость въ немедленномъ постановленіи рѣшенія относительно предложенія проф. Сиринова.

Далѣе идутъ: предложеніе профессора Фельсберга и предложеніе проф. Озе, которыя, въ случаѣ согласія ихъ авторовъ, могутъ быть соединены въ одно предложеніе, но, въ виду выраженного несогласія со стороны авторовъ, должны быть проголосованы въ отдѣльности.

Предложеніе проф. Фельсберга является по счету третьимъ и состоитъ въ томъ, чтобы Богословскій Факультетъ сохранить, преподаваніе въ немъ вести на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ догматики и практическаго богословія, которыя должны быть преподаваемы на языкахъ народностей русскаго государства, исповѣдующихъ лютеранство.

Предложеніе проф. Озе занимаетъ четвертое мѣсто и заключается въ томъ, чтобы, въ случаѣ сохраненія Богословскаго Факультета при Университетѣ, вести преподаваніе въ немъ на русскомъ языкѣ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ практическаго богословія, которое должно быть преподаваемо на языкахъ народностей русскаго государства, исповѣдующихъ лютеранство.

Наконецъ, пятымъ идетъ предложеніе профессора Красножена — выдѣлить Богословскій Факультетъ въ особое учебное заведеніе, по примѣру Римско-Католической Духовной Академіи.

Признавая дѣло достаточно выясненнымъ, Ректоръ предлагаетъ закончить пренія и перейти къ постановкѣ вопросовъ на голосованіе.

Предложеніе принято.

Проф. Д. Н. Кудрявскій указываетъ на то, что, по его

мнѣнію, на голосованіе должно быть поставлено только предложеніе проф. Сиринова въ томъ видѣ, какъ оно имъ изложено письменно, что же касается другихъ предложеній, которыя возникли попутно во время преній, то ихъ не слѣдуетъ ставить на баллотировку, такъ какъ они въ Совѣтѣ не обсуждались.

Проф. М. Е. Красноженъ предлагаетъ снять съ очереди обсужденіе предложенія проф. М. А. Сиринова.

Ректоръ объясняетъ, что предложеніе профессора Сиринова имѣетъ точно опредѣленное содержаніе, выраженное въ письменной формѣ самимъ авторомъ еще въ сентябрѣ прошлаго 1914 г., нѣсколько разъ повторенное на повѣсткахъ совѣтскихъ засѣданій и стоящее на повѣсткѣ происходящаго засѣданія. Отказаться отъ постановки этого предложенія въ его полномъ точномъ видѣ на голосованіе имѣетъ право только самъ авторъ этого предложенія, проф. Сириновъ, а такъ какъ онъ ушелъ изъ засѣданія, то на ректорѣ, какъ на предсѣдателѣ Совѣта, лежитъ обязанность поставить на голосованіе это предложеніе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно сдѣлано профессоромъ Сириновымъ и поставлено на повѣсткѣ засѣданія. Если же кому-нибудь изъ Членовъ Совѣта угодно измѣнить или расчленивъ это предложеніе, то онъ долженъ внести соотвѣтствующее предложеніе уже отъ своего имени, и тогда это предложеніе будетъ поставлено на голосованіе, такъ какъ Ректоръ обязанъ ставить на голосованіе всѣ законныя предложенія Членовъ Совѣта, относящіяся къ дѣлу.

Въ виду спора о порядкѣ постановки предложенія проф. Сиринова и предложенія профессоровъ Гиргенсона и фонъ Бульмеринга на голосованіе, Ректоръ, на основаніи § 12 Правилъ дѣлопроизводства, поставилъ на голосованіе вопросъ: угодно ли Совѣту поставить первымъ на голосованіе предложеніе проф. Сиринова?

Этотъ вопросъ рѣшенъ отрицательно большинствомъ 20 голосовъ противъ 12.

Вслѣдъ затѣмъ поставлены Ректоромъ на голосованіе: предложеніе профессоровъ Гиргенсона и фонъ Бульмеринга, предложеніе проф. Сиринова, предложеніе проф. Фельсберга, предложеніе проф. Озе и предложеніе проф. Красножена.

Первымъ подвергнуто голосованію предложеніе профессоровъ Гиргенсона и фонъ Бульмеринга — отложить разсмотрѣніе вопросовъ, поставленныхъ въ предложеніи проф. Сиринова, до наступленія мирнаго времени.

Въ пользу этого предложенія подано 8 голосовъ профессорами:

фонъ Бульмерингомъ, Пѣтуховымъ, Дегіо, Гиргенсономъ, А. А. Алексѣевымъ, Зеземаномъ, Грассомъ, Ганомъ, а противъ — 24 голоса: Ректоромъ Пусторослевымъ и профессорами: Томсономъ, Никольскимъ, Тарановскимъ, Лаппо, Сентъ-Илеромъ, Кудрявскимъ, Мазингомъ, Садовскимъ, Озе, В. П. Курчинскимъ, Игнатовскимъ, Красноженомъ, Квачалой, барономъ Фрейтагъ-Лоринговымъ, Невзоровымъ, Тарасенко, Боголюбовымъ, Адольфи, Жуковскимъ, Люткевичемъ, Фельсбергомъ, Ландезеномъ и Богушевскимъ.

Вторымъ голосовалось предложеніе профессора Сиринова — возбудить ходатайство о замѣнѣ нѣмецкаго языка преподаванія на теологическомъ факультетѣ русскимъ или даже о полномъ упраздненіи факультета.

Въ пользу этого предложенія поданъ одинъ голосъ профессоромъ Томсономъ, а противъ — 22 голоса: Ректоромъ Пусторослевымъ и профессорами: Никольскимъ, Тарановскимъ, Лаппо, Сентъ-Илеромъ, Кудрявскимъ, фонъ Бульмерингомъ, Мазингомъ, Садовскимъ, Квачалой, барономъ Фрейтагъ-Лоринговымъ, Дегіо, Гиргенсономъ, Тарасенко, Зеземаномъ, Боголюбовымъ, Адольфи, Люткевичемъ, Фельсбергомъ, Грассомъ, Ландезеномъ, Ганомъ. Восемь профессоровъ: Озе, В. П. Курчинскій, Игнатовскій, Красноженъ, Невзоровъ, Алексѣевъ, Жуковскій и Богушевскій — воздержались отъ голосованія.

Третьимъ поставлено на голосованіе предложеніе профессора Фельсберга — Богословскій Факультетъ сохранить, преподаваніе въ немъ вести на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ догматики и пракческаго богословія, которыя должны быть преподаваемы на языкахъ народностей русскаго государства, исповѣдующихъ лютеранство.

Въ пользу этого предложенія подано 10 голосовъ: Ректоромъ Пусторослевымъ и профессорами: Томсономъ, Озе, Игнатовскимъ, Квачалой, Боголюбовымъ, Жуковскимъ, Люткевичемъ, Фельсбергомъ и Богушевскимъ, а противъ — 13 голосовъ профессорами: Кудрявскимъ, фонъ Бульмерингомъ, Мазингомъ, В. П. Курчинскимъ, Красноженомъ, барономъ Фрейтагъ-Лоринговымъ, Дегіо, Гиргенсономъ, Невзоровымъ, Зеземаномъ, Адольфи, Грассомъ и Ганомъ. Воздержалось отъ голосованія восемь профессоровъ: Никольскій, Тарановскій, Лаппо, Сентъ-Илеръ, Садовскій, Тарасенко, А. А. Алексѣевъ и Ландезенъ.

Четвертымъ подвергнуто голосованію предложеніе проф. Озе — въ случаѣ сохраненія Богословскаго Факультета при Университетѣ, вести преподаваніе въ немъ на русскомъ языкѣ по всѣмъ

К. Гиргенсонъ.
 Г. Адольфи.
 И. Лаппо.
 Т. Ганъ.
 А. Люткевичъ.
 К. Грассъ.
 Г. Ландезенъ.
 В. Курчинскій.
 Е. Озе.
 Л. Мазингъ.
 Б. Срезневскій.
 А. Яроцкій.
 Е. Пѣтуховъ.
 А. Игнатовскій.
 Е. Шепилевскій.
 А. Бульмерингъ.

Ушелъ изъ засѣданія въ 12 ч. ночи. Θ. Тарановскій.

При подписаніи сего протокола считаю нужнымъ заявить, что я ушелъ изъ засѣданія въ 12 часовъ ночи, не предполагая, что будетъ разсматриваться столь важное дѣло, изложенное въ особомъ мнѣніи проф. М. Е. Красножена. Считаю совершенно противозаконнымъ заслушаніе особаго мнѣнія черезъ семь мѣсяцевъ послѣ его подачи и при томъ въ концѣ учебного года, когда профессора уже разъѣзжаются, и послѣ полуночи, когда возможно лишь разсмотрѣніе формальныхъ дѣлъ. В. Алексѣевъ ¹⁾.

Вѣрно: Секретарь Совѣта В. Вознесенскій.

1) Примѣчаніе Ректора. Когда въ началѣ засѣданія Совѣта по вопросу о Богословскомъ Факультетѣ, 22 августа 1915 г., были заявлены требованія о составленіи особаго протокола по этому дѣлу, и было постановлено Совѣтомъ, чтобы этотъ протоколъ, по утвержденіи его Совѣтомъ, былъ напечатанъ въ Ученыхъ Запискахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета; тогда я тотчасъ обратился къ членамъ Совѣта съ просьбой, чтобы каждый, кто будетъ говорить по этому дѣлу, представилъ Секретарю Совѣта письменное изложеніе произнесенной имъ рѣчи.

Эта просьба, вполне соответствующая многолѣтнему установившемуся обычаю въ Совѣтѣ, была встрѣчена общимъ одобреніемъ.

Сознавая невозможность составленія протокола по этому дѣлу къ слѣдующему засѣданію Совѣта, назначенному на 25 августа 1915 г., но

Въ Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевского Университета ординарнаго профессора сего Университета Михаила Красножона по вопросу о выдѣленіи богословскаго факультета въ особое высшее учебное заведеніе

особое мнѣніе.

Въ засѣданіи Совѣта 22 августа 1915 года, послѣ того какъ предложеніе проф. Э. Р. Фельсберга „богословскій факультетъ сохранить, преподаваніе въ немъ вести на русскомъ языкѣ, за исключеніемъ догматики и практическаго богословія, которые должны быть преподаваемы на языкахъ народностей русскаго го-

желая составленія этого протокола, по крайней мѣрѣ, къ одному изъ ближайшихъ засѣданій, я обратился 27 августа 1915 г. къ членамъ Совѣта, участвовавшимъ въ обмѣнѣ мнѣній по вопросу о Богословскомъ Факультетѣ въ засѣданіи 22 августа, съ циркулярнымъ предложеніемъ о доставленіи мнѣ письменнаго изложенія содержанія произнесенныхъ ими рѣчей.

Но, только очень немногіе изъ ораторовъ, а въ томъ числѣ и проф. М. А. Сириновъ, доставили изложеніе своихъ рѣчей въ концѣ августа. Другіе ораторы стали доставлять изложеніе своихъ рѣчей позднѣе. Несмотря на неоднократныя просьбы Секретаря Совѣта и мои обращенія, доставленіе изложенія рѣчей затянулось. А одинъ изъ самыхъ важныхъ ораторовъ доставилъ изложеніе своихъ рѣчей только въ 20-хъ числахъ марта мѣсяца 1916 г., къ засѣданію Совѣта, назначенному на 1 апрѣля 1916 г.

Признавая вопросъ о Богословскомъ Факультетѣ очень важнымъ и находя, что, съ точки зрѣнія логики, въ интересахъ правды, изложеніе содержанія рѣчей въ томъ протоколѣ, который будетъ заслушанъ Совѣтомъ и напечатанъ въ Ученыхъ Запискахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевского Университета, должно, по возможности, соответствовать во всѣхъ существенныхъ чертахъ дѣйствительному содержанію рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіи Совѣта 22 августа 1915 г. по этому вопросу, я не имѣлъ возможности представить Совѣту протоколъ этого засѣданія раньше засѣданія Совѣта 1 апрѣля 1916 г.

А такъ какъ, по дѣйствующимъ правиламъ дѣлопроизводства въ Совѣтѣ, Правленіи и Факультетахъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевского Университета (§ 20), „представленные особы мнѣнія заслушиваются въ слѣдующемъ засѣданіи при чтеніи протокола предшествующаго засѣданія, вслѣдъ за соответствующими статьями, и до подписанія протокола“; то и особое мнѣніе орд. проф. М. Е. Красножона не могло быть заслушано въ Совѣтѣ ранѣе засѣданія 1 апрѣля 1916 г.

сударства, исповѣдающихъ лютеранство“, было отклонено (при чемъ въ пользу этого предложенія подано 10 голосовъ, противъ — 13, воздержалось отъ голосованія 8 человекъ), а также внесенное, затѣмъ, проф. Я. Ф. Озе предложеніе „въ случаѣ сохраненія богословскаго факультета при Университетѣ, вести преподаваніе на немъ на русскомъ языкѣ по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ практическаго богословія, которое должно быть преподаваемо на языкахъ народностей русскаго государства, исповѣдающихъ лютеранство“, при равенствѣ голосовъ (13 въ пользу предложенія проф. Озе; 13 — противъ; воздержавшихся отъ голосованія 5), голосомъ предсѣдателя г. Ректора ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета П. П. Пусторослева было отвергнуто. — поставлено было на баллотировку внесенное мною предложеніе о выдѣленіи богословскаго факультета Юрьевскаго Университета въ особое самостоятельное высшее учебное заведеніе по образцу существующей въ Петроградѣ римско-католической духовной академіи. Предложеніе это большинствомъ голосовъ (+ 11 — 14, при 6 воздержавшихся) было отклонено.

Вслѣдствіе такого постановленія Совѣта честь имѣю представить нижеслѣдующее мое особое мнѣніе.

Главною существенною особенностью бывшаго Дерптскаго Университета являлся существующій и до настоящаго времени протестантскій богословскій факультетъ. По § 1 устава Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго Университета (сравн. ст. 560 т. XI ч. I Св. Зак.), Университетъ этотъ состоитъ изъ пяти факультетовъ, какъ составныхъ частей одного цѣлаго. Факультеты сіи суть: богословскій, юридическій, медицинскій, историко-филологическій и физико-математическій. Между тѣмъ во всѣхъ прочихъ университетахъ Россійской Имперіи нормальное число факультетовъ четыре, а именно историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій (ст. 403 т. XI ч. I). Если въ составѣ русскихъ университетовъ мы не встрѣчаемъ даже православныхъ богословскихъ факультетовъ, которые могли бы находиться въ органической связи съ прочими факультетами нашихъ университетовъ, то тѣмъ болѣе неестественнымъ представляется существованіе протестантскаго богословскаго факультета въ преобразованномъ русскомъ университетѣ, значительная часть студентовъ котораго принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію. Въ особенности же неестественнымъ является дальнѣйшее существованіе при Юрьевскомъ университетѣ протестантскаго богословскаго фа-

культета, съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія, теперь, во время войны съ жестокимъ врагомъ русскаго народа, попирающимъ законы Божескіе и человѣческіе. Наконецъ, для самого богословскаго факультета Юрьевскаго университета полезнѣе и цѣлесообразнѣе выдѣлиться въ особое самостоятельное учебное заведеніе, по образцу римско-католической духовной академіи, учрежденной для высшаго образованія духовныхъ лицъ, предназначающихъ себя къ главнѣйшимъ должностямъ римско-католической іерархіи (ст. 103 т. XI ч. I Св. Зак. Уст. иностр. исповѣд.): на сколько чужды и непонятны нужды прочихъ русскихъ факультетовъ Юрьевскаго университета протестантскому богословскому факультету, на столько же чужды интересы этого факультета большинству русскихъ профессоровъ прочихъ факультетовъ Юрьевскаго университета; оставаясь, по прежнему, въ составѣ Юрьевскаго университета, онъ будетъ стоять совершенно обособленно, такъ какъ въ русскомъ университетѣ — не мѣсто протестантскому богословскому факультету, да еще съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія.

Юрьевъ, 5 сентября 1915 г.

Михаилъ Красножонъ.

Вѣрно: Секретарь Совѣта В. Вознесенскій.

Избранныя главы по полевой хирургіи

Проф. В. Цеге фонъ Мантейфеля.

VIII-ая лекція.

Огнестрѣльные раненія грудной клѣтки.

Вопросъ объ огнестрѣльныхъ раненіяхъ груди затрагивался неоднократно какъ военно-полевыми хирургами, такъ и вообще врачами, участвовавшими въ войнахъ послѣдняго времени. Я укажу лишь на труды Terrier'a, Degio (Сербская война), Пирогова (Турецкая война), Kütner'a (англо-бурская), König'a, Гюбенета, Хольбека, Рейера, Шефера, Остенъ-Сакена, Руковича (Русско-Японская война), Богораза, Jeger'a (современная война). Раненія грудной клѣтки даютъ, несомнѣнно, большое число такихъ раненыхъ, которые остаются на полѣ сраженія. Доктору Гюбенету во время осады Портъ-Артура не удалось установить количество погибшихъ отъ раненій груди. Зато имѣются нѣкоторыя данныя о $\%$ отношеніи раненыхъ въ грудную клѣтку къ общему числу раненыхъ.

Гюбенетъ	нашелъ	12,5 $\%$	изъ	нихъ	ранены	въ	легкія	были	4,4 $\%$
Шеферъ	"	15,9	"	"	"	"	"	"	— "
Хольбекъ	"	7,4	"	"	"	"	"	"	— "
Богоразъ	"	3,9	"	"	"	"	"	"	2,7 "
Суханекъ	"	2,7	"	"	"	"	"	"	— "
Charles Pettavel	(Балканская война)								9,0 "
"	" (современная война)								12,9 "

Вы видите, что наблюдается значительная разница между данными отдѣльныхъ авторовъ; часть врачей (Гюбенетъ, Шеферъ, Pettavel) приводятъ приблизительно одинаковыя цифры — 12 $\%$; 12,5 $\%$; 15 $\%$; остальные наблюденія

даютъ болѣе или менѣе случайныя данныя изъ одного или нѣсколькихъ госпиталей.

Раненія самой стѣнки грудной клѣтки требуютъ особаго вниманія лишь въ томъ случаѣ, когда задѣты близлежащіе органы, напримѣръ, спинной мозгъ, плечевой суставъ или крупныя сосуды плеча. Въ такихъ случаяхъ сама компликація превалируетъ настолько, что раненіе грудной стѣнки отодвигается на второй планъ. Раненія груди происходятъ въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, нерѣдко въ продольномъ направленіи, что объясняется лежащимъ положеніемъ солдатъ во время стрѣльбы. Не мѣшаетъ здѣсь упомянуть о такъ называемыхъ опоясывающихъ раненіяхъ, которыя при страшной силѣ употребляемыхъ нынѣ коническихъ пуль немислимы и противорѣчатъ законамъ физики. Уже Пироговъ сомнѣвался въ возможности такихъ раненій.

Прободающія раненія съ пораненіемъ легкаго. Если прободеніе произошло близко отъ hilus'a, то раненый, обыкновенно, погибаетъ на полѣ сраженія. Такіе случаи весьма рѣдко подлежатъ врачебной помощи. Какая изъ сторонъ грудной клѣтки чаще ранится, установить трудно. При ружейной стрѣльбѣ опасности раненія подвергается болѣе лѣвая сторона. Но на лѣвой же сторонѣ находится такой важный органъ какъ сердце и очень можетъ быть, что многіе изъ раненыхъ въ лѣвую сторону груди не достигаютъ ближайшаго перевязочнаго пункта. Остроконечная пуля даетъ большое рваное выходное отверстіе, при чемъ при тангенціальномъ направленіи выстрѣла нерѣдко часть реберъ вырвана и грудная клѣтка широко вскрыта. Въ другихъ случаяхъ входное и выходное отверстія одинаковой величины. Нужно помнить, что и при такихъ раненіяхъ рана можетъ быть заражена (Рейеръ установилъ 33%). Шрапнельная пуля часто застреваетъ и даже, если она прободаетъ грудную клѣтку, все же инфекція ранъ наблюдается въ 89% (Рейеръ). Такіе же результаты, а можетъ быть еще и хуже, даютъ раненія гранатными осколками.

Симптомы раненія легкаго. По статистикѣ Хольбека и Остенъ-Сакена кровохарканіе встрѣчается больше, чѣмъ въ половинѣ всѣхъ зарегистрированныхъ случаевъ. По Богоразу въ 66%; но такъ какъ эти статистическія данныя приводятся главнымъ образомъ изъ анамнеза, т. е. со

словъ раненыхъ, то мнѣ думается, что ихъ нужно еще разъ тщательно провѣрить. Мокрота ржаваго цвѣта часто не замѣчается даже на 2—3 день ни раненымъ, ни персоналомъ. Даже въ практикѣ мирнаго времени мы должны тщательно собирать мокроту, чтобы установить присутствіе въ ней крови.

Лечение: наркотическія средства (Morphium, Pantoron). Впослѣдствіи примѣняются дезинфецирующія средства — Camphora, скипидаръ — послѣднее дѣйствуетъ раздражающе.

Rp. Acid. benzoic. 0,1
Camphorae trit. 0,1
Sacchar. lactis 0,3
M. f. pulv.
D. S. черезъ 2 часа по порошку.

Haemothorax наблюдается далеко не во всѣхъ случаяхъ раненія легкаго. Современная война даетъ цѣлый рядъ слѣпыхъ раненій безъ кровоизліянія въ плевральную полость. Haemothorax обнаруживается притупленіемъ, усиленіемъ грудного дрожанія и ослабленіемъ дыхательнаго шума. Если имѣется haemothorax не слишкомъ большой и если нѣтъ угрожающихъ симптомовъ давленія на сердце, то раненаго оставляютъ въ покоѣ; при такомъ положеніи вещей даже пробная пункція не желательна, безъ особаго на это показанія. Еще со временъ сербской войны, благодаря работѣ Дегио, намъ извѣстно, что излившаяся въ плевральную полость кровь можетъ тамъ оставаться безъ особыхъ измѣненій и осложненій отъ 4 до

Примѣчаніе. В. М. Ивановъ наблюдалъ 115 случаевъ проникающихъ раненій грудной клѣтки, изъ нихъ умерло 20%; консервативно В. М. Ивановъ лечилъ 92 раненыхъ, умерли 3,2%. (Южный фронтъ. Лазаретъ Государыни Императрицы Маріи Θεодоровны въ Кіевѣ; опубликовано въ Архивѣ Вельяминаова.)

М. Ш. Чепурной наблюдалъ 178 случаевъ — смертность 8% (проф. Крымовъ, лазаретъ имени Терещенко въ Кіевѣ — Южный фронтъ; опубликовано въ архивѣ Вельяминаова 1916 г.).

Это результаты, полученные при леченіи огнестрѣльныхъ раненій грудной клѣтки въ лазаретахъ и госпиталяхъ нашего Южнаго фронта. Бросается въ глаза разница между результатами леченія такихъ раненій на Западномъ и на Южномъ фронтѣ. Меньшій % смертности на послѣднемъ фронтѣ объясняется тѣмъ, что австрійцы употребляютъ огивальныя ружейныя пули и много раненій грудной клѣтки происходитъ именно этимъ снарядомъ.

6 недѣль, и что послѣ такого промежутка времени ее можно удалить, не рискуя при этомъ занести инфекцію въ грудную полость. Нынѣ, для того чтобы не препятствовать нормальному расширенію легкаго, мы не станемъ такъ долго ждать, но все же отложимъ хирургическое вмѣшательство до тѣхъ поръ, пока не минуетъ опасность послѣдовательнаго кровотока, пока рана въ легкомъ не зарубцуется и опасность попаданія инфекціонныхъ зародышей во время пункции не исчезнетъ. Слѣдовательно, лучше выждать недѣлю и затѣмъ сдѣлать нѣсколько частичныхъ пункций, т. е. извлекать каждый разъ сравнительно небольшое количество крови. Такимъ образомъ мы избѣжимъ вышеуказанныхъ дурныхъ послѣдствій. Попаданіе инфекціонныхъ зародышей въ плевральную полость при высасываніи выпота вполне возможно, и вѣроятно всякій изъ полевыхъ хирурговъ видѣлъ и наблюдалъ нагноеніе плевр. полости послѣ пункции, хотя послѣдняя была произведена вполне асептически. Такую же повторную и частичную пункцию нужно производить, если имѣются угрожающіе симптомы давленія на сердце и значительное затрудненіе дыханія.

При повторныхъ опасныхъ кровоизліяніяхъ рекомендовали хирургическое вмѣшательство, т. е. перевязку самаго легкаго. Не отказываясь совершенно отъ такого показанія, я все же полагаю, что очень трудно найти моментъ, когда необходимо принять такую серьезную хирургическую мѣру для остановки кровотока. Такіе раненные бываютъ всегда очень слабы отъ значительной потери крови; кромѣ того, при операціи приходится широко открыть грудную клѣтку, а это неизмѣнно вызываетъ сильный шокъ; наконецъ, нельзя терять даже при повторныхъ кровоизліяніяхъ надежды на самостоятельную остановку кровотока. Конечно, опасное кровотеченіе изъ крупныхъ сосудовъ близко отъ hilus'a можетъ заставить смѣлаго, рѣшительнаго хирурга перевязать hilus и вырѣзать поврежденное легкое, но примѣнять это какъ общую мѣру никакъ не слѣдуетъ.

Въ такихъ случаяхъ рекомендовали широко раскрыть полость и тампонировать плевру. Я знаю, что такія тампонаціи производились и на нашемъ фронтѣ, но каковы были результаты — не могу сказать. А priori нужно полагать, что и здѣсь будетъ значительный шокъ и не меньшая

опасность заразы. Болѣе существенный вопросъ — когда вскрыть haemothorax и при какомъ показаніи? По моему, haemothorax самъ по себѣ не даетъ никакихъ показаній для торакотоміи. При помощи аппарата Dieulafoi мы всегда можемъ удалить излившуюся кровь, конечно, если послѣднее показано. Если же haemothorax перешелъ въ нагноеніе и образуется эмпіема, то нужно приступить къ торакотоміи и дренажу. Возникаетъ вопросъ: какъ опредѣлить зараженіе haemothorax'a? Обычно t^0 повышается, какъ я уже сказалъ, даже при всасываніи чистой крови, но если это повышение температуры не исчезаетъ, а, напротивъ, все увеличивается, то есть основаніе предположить, что наступило зараженіе. Правда, повышение t^0 можетъ быть также вызвано образованіемъ пневмонического очага вокругъ пулевого канала; но обыкновенно пневмоническій очагъ опредѣляется легко аускультацией. Наконецъ, пробная пункция помогаетъ при окончательномъ діагнозѣ.

Нужно имѣть въ виду, что нельзя при этомъ ограничиться простымъ осмотромъ добытаго выпота, а нужно произвести или микроскопическое изслѣдованіе, или довольно простую гемолитическую пробу, рекомендованную проф. Петровымъ: „полученную жидкость выливаютъ въ пробирку, или стеклянный стаканчикъ, гдѣ немедленно разбавляютъ пятикратнымъ количествомъ дистиллированной, или просто отварной воды, затѣмъ взбалтываютъ и ожидаютъ 2—3 минуты; если была чистая кровь, то наступаетъ полный гемолизъ, жидкость становится прозрачной и пріобрѣтаетъ красивый красный цвѣтъ; если былъ кровянистый гной, то раствореніе оказывается неполнымъ, и жидкость остается мутной съ хлопьями. Судить о результатѣ слѣдуетъ немедленно по его полученіи, ибо уже послѣ получасового стоянія въ обоихъ случаяхъ получается прозрачная жидкость и осадки на днѣ“. Если мы при изслѣдованіи получимъ незначительную примѣсь гноя, то можно, разумѣется, примѣнить сифонный дренажъ. Послѣдній производится слѣдующимъ образомъ: вкалывается толстый троакаръ, черезъ него вводятъ катетръ; послѣ этого троакаръ удаляется, а катетръ пришивается или приклеивается къ кожѣ; отъ него отводится трубка, оканчивающаяся въ чашкѣ съ водой. Правда, что для ослабѣвшаго больного медлен-

ное истечение гноя полезно, ибо этимъ избѣгается нежелательное рѣзкое измѣненіе въ давленіи, но зато послѣдовательное леченіе очень затруднительно: тонкій катетръ легко закупоривается и при сморщиваніи грудной клѣтки сдавливается ребрами. Послѣднее обстоятельство послужило причиной тому, что мы оставили thoracosentesis (разрѣзъ въ межреберномъ промежуткѣ) и перешли къ торакотоміи (резекція ребра). Поэтому, послѣ сифоннаго дренажа мы все же черезъ нѣкоторое время дѣлаемъ торакотомію. Если же имѣется ясно выраженная эмпіема, то прямо приступаютъ къ резекціи реберъ.

Находятъ 9 ребро по задней подмышковой линіи. Такимъ образомъ для резекціи получается достаточно низкое мѣсто и въ то же время діафрагма, поднимаясь послѣ выпуска гноя, не закрываетъ сдѣланнаго отверстія; послѣднее можетъ случиться, если Вы резицируете кусокъ десятаго ребра. Операция производится подъ мѣстнымъ обезбоживаніемъ, простирающееся до періоста включительно. Пальцами лѣвой руки Вы, обозначая мѣсто ребра, фиксируете кожу надъ нимъ, вкалываете резекціонный ножъ до ребра и прорѣзываете всѣ мягкія части, а также періостъ. Разрѣзъ дѣлается въ 10—15 сантиметровъ длиною и идетъ косо впередъ и книзу. Въ разрѣзъ вставляются два острыхъ крючка. Двумя взмахами распатора Вы освобождаете переднюю сторону ребра отъ (перерѣзаннаго уже раньше) періоста. Сильно изогнутымъ elevatorium'омъ отслаивается періостъ на нижнемъ краю ребра вмѣстѣ съ *m. intercostalis*, при этомъ Вы дѣлаете инструментомъ движенія спереди назадъ; на верхнемъ же краѣ ребра наоборотъ — сзади впередъ, т. е. противъ косога направленія межреберныхъ мышцъ. Легко освобождается надкостница задней поверхности ребра, причемъ нужно держаться близко къ послѣднему. Плевра оттягивается, отодвигается отъ ребра незначительнымъ поворачиваніемъ elevatorium'a, затѣмъ возлѣ него вводится тупой конецъ реберныхъ щипцовъ, который Вы подводите подъ ребро до тѣхъ поръ, пока онъ не покажется съ другой стороны ребра; далѣе однимъ нажатіемъ прорѣзывается все ребро сразу; теперь секвестральными щипцами приподнимается конецъ ребра и передвигаютъ реберные щипцы настолько, чтобы можно было вырѣзать кусокъ ребра отъ 5—6

сантиметровъ длиною. Позади ребра за его нижней, внутренней поверхностью лежатъ сосуды и нервъ; поэтому, для прокола выбирается верхній отдѣлъ. Послѣ обезболиванія задней поверхности ребернаго періоста и плевры производится еще разъ пробная пункция и если она докажетъ присутствіе гноя, плевральная полость вскрывается желобоватымъ зондомъ или корнцангомъ. У Лысенкова и Вредена Вы находите указаніе, что прорѣзываніе періоста и плевры производится ножомъ; я Вамъ этого не рекомендую, потому что при сильномъ внезапномъ кашлѣ (кашель почти всегда наблюдается, вслѣдствіе раздраженія) при вскрытіи плевры больной можетъ наткнуться діафрагмой на Вашъ ножъ, или же, при тонкомъ слоѣ гноя, Вы рискуете ранить само легкое.

Не совѣтую Вамъ при операціи класть больного слишкомъ на здоровую сторону, такъ какъ Вы заранѣе не знаете имѣется ли сообщеніе эмпіэмы съ бронхами или нѣтъ; если такое соединеніе имѣется, то гной переливается по бронхамъ въ здоровое легкое и больной задыхается у Васъ подъ руками на операціонномъ столѣ. Самъ я оперирую такимъ образомъ, что стараюсь получить операціонное поле въ промежуткѣ между двумя столами или же кладу больного такъ, что онъ немного свисаетъ черезъ край стола и приподнимаю слегка больную сторону; при такомъ положеніи раненаго, приходится оперировать сзади, что не очень удобно, но зато вполне безопасно. . . Широкія сообщенія между эмпіемой и бронхомъ встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ мирной практикѣ и то рѣдко, но и въ полевой хирургіи долженъ примѣняться методъ испытанный и значительно менѣе рискованный.

Нѣкоторое значеніе, какъ осложненіе при прободающихъ раненіяхъ thoracis имѣетъ pneumothorax, и то не потому, что онъ очень часто встрѣчается, скорѣе наоборотъ: Хольбекъ, напримѣръ, наблюдалъ такое осложненіе только въ 12 случаяхъ изъ 252. Пневмотораксъ опасенъ тѣмъ, что при раненіи изъ поврежденнаго легкаго воздухъ попадаетъ въ плевральную полость и тамъ образуется такъ называемый напряженный (вентильный) пневмотораксъ; если давленіе достигаетъ значительной силы и грозитъ задушеніемъ, то, или немедленно приступаютъ къ пункции съ оставленіемъ

воткнутого троакара, или же производить торакотомію. Случаи напряженного пневмоторакса наблюдались въ теченіи этой войны нѣсколько разъ. При открытомъ пневмотораксѣ, происшедшемъ вслѣдствіе разрушенія грудной стѣнки до реберъ включительно, рекомендуется по Jeger'у зашить наружную рану наглухо, если же это невозможно, то пришить легкое къ отверстію. Наблюденія показали, что при плевральныхъ спайкахъ, наглухо зашитыя раненія грудной клѣтки заживаютъ благополучно, такъ какъ легкое при этомъ не спадается, плевральная полость разбивается на участки и, наконецъ, исключается возможность вторичной инфекціи.

Если, несмотря на эти мѣры, образуется эмпіема, то она бываетъ частичная и оперируется обычнымъ путемъ. Собственныхъ наблюденій въ этой области у меня нѣтъ, но я знаю, что методъ Jeger'a примѣняется на фронтѣ.

Почти въ половинѣ всѣхъ раненій грудной клѣтки наблюдалась *emphysema cutis*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кожная эмфизема распространялась по всему тѣлу. Такое измѣненіе не совсѣмъ безопасно, въ виду затрудненнаго кожного обмена веществъ. Если пневмоторакса нѣтъ, то лучше вскрыть ножомъ подкожное пространство на мѣстѣ раны, если же пневмотораксъ имѣется, то вскрываютъ и его.

Болѣе важныя осложненія наблюдаются при слѣпыхъ раненіяхъ шрапнельными, ружейными пулями и осколками гранатъ — это пнеймоническій инфильтратъ и легочный абсцессъ. Рейеръ, въ бытность моимъ ассистентомъ во время Русско-Японской войны нашелъ, что изъ 100 шрапнельныхъ прободающихъ раненій инфицированы были 80%; инфицированныхъ раненій оболочечными пулями было 38%, слѣпые раненія шрапнельными пулями дали почти 93% зараженныхъ ранъ. Нужно признать, что легочныя раненія даютъ меньше первично зараженныхъ случаевъ, чѣмъ раненія конечностей и черепа. Рейеръ объясняетъ это обиліемъ крови въ легочной ткани и, слѣдовательно, хорошими защитными условіями. Частая инфекция при слѣпыхъ раненіяхъ подтверждаетъ теорію Рейера о первичномъ зараженіи огнестрѣльныхъ ранъ (смотри лекцію 2). Какъ разъ раненія легкаго даютъ въ настоящую войну много доказательныхъ фактовъ для этой теоріи. Интересны данныя изъ доклада проф. Богораза, прочитаннаго въ Варшавѣ 8 января 1915

года, объ огнестрѣльныхъ ранахъ легкаго. Онъ нашелъ, что приблизительно въ 30% всѣхъ раненій была инфекция на протяженіи пулевого канала въ легкомъ; наружные края ранъ были инфицированы во всѣхъ случаяхъ. Далѣе, у того же автора мы находимъ, что изъ 9 легочныхъ абсцессовъ 3 образовались вслѣдствіе прободающаго раненія острой конечной пулей. Это только лишній разъ доказываетъ, что остроконечная пуля тоже заноситъ первичную инфекцію въ глубину ранъ, хотя и не такъ часто, какъ это случается при слѣпомъ раненіи.

Богоразъ указываетъ на теченіе такъ называемыхъ наружно неинфицированныхъ случаевъ и различаетъ при этомъ: 1) легкій инфильтратъ вокругъ пулевого канала, t^0-38^0 , въ полости плевры кровь отсутствуетъ; 2) Наemothorax, протекающій безъ нагноенія; 3) образование pleuritis purulenta непосредственно (въ двухъ случаяхъ начался съ легкаго); 4) легочный абсцессъ; 5) септическая инфильтрація или флегмона легкаго. Я приведу данныя Богораза:

1 типъ . . .	15 случаевъ . . .	0 умерли.
2 " . . .	48 " . . .	3 (отъ кровотеченія).
3 " . . .	11 " . . .	6 " "
4 " . . .	5 " . . .	1 " "
5 " . . .	4 " . . .	4 " "

Высокій % смертности при травматическихъ плевритахъ наблюдается и въ практикѣ мирнаго времени; если здоровая плевральная поверхность заражается, то зараза распространяется довольно быстро повсюду и тогда происходитъ быстрое всасываніе всей большой поверхностью. Если плевра при пнеймоніи инфицируется частично и медленно или, если предшествовавшій серозный выпотъ разрушилъ фізіологическія свойства плевры, то наступающая впослѣдствіи инфекция не принимаетъ такого опаснаго теченія. Этимъ же обстоятельствомъ объясняется то наблюденіе, что при ранней операціи свѣжихъ haemothorax'овъ легче наступаетъ инфекция, чѣмъ при поздней: всасывающая поверхность измѣнена, такъ сказать, испорчена.

Изъ данныхъ Богораза я обращаю Ваше вниманіе на результаты леченія легочныхъ абсцессовъ; послѣдніе при раннемъ вскрытіи даютъ довольно благоприятный прогнозъ,

въ противоположность инфильтратамъ. Это легко объяснимо: инфильтраты вызываются инфекціей, которая не даетъ нагноенія (напримѣръ, *streptococcus*). Съ другой стороны, разрывъ такого легочнаго инфильтрата не обезпечиваетъ выдѣленія инфекціи, какъ это бываетъ при вскрытіи абсцесса.

Діагнозъ легочнаго абсцесса или инфильтрата ставится на основаніи перкуторно обнаруженнаго притупленія вокругъ раневого канала, затѣмъ на основаніи того, что жидкость въ плевральной полости отсутствуетъ. При аускультации Вы находите явленія характерныя для легочнаго инфильтрата, ибо абсцессъ начинается тоже съ мѣстной пневмоніи. Иногда всѣ эти явленія не ясны, но даже при наличности всѣхъ этихъ симптомовъ рекомендуется приготовить рентгенограмму. Рентгенограмма даетъ вполне ясную картину, т. е. круглую тѣнь на мѣстѣ очага и, нерѣдко, застрявшій снарядъ. Инфильтраты даютъ на снимкѣ тоже тѣнь, но, какъ мнѣ кажется, не такой формы: очертанія тѣни болѣе разнообразны. Всѣ такіе случаи слѣдуетъ оперировать. Резекціей ребра обнажаютъ плевру, листки которой оказываются довольно часто сросшимися. Если сращенія нѣтъ, то плевральные листки плотно сшиваются непрерывнымъ швомъ. Затѣмъ слѣдуетъ пункція. Вдоль пункціонной иглы вводится желобоватый зондъ и по зонду корнцангъ. Часто не приходится искать абсцессъ, такъ какъ выдѣленіе гноя раневого канала указываетъ Вамъ путь къ абсцессу; въ такомъ случаѣ придется только расширить рану и вставить дренажъ. Разумѣется, нужно выбрать осколки снаряда и костей.

Если легкое на большомъ протяженіи разможено, то, обыкновенно, наступаетъ довольно бурная инфекція. Въ такихъ случаяхъ единственнымъ спасеніемъ является частичная резекція легкаго. Операция требуетъ сравнительно хорошаго состоянія больного и хорошей госпитальной обстановки, т. е. двухъ вещей, почти никогда не встрѣчающихся вълевой практикѣ.

При прободающихъ ранахъ грудной клѣтки повреждаются не только легкія, но и другіе близлежащіе органы, главнымъ образомъ, сердце. Хотя раненія сердца по своему значенію стоятъ на первомъ планѣ, симптомы этого раненія совершенно не выдѣляются. Въ симптомокомплексѣ господствуютъ явленія кровоизліянія въ плевральную полость.

Гладко пробитое сердце даетъ такъ мало симптомовъ поврежденія, что часто его раненіе не замѣчается. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что при одновременномъ раненіи плевры не получается наполненія сердечной сумки кровью; послѣдняя изливается прямо въ плевральный мѣшокъ. Диагнозъ ставится, главнымъ образомъ, на основаніи анатомическаго расположенія раневого канала. Гладкій пулевой каналъ сердца можетъ закрыться, зарости и тогда въ послѣдствіи слышно перикардіальное треніе. Если при раненіяхъ сердечной сумки въ послѣднюю попадаетъ кровь и воздухъ, то иногда слышится плескъ. Что касается терапіи при раненіяхъ сердца, то я Вамъ объ этомъ уже говорилъ въ 5 лекціи.

Вторая complicація, тоже болѣе важная чѣмъ само раненіе легкаго, поврежденіе спинного мозга, о которомъ мы уже говорили въ седьмой лекціи.

Грудная клѣтка обхватываетъ часть живота, и раненіе на границѣ грудной клѣтки и живота даетъ иногда очень сложную картину. Вы видите, напримѣръ, раненіе праваго легкаго и одновременное раненіе верхняго, выпуклаго купола печени. Такого рода раненія при невозможности быстрой хирургической операціи нерѣдко оканчиваются перитонитомъ и смертельнымъ исходомъ. Встрѣчаются еще раненія плевры, легкаго, діафрагмы и желудка; тогда образуется одновременно, при тяжелыхъ явленіяхъ одышки, пнеймотораксъ и пнеймоперитонитъ. Если раневое отверстіе мало и заживаетъ безъ infekціи, то воздухъ рассасывается безслѣдно. При одновременномъ же раненіи толстой кишки, такіе случаи почти всегда осложняются перитонитомъ.

Большія затрудненія представляетъ дифференціальныи диагнозъ между *abscessus subphrenicus* и плевральнымъ выпотомъ. Нужно помнить, что субдіафрагмальный абсцессъ или выпоть сдвигаетъ печень книзу. При плевритѣ это только тогда бываетъ, когда онъ очень великъ. Увеличеніе печени наблюдается при заболѣваніяхъ этого органа, которыя діагносцируются по другимъ имѣющимся симптомамъ. Очень важно сдѣлать Рентгеновскій снимокъ. Тогда мы видимъ, что *abscessus subphrenicus* даетъ кверху куполообразную границу, соотвѣтствующую выпуклости діафрагмы,

при плевритѣ же снимокъ даетъ кверху плоскую границу. При пункціи сзади Вы видите, что плевральная полость лежитъ поверхностнѣе и ближе; для достиженія субдиафрагмальной полости нужно взять болѣе длинную иглу и пройти глубже.

Итакъ, господа, изъ всего вышесказаннаго, учитывая сравнительно благополучное теченіе легочныхъ раненій, Вы можете заключить, что на передовыхъ пунктахъ, наша помощь должна быть исключительно консервативная. При маломъ входномъ и выходномъ отверстіяхъ Вы должны немедленно закрыть ихъ кускомъ марли и приклеить послѣднюю липкимъ пластыремъ. При большихъ ранахъ полная, обхватывающая весь thorax, повязка неизбежна. Непремѣнно нужно обхватить повязкой оба плеча, иначе она сползаетъ или переворачивается; не мѣшаетъ перевязочный матеріалъ подъ бинтами прилепить липкимъ пластыремъ или kleo'омъ. Въ резервныхъ госпиталяхъ Вы должны поступать по принципамъ, изложеннымъ въ сегодняшней лекціи. Вы видѣли, что и эти принципы крайне консервативны. Что касается эвакуаціи, то нужно замѣтить, что haemothorax и pneumothorax не переносятъ ее, слѣдовательно, такихъ раненыхъ не слѣдуетъ эвакуировать. Раненыхъ съ легочными абсцессами и инфильтратами нужно эвакуировать въ ближайшій оборудованный госпиталь, располагающій Рентгеновскимъ кабинетомъ, такъ какъ они требуютъ серьезнаго хирургическаго вмѣшательства.

Что касается прогноза при огнестрѣльныхъ раненіяхъ грудной клѣтки, то нужно сказать, что опытъ Русско-Японской войны и послѣдней Балканской даетъ благоприятные результаты и это же подтверждается наблюденіями изъ настоящей войны.

Status praesens — грудная клѣтка.

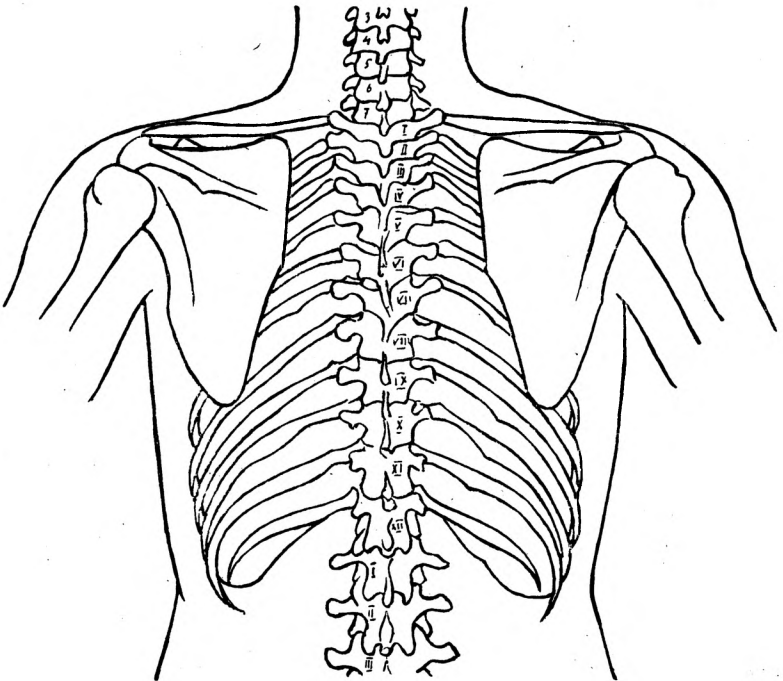
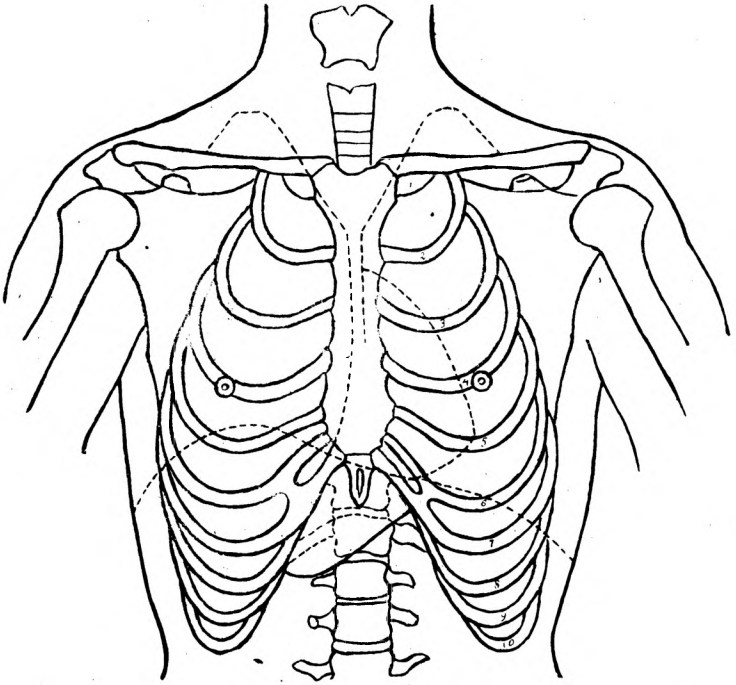
1. Рана:

сквозная, слѣпая, рваная, пулевая, шрапнельная, осколками, ручною гранатою, холоднымъ оружіемъ, контузія и пр.

2. Время, протекшее до первой перевязки.

3. Способы эвакуаціи.

4. Мѣры, примѣненныя до поступленія раненаго:
перевязки (какъ часто?)
операция?
турунды?
зондированіе?
 5. Общее состояніе раненаго при доставкѣ его: удовле-
творительное, шокъ, острая анемія и пр.
 6. Рана:
размѣры (въ сантиметрахъ)
видъ
состояніе раны и ея окружности:
 - а. кожа
 - б. мягкія части
 - в. отечность (ея границы)
 - г. подкожная эмфизема (ея границы)
 - д. выдѣляемое раны
 7. Топографія входного
и
выходного отверстій.
 8. Жалобы раненаго:
одышка и пр.
кровохарканіе послѣ раненія
 9. Выпаденія черезъ рану.
 10. Дыханіе.
 11. Кашель.
 12. Кровохарканіе.
 13. Пульсъ.
 14. Температура.
 15. Мягкія части.
 16. Подкожная эмфизема.
 17. Ребра, ключицы, грудина, лопатки, позвоночникъ.
 18. Данные перкуссии.
 19. Данные аускультации.
 20. *Fremitus pectoralis*.
 21. Сердце.
 22. Нервная система (см. листъ № 8)?
 23. Осложненія со стороны другихъ органовъ.
 24. Рентгенограмма.
-

Избранныя главы по полевой хирургіи

Проф. В. Цеге фонъ Мантейфеля.

IX-ая лекція.

Огнестрѣльные раненія живота.

Изъ раненій живота насъ болѣе интересуютъ проникающія раны, такъ какъ раненія наружныхъ брюшныхъ покрововъ ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ огнестрѣльныхъ поврежденій мягкихъ частей тѣла. При проникающихъ ранахъ отдѣльные органы брюшной полости подвергаются опасности поврежденія въ прямой зависимости отъ занимаемаго ими пространства внутри тѣла. Понятно, что на первомъ планѣ стоитъ кишечникъ, и если мы говоримъ о прободающихъ ранахъ живота, то мы при этомъ подразумеваемъ всегда поврежденіе той или другой кишки.

Какія измѣненія получаютъ на кишечникъ отъ дѣйствія огнестрѣльныхъ снарядовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ различный, смотря по тому, какимъ снарядомъ причинено поврежденіе: остроконечной или огивальной ружейной пулей, шрапнельной пулей или осколкомъ гранаты. Займемся сперва разсмотрѣніемъ дѣйствія ружейной пули. Если произвести выстрѣлъ съ близкаго разстоянія въ abdomen какого-нибудь животнаго, то при вылетѣ пули вмѣстѣ съ нею выбрызгивается жидкость (моча, жидкій калъ). Плотный калъ можно обнаружить въ очень мелкихъ кускахъ. Разумѣется, нельзя при такихъ опытахъ пользоваться боевыми патронами, разрушающими объектъ Вашего опыта. Нужно сообразоваться съ силой снаряда такъ, чтобы входное и выходное отверстія были почти одинаковой величины. Объяснить этотъ феноменъ, выбрызгиваніе жидкости одновременно съ вылетающей пулей — Вы сможете сами, при-

помнивъ то, что я Вамъ уже говорилъ о передачѣ живой силы предмету, затронутому пулей. Я удивляюсь, что въ литературѣ при разсмотрѣннн вопроса о раненіяхъ кишечника этотъ фактъ не затрагивался. Вышеописанные опыты были мною произведены 12 лѣтъ тому назадъ; пока они не опубликованы, и я не знаю, существуютъ ли въ литературѣ указанія на подобные эксперименты. Въ зависимости отъ разстоянія на какомъ былъ произведенъ выстрѣлъ, и разрушенія кишечника бываютъ различны; съ такъ называемаго „благополучнаго“ разстоянія, когда нѣтъ разрывнаго дѣйствія, мы видимъ прободеніе кишечника въ видѣ маленькихъ отверстій, которыя, несомнѣнно, могутъ безъ особенно бурныхъ симптомовъ самостоятельно зажить. Въ Манджуріи, въ Евангелическомъ госпиталѣ мнѣ пришлось присутствовать при чревосѣченіи ради ileus'a пять дней послѣ гладко протекающаго ружейнаго раненія въ животъ (огивальная пуля). Послѣ удаленія странгулирующаго тяжа, намъ съ трудомъ удалось найти инъецированные и инфильтрированные мѣста, покрытыя уже блестящей брюшиной — рубцы на мѣстѣ бывшихъ ранъ (прободающія!). Такія явленія объясняютъ, обыкновенно, слѣдующимъ образомъ:

Въ маленькое раневое отверстие втягивается слизистая оболочка, образуя пробку; послѣдняя обхватывается рефлексно напряженной мускулатурой, такъ что, дѣйствительно, какъ экспериментально доказано, жидкость изъ кишки не протекаетъ. Снаружи къ пробкѣ приклеивается какая-нибудь сосѣдняя перитонеальная поверхность (сальникъ, близлежащая кишка, *peritoneum parietale*) и, приростая, закрываетъ окончательно отверстие. Впослѣдствіи сращеніе можетъ растянуться, разсосаться и кишка снова освобождается. Хотя такой механизмъ заживленія несомнѣнно существуетъ, все же я полагаю, что довольно часто кишечная рана безъ образованія пробки склеивается и зарастаетъ непосредственно. Всякое склеиваніе и *prima intentio* кишечника не можетъ произойти, если пулей заносятся въ брюшную полость какіе-нибудь ядовитые зародыши или, если послѣдніе выбрасываются въ большомъ количествѣ изъ просвѣта кишки въ брюшную полость. Незначительная инфекція почти всегда бываетъ и это вѣдь показываетъ дальнѣйшее теченіе такихъ раненій: мы видимъ въ первые дни болѣе или менѣе ясно

развитіе мѣстнаго, даже нѣсколько разлитого перитонита. Животъ болѣзненъ при дотрагиваніи, пульсъ учащенъ до 100, т^о нѣсколько повышена, аппетитъ отсутствуетъ, больного иногда тошнить, но до рвоты не доходитъ; языкъ обложенъ, но не сухой. Черезъ нѣсколько дней явленія перитонита, или, какъ это обыкновенно говорится, перитонеальнаго раздраженія исчезаютъ и если больного не эвакуируютъ или, вообще, не трогаютъ, то онъ окончательно поправляется. Если же такого больного тащить по плохимъ дорогамъ на автомобилѣ, или даже на носилкахъ, или если его слишкомъ рано эвакуируютъ, то быстро наступаетъ ухудшеніе въ его состояніи, — появляется рвота, боли усиливаются, пульсъ учащается, появляются синіе круги вокругъ глазъ (острая атрофія жира глазницы).

Я приведу Вамъ здѣсь со словъ моего учителя, проф. Валя, слѣдующій характерный случай изъ Турецкой войны: къ нему принесли раненаго въ животъ офицера, который былъ оставленъ на полѣ сраженія безъ перевязки и лежалъ такимъ образомъ 9 дней. Раненый ругалъ санитаровъ, которые его не подобрали. Проф. Валь ему отвѣтилъ: „Небрежности санитаровъ Вы обязаны своей жизнью“. И дѣйствительно, больной оказался выздоровѣвшимъ. Другой примѣръ: одинъ солдатъ во время сраженія подъ Гольдапомъ въ августѣ 1914 года былъ раненъ въ животъ и оставался въ лѣсу десять дней; ѣды не было, вода въ походной фляжкѣ скоро изсякла. Тогда онъ, профильтровавъ свою собственную мочу черезъ песокъ, утолялъ такимъ образомъ жажду. На десятый день его нашли полумертвымъ отъ голода, но выздоровѣвшимъ!... Мнѣ передавали подобные случаи изъ боевъ подъ Гродно и т. д. Еще болѣе поучительный случай я видѣлъ въ Манджуріи: въ Дашицао въ Тульскомъ лазаретѣ раненый въ животъ солдатъ на 8 день, послѣ излеченія легкаго перитонита, былъ отправленъ на вокзалъ для эвакуаціи. Однако, въ санитарномъ поѣздѣ мѣста для него не оказалось, такъ что его принесли обратно въ лазаретъ. На другой день — рецидивъ перитонита, который опять прошелъ благополучно. Спустя 8 дней раненаго опять напрасно носили для „эвакуаціи“ на вокзалъ и обратно въ лазаретъ. Онъ въ третій разъ заболѣлъ воспаленіемъ брюшины и на 6 день погибъ.

Сколько раненыхъ въ животъ было снято съ санитарныхъ поѣздовъ и оставлено на промежуточныхъ станціяхъ вслѣдствіе рецидива перитонита и, въ особенности, сколько раненыхъ погибло отъ первичнаго транспорта въ теченіи настоящей войны — я отказываюсь вычислять . . .

Господа! Я думаю, что приведенные примѣры достаточно убѣдительны! Если больной съ самага начала получилъ достаточный покой, то я думаю, что его можно эвакуировать на 10—12 день съ особенными предосторожностями. Но если онъ уже перенесъ транспортъ сейчасъ же послѣ раненія, то лучше его задержать на мѣстѣ въ теченіи 3 недѣль, дать ему полный покой и діету, ибо такой раненый скорѣе всего подвергается рецидиву. Благополучные исходы раненій въ животъ побудили нѣкоторыхъ хирурговъ утверждать, что пуля можетъ пробить животъ, не повредивъ кишечника. Не отрицая анатомической возможности такого раненія, я считаю ихъ, при разантности современной ружейной пули, крайне рѣдкими и доказанными только въ случаяхъ операціи или аутопсіи.

Остроконечная пуля только на опредѣленномъ разстояніи даетъ такіа благополучныя раненія въ животъ. При раненіяхъ съ близкаго разстоянія, какъ извѣстно, дѣйствіе пули похоже на таковое при взрывѣ. Выходное отверстіе больше входного и бываетъ иногда такъ велико и такой формы, что его могутъ принять за раневое отверстіе, происшедшее отъ дѣйствія артиллерійскаго снаряда. Особенно часто при тангенціальныхъ ранахъ получается широкій разрывъ брюшныхъ стѣнокъ съ выпаденіемъ внутренностей; къ тому же кишечникъ тоже разорванъ, и калъ и кровь выливаются наружу. Многіе изъ этихъ раненыхъ остаются на полѣ сраженія. Вы ихъ видите окоченѣвшими въ сидячемъ положеніи, поддерживающими и пытающимися вправить выпадающія внутренности. Имъ, конечно, врача, не нужно. . . Но часть похожихъ случаевъ, случайно не погибшихъ, все же обращается къ врачебной помощи. Кровь и калъ при такихъ крупныхъ раненіяхъ выливаются изъ кишечника наружу и такимъ образомъ уменьшается опасность перитонита. Кишечныя петли между собою, съ брюшиной и *peritoneum parietale* склеиваются и въ результатъ Вы видите открытую рану живота, въ которой лежатъ перепутанныя между собою ки-

печья петли, изъ которыхъ обильно выдѣляется весь калъ. Сначала ориентироваться невозможно. Все зависитъ отъ того, на какой высотѣ расположенъ этотъ anus praeternaturalis. Если онъ находится низко на толстой кишкѣ, то можно ждать. Въ такихъ случаяхъ калъ имѣетъ нормальный запахъ и полугустую консистенцію. Если выдѣляемое кишечника безъ запаха, желтаго цвѣта, пѣнисто, то Вы имѣете передъ собою содержимое начальной части тонкой кишки; вслѣдствіе этого исключается громадная всасывающая поверхность и больной страшно быстро теряетъ въ вѣсъ. Вотъ въ такихъ то случаяхъ врачъ поставленъ передъ сложной и непріятной альтернативой: или оперировать въ нечистой ранѣ, или же ждать до истощенія больного? Обыкновенно требуется время, чтобы опредѣлить расположеніе отдѣльных петель; если найдены приводящій и отводящій концы, то можно нѣкоторое время впрыскивать содержимое приводящаго конца въ отводящій отрѣзокъ и если кромѣ того питать больного черезъ ротъ и per rectum, то такимъ образомъ можно поддержать силы раненаго, но вѣсъ его всетаки уменьшается. Нужно рѣшиться на какое-нибудь вмѣшательство. Если отводящій и приводящій концы кишечника прилегаютъ другъ къ другу и срослись, то можно ихъ соединить, воспользовавшись зажимомъ Dupuytren'a, хотя и эта мѣра небезопасна. Были попытки произвести чревосѣченіе на нѣкоторомъ разстояніи отъ раны и затѣмъ дѣлать entroentroanastomosis, исключая такимъ образомъ всю поврежденную часть кишечника. Наконецъ, можно примѣнить радикальную операцію, т. е. освободить всю спаянную часть кишечника, приподнять послѣдній и резецировать, соединяя потомъ здоровые концы. Результаты примѣненія всѣхъ этихъ мѣръ дали какъ благопріятные исходы, такъ и наоборотъ. Но все же мнѣ думается, что радикальная мѣра предпочтительна. Разумѣется, такую рану зашивать наглухо нельзя.

Возникаетъ вопросъ, не цѣлесообразнѣе ли приступить къ операціи въ свѣжихъ случаяхъ, когда еще нѣтъ нагноенія? Къ сожалѣнію, существующій въ это время шокъ и неблагопріятная обстановка главнаго перевязочнаго пункта запрещаютъ всякое серьезное хирургическое вмѣшательство.

Прободающія раненія живота шрапнельной пулей даютъ всегда очень крупныя поврежденія кишечника, при этомъ отверстія въ кишкахъ такъ велики, что самостоятельно закрыться они не могутъ; обыкновенно калъ попадаетъ въ брюшную полость и больные умираютъ отъ перитонита. Крупные гранатные осколки разрываютъ весь животъ, мелкіе часто застреваютъ. Слѣпыя раненія ружейной или шрапнельной пулей, или гранатнымъ осколкомъ сравнительно нерѣдко влекутъ за собой мѣстный гнойный перитонитъ. Иногда гной выдѣляется черезъ входное отверстіе и черезъ нѣсколько дней образуется каловой свищъ. Въ другихъ случаяхъ Вы видите образованіе мѣстнаго перитонита въ видѣ гнойника, который необходимо вскрыть; и здѣсь въ концѣ концовъ образуется каловой свищъ. Такіе свищи на толстой или на нижнемъ отдѣлѣ тонкой кишки нерѣдко заживаютъ безъ хирургическаго вмѣшательства.

Нужно упомянуть еще объ особомъ типѣ раненій — это поврежденіе живота вслѣдствіе контузіи. Нужно различать контузіи, происшедшія отъ ушиба ослабѣвшимъ двигающимся снарядомъ, напримѣръ, шрапнельнымъ стаканомъ, отъ воздушныхъ контузіи. При контузіяхъ перваго рода мы иногда замѣчаемъ на брюшныхъ покровахъ кровоподтеки; другихъ наружныхъ измѣненій не наблюдается. Внутри брюшной полости при вскрытіи было обнаружено: оторванный отъ соесит'а ileum, разрывъ двѣнадцатиперстной кишки и, наконецъ, крупное кровоизліяніе изъ брыжжеечныхъ сосудовъ. Въ литературѣ описаны внутрибрюшныя кровоизліянія вслѣдствіе воздушной контузіи. Мнѣ лично пришлось видѣть подъ Сувалками случай воздушной контузіи съ смертельнымъ исходомъ черезъ 24 часа. Къ сожалѣнію, военныя событія помѣшали патолого-анатомическому вскрытію. Въ литературѣ описанъ случай воздушной контузіи съ смертельнымъ исходомъ и съ отрицательнымъ результатомъ вскрытія. Я не сомнѣваюсь, что при такого рода раненіяхъ причиной смерти является шокъ, да это и станетъ понятнымъ, если мы вспомнимъ опыты Гольца, который многочисленными ударами въ животъ вызывалъ значительный шокъ.

Кромѣ кишечника въ брюшной полости расположенъ цѣлый рядъ органовъ, изъ которыхъ насъ интересуеъ раненіе

желудка. Измѣненіе положенія желудка въ наполненномъ или пустомъ состояніи и его постоянныя движенія не позволяютъ намъ при постановкѣ точнаго діагноза руководствоваться топографическимъ расположеніемъ наружной раны. Кривая рвота, постоянно встрѣчающійся симптомъ при поврежденіи желудка, къ сожалѣнію, бываетъ обыкновенно только разъ вначалѣ и, кромѣ того, мы узнаемъ объ этомъ явленіи изъ анамнеза, т. е. со словъ больного. Въ обстановкѣ мирнаго времени кровавая рвота производитъ на пострадавшаго настолько сильное впечатлѣніе, что этотъ симптомъ всегда запоминается и рассказывается врачу, — въ пылу боя это не всегда такъ бываетъ. Если изъ желудка выходитъ газъ или воздухъ, то при положеніи больного на спинѣ, онъ скопляется надъ печенью. Печеночное притупленіе исчезаетъ. Воздухъ или газъ можетъ измѣнить мѣсто расположенія или разсосаться; мнѣ не пришлось на войнѣ найти этотъ симптомъ. Утверждаютъ, что ружейная рана желудка можетъ также закрыться, какъ то наблюдается при раненіяхъ кишечника. Не отрицая такой возможности, я считаю, что это случается довольно рѣдко и если бываетъ, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда рана расположена близъ малой кривизны желудка, которая сохраняетъ болѣе спокойное положеніе. *Pars pylorica* и дно желудка, какъ это доказалъ Бурденко, находятся въ безпрерывномъ перистальтическомъ движеніи и, слѣдовательно, тамъ едва ли могутъ образоваться защитныя спайки. Мой взглядъ подтверждается наблюденіями изъ мирной практики, показывающими, что спайки обнаруживаются, главнымъ образомъ, на малой кривизнѣ и на менѣе подвижной части *pars pylorica*. На кишечникѣ, какъ бы для защиты, сальникъ спаивается со всякимъ раненіемъ кишки. Этотъ защитный аппаратъ, разумѣется, отсутствуетъ при раненіяхъ передней стѣнки желудка. Поэтому, раненія желудка считаются всегда серьезными. Если послѣ раненія содержимое желудка изливается въ большомъ количествѣ въ брюшную полость, то наступаетъ бурно протекающій перитонитъ, быстрое распространеніе котораго объясняется, отчасти, подвижностью самаго желудка и, съ другой стороны, присасывающимъ дѣйствіемъ діафрагмы. Діафрагма, особенно въ *centrum tendineum* и по краямъ, имѣетъ большое количество лимфа-

тических щелей (stomata), которая въ физиологической жизни производятъ рассасываніе капиллярной жидкости между перитонеальными листками въ громадномъ количествѣ (у кролика въ сутки рассасывается жидкость въ-сомъ въ 24 раза больше, чѣмъ въсь его тѣла). Понятно, что при патологическихъ условіяхъ рассасываніе токсиновъ способствуетъ чрезвычайно быстрому теченію болѣзни.

Въ полевой хирургіи терапія все же будетъ консервативная, ибо крупныя раны желудка не подлежатъ врачебной помощи, а мелкокалиберныя раненія въ сравнительно толстыхъ стѣнкахъ желудка могутъ срастаться, какъ опытъ показалъ, безъ хирургическаго вмѣшательства, если только позаботиться о полномъ покоѣ раненаго и абсолютной діетѣ (питаніе *per rectum*).

Раненіе печени. Огнестрѣльные раненія печени даютъ всегда болѣе или менѣе значительное кровотеченіе: изливающаяся кровь накапливается въ правой сторонѣ живота и ограничивается слѣва основаніемъ *radix mesenterium*'а, который спускается, какъ извѣстно, съ лѣвой стороны живота наискось направо внизъ въ область соесум. Такимъ образомъ малый тазъ остается свободнымъ. Границы кровоизліянія можно опредѣлить при помощи перкуссіи. Иногда кровоизліяніе распространяется въ поддіафрагмальную область. Довольно часто это кровоизліяніе заражается самой пулей или частицами одежды — въ результатъ получается бурно протекающій септический перитонитъ съ смертельнымъ исходомъ. Нерѣдко, на 2—3 день, наблюдаются повторныя опасныя для жизни кровотеченія. Если пуля попала черезъ верхній куполъ печени, то одновременно ранится и плевра; при инфекціи получается *abscessus subphrenicus* и *pleuritis purulenta*. Большія кровоизліянія и абсцессы оттѣсняютъ печень книзу.

Свѣжія раненія печени, при наличности вышеописанныхъ кровоизліяній, нужно какъ можно скорѣе оперировать. Разрѣзъ дѣлается прямой или волнообразный поперекъ живота отъ средней линіи черезъ *m. rectus* до передней аксиллярной линіи. Кровь вычерпывается руками, компрессами или, поворачивая больнаго, прямо выливается изъ полости живота, какъ я это разъ дѣлалъ; послѣднимъ приѣмомъ Вы дѣйствуете скорѣе, чѣмъ вычерпываніемъ, даже,

если Вы для этой цѣли стерилизовали супную ложку. Затѣмъ Вы приступаете къ самой ранѣ и если она незначительныхъ размѣровъ и поверхностна, то зашиваете ее; если рана прободающая и кровоточитъ, то необходимо ее тампонировать марлей. Свободный жиръ или сальникъ не рекомендуется въ полевой практикѣ для тампонаціи, такъ какъ рана можетъ быть заражена и Вы рискуете получить инфекцію сальника. Тампонада печени оставляется спокойно цѣлѣя 4 недѣли. При удаленіи тампоновъ даже черезъ 2 недѣли Вы рискуете получить послѣдовательное, иногда смертельное кровотеченіе. Если одновременно поранена плевра и легкое, то эти два органа пока не трогаются, потому что больной уже сильно ослабъ отъ значительной потери крови при самомъ раненіи и операціи. Если въ послѣдствіи образуется эмпіема, то можно еще временно приступить къ операціи. Медіальную часть наружной раны нужно шить, конечно, если не имѣется особыхъ препятствій. Дренажъ выводится сбоку.

Раненія почекъ въ полевой хирургіи не играютъ такой роли, какъ въ практикѣ мирнаго времени. Во первыхъ, они сопровождаются поврежденіями селезенки, спинного мозга, печени, желудка и кишечника. Обыкновенно, гладкія раненія мелкокалиберными пулями даютъ лишь первично кровавую мочу, и этотъ симптомъ часто не замѣчается. Если нѣтъ большихъ разрушеній, то такія раненія заживаютъ безъ послѣдствій. При крупныхъ разрушеніяхъ наблюдаются очень сильныя кровотеченія, требующія иногда тампонацію послѣ вскрытія наружныхъ покрововъ. Вылущенія всей почки лучше не производить. Отдѣльныя раненія почечной лоханки или мочеточника я во время этой войны не наблюдалъ. Вскрытія мочевой инфильтраціи требуютъ пластику.

Раненія селезенки даютъ кровоизліянія въ лѣвой сторонѣ живота съ расположеніемъ противоположнымъ печеночному кровоизліянію. Границей служить въ этихъ случаяхъ тоже основаніе брыжжейки и излившаяся кровь распространяется по лѣвой сторонѣ живота до малаго таза включительно. При инфекціи получается лѣвосторонній перитонитъ. Такія раненія часто осложняются поврежденіемъ толстой кишки.

При открытыхъ ранахъ можно тампонировать разможенный органъ. Выпавшій изъ брюшной раны сальникъ

не вправляется, во избѣжаніи инфекціи брюшной полости. То же самое нужно сказать о выпавшихъ кишечныхъ петляхъ, хотя другіе хирурги, напримѣръ, Вреденъ, рекомендуютъ вправить ихъ вмѣстѣ съ тампонами, если кишечникъ цѣль; разумѣется, рана оставляется тогда открытой или расширяется. Выпавшій сальникъ пришивается однимъ швомъ. Если въ наружной ранѣ торчитъ какой нибудь предметъ изъ полости кишечника, напримѣръ, *ascaris lumbricoides*, то рекомендуютъ его удалить, а кишечникъ пришить.

Вопросъ о терапіи брюшныхъ раненій неоднократно затрагивался нами и Вы, вѣроятно, помните, что я Вамъ рекомендовалъ консервативный методъ леченія при поврежденіяхъ кишечника. Но я не хочу отъ Васъ скрывать, что имѣется цѣлый рядъ хирурговъ, которые рекомендуютъ и стараются проводить раннее и обязательное чревосѣченіе. Это и не удивительно. Вѣдь практика мирнаго времени требуетъ при прободеніи кишечника не премѣнно немедленную операцію. Дѣйствительно, такимъ методомъ при перфорации кишечника были достигнуты блестящіе результаты. Установлено, что при оперативномъ вмѣшательствѣ въ теченіи первыхъ двухъ часовъ достигнуты были блестящіе результаты, что при операціи черезъ 5—12 часовъ результаты были удовлетворительны, и что послѣ 24 часовъ операція только въ исключительныхъ случаяхъ давала благопріятный исходъ. Не забудьте, что эти результаты относятся къ заболѣваніямъ кишечника; огнестрѣльные раненія живота въ мирной практикѣ даютъ менѣе хорошій эффектъ (смотри статистику Брамана, Завадскаго и другихъ). Я приведу Вамъ здѣсь данныя, опубликованныя на Брюссельскомъ съѣздѣ въ 1915 году:

Körte приводитъ 320 случаевъ, изъ которыхъ умерли на главномъ перевязочномъ пунктѣ 38; выжившіе были приняты въ лазареты. Изъ нихъ 17 подверглись операціи, въ 14 случаяхъ съ смертельнымъ исходомъ. Выжидательному леченію подверглись 257, они лежали спокойно 8 дней, затѣмъ, послѣ короткаго транспорта, снова 14 дней. Погибло 51,4%. Всего на всего изъ 312 погибло 60%. Изъ 23 раненыхъ въ печень погибло 8. Körte рекомендуетъ операцію въ теченіи первыхъ 12 часовъ, позднѣе — лечить консервативно.

Schmieden получилъ при оперативномъ вмѣшателствѣ 66% смертности.

Friedrich нашелъ, что въ теченіи первыхъ двухъ дней 85% погибаетъ на главномъ перевязочномъ пунктѣ. Въ полевыхъ лазаретахъ консервативное леченіе дало 32% смертности, а въ тыловыхъ 38%.

Такимъ образомъ, Friedrich получилъ при консервативномъ леченіи, не считая главнаго перевязочнаго пункта, 35% смертности, вмѣстѣ съ перевязочнымъ пунктомъ 51%.

Enderlein — ярый сторонникъ оперативнаго вмѣшательства — получилъ на оперированныхъ 70% смертности.

Sauerbruch, оперировавшій тоже всѣхъ, получилъ 60%.

Rehn потерялъ изъ 400 случаевъ, абсолютно консервативно леченныхъ, 30%.

Интересны данныя Perthes'a: онъ нашелъ на главныхъ перевязочныхъ пунктахъ французскаго фронта 39% смертности, русскаго — 46%, въ среднемъ — 43%.

Въ полевыхъ лазаретахъ Perthes нашелъ: на французскомъ фронтѣ — 60,6%, на русскомъ 43,5%, всего 56% смертности. Онъ рекомендуетъ хирургическое вмѣшательство только при позиціонной войнѣ и при особенно благоприятной обстановкѣ.

Приведу здѣсь еще данныя изъ настоящей войны, опубликованныя консультантомъ Краснаго Креста профессоромъ Петровымъ въ Врачебной газетѣ. Профессоръ Петровъ, резюмируя, говоритъ: „Итакъ, смертность для общаго числа раненыхъ, доведенныхъ до ближайшихъ лазаретовъ, 76%; для пережившихъ первые два дня 59%; для пережившихъ три дня 43%; для пережившихъ четыре дня 33%; для пережившихъ пять дней 28%; для пережившихъ недѣлю 20%“, и далѣе: „Изъ общаго числа въ 117 не подвергнутыхъ первичной лапаротоміи было:

Сквозныхъ раненій 71, изъ нихъ умерло 46 (около 64%) и выздоровѣло 25 (около 35%).

Слѣпыхъ раненій 31, изъ нихъ умерло 28 (около 90%) и выздоровѣло 3 (около 10%).

Э. П. Францке наблюдалъ всего 59 поврежденій живота, изъ которыхъ 26 случаевъ, т. е. 44% кончились смертью. Если исключить всѣ раненія остальныхъ органовъ брюшной полости, то останется 26 случаевъ поврежденія желудочно-

кишечного тракта; изъ нихъ подверглись операциі чревосѣченія 8 — всѣ погибли (100 % смертности). Исключительно консервативный методъ леченія примѣнялся въ 11 случаяхъ, 4 выздоровѣли безъ операциі, 7 были оперированы впоследствии; общая смертность въ послѣднихъ 18 случаяхъ 12 % (опубликовано въ Русскомъ врачѣ за 1915 г. № 16).

В. А. Гусынинъ наблюдалъ всего 55 проникающихъ раненій живота съ смертельнымъ исходомъ въ 33 случаяхъ, т. е. 60 %. Кишечникъ былъ поврежденъ у 24 раненыхъ, изъ нихъ умерли 19, остальные выздоровѣли. Рекомендуетъ операцию.

Изъ Франціи у меня нѣтъ цифровыхъ данныхъ, но по разсказу очевидца изъ Парижа, мнѣ извѣстно, что тамъ принципиально примѣняется чревосѣченіе, но зато раненый доставляется въ столицу по прекрасному шоссе въ приспособленныхъ автомобиляхъ и лежитъ на операционномъ столѣ спустя $2\frac{1}{2}$ —3 часа послѣ раненія. Господа! Цифры приведенныя изъ Германіи такъ убѣдительно говорятъ въ пользу консервативнаго леченія, что мнѣ непонятно, какъ Enderlein и Sauerbruch могутъ защищать принципиально активное вмѣшательство. На нашихъ врачебныхъ собраніяхъ въ Варшавѣ, въ началѣ 1915 г. Францке доложилъ о результатахъ леченія огнестрѣльныхъ раненій живота. Послѣдовали довольно оживленныя пренія, изъ которыхъ выяснилось, что сторонники оперативнаго вмѣшательства, даже въ выдвинутыхъ близко къ позиціямъ лазаретахъ, во время позиціонной войны не достигли лучшихъ результатовъ, чѣмъ сторонники консервативнаго леченія. Нужно признаться, что линія боя въ современной войнѣ, вслѣдствіе дальнбойности артиллеріи, слишкомъ удалена отъ передовыхъ лазаретовъ, что транспортъ раненаго въ животъ при нашихъ дорогахъ не можетъ удовлетворять требованіямъ покоя, и что наши лазареты все таки импровизированы и не особенно приспособлены къ производству серьезныхъ операций. И если уже первичная операциа не рекомендуется, то вторичную можно считать прямо ошибкой и промахомъ съ научной точки зрѣнія. Такимъ образомъ, господа, Вы согласитесь, что консервативное леченіе при раненіяхъ живота должна быть общепризнано и примѣняемо.

Оно должно начаться въ передовыхъ лечебныхъ учре-

жденіяхъ. Противъ шока нужно дать камфору; фізіологическій растворъ вливать въ вену не стоитъ, такъ какъ онъ слишкомъ быстро просачивается черезъ стѣнки кровеносныхъ сосудовъ. Нужно дать морфій подь кожу. Діета абсолютная и если появляется жажда, то можно сдѣлать капельный клистирь или впрыскивать фізіологическій растворъ подь кожу.

Для эвакуаціи допускаются лишь тѣ вышеуказанные случаи, которые требуютъ немедленнаго хирургическаго вмѣшательства.

Основываясь на наблюденіяхъ большинства полевыхъ хирурговъ прежнихъ войнъ и настоящей и на данныхъ научной статистики, я Вамъ рекомендовалъ выжидательное леченіе при огнестрѣльныхъ раненіяхъ желудочно-кишечнаго тракта. Спрашивается — существуетъ ли достаточно фізіологическихъ обоснованій для высказаннаго мною взгляда? Что мы знаемъ о свойствахъ брюшины и кишечнаго тракта, и могутъ ли эти свойства намъ объяснить пестроту и разнообразіе наблюдаемыхъ клиническихъ картинъ?

Мы знаемъ, что перитонеальные покровы, сальникъ въ особенности, чрезвычайно склонны къ образованію спаекъ. При операціяхъ въ брюшной полости мы должны тщательно избѣгать поврежденія эндотелія брюшины, будетъ ли это механическое поврежденіе, химическое, или просто высушивание вслѣдствіе значительнаго испаренія; все это ведетъ всякій разъ къ образованію спаекъ. Это свойство peritoneum'a, кажушееся намъ въ практикѣ мирнаго времени непріятнымъ, въ обстановкѣ полевой хирургіи приноситъ неоцѣнимую пользу тѣмъ, что спаиваетъ пулевые ходы и ограничиваетъ абсцессы. Мы знаемъ, что, вообще, во всѣхъ серозныхъ мѣшкахъ и полостяхъ происходитъ постоянное выдѣленіе и всасываніе соотвѣтствующей жидкости; это выдѣленіе и всасываніе при нормальныхъ фізіологическихъ условіяхъ находится въ состояніи равновѣсія. Такимъ образомъ въ брюшной полости поддерживается влажность и скользкость поверхностей, находящихся въ капиллярномъ контактѣ. Въ противоположность паренхиматознымъ клѣткамъ, эндотеліальныя клѣтки обладаютъ свойствомъ препятствовать свертыванію крови. Поэтому Вы видите, что излившаяся въ полость живота кровь остается долгое время

жидкой и не свертывается. Малѣйшая примѣсь паренхиматозныхъ клѣтокъ, изъ которыхъ самую важную роль въ этомъ отношеніи играютъ, какъ намъ это доказалъ Alexander Schmidt, клѣтки лимфатическихъ железъ, вызываетъ моментальное свертываніе крови. Такую же роль въ брюшной полости играютъ лейкоциты и, вѣроятно, цѣлый рядъ бактерий, вызывающихъ въ патологическихъ случаяхъ фибринозное свертываніе перитонеальной жидкости. Мы привыкли обозначать клинически однимъ терминомъ „пластическія свойства“ какъ фізіологически нормальную способность брюшинныхъ листковъ срастаться, такъ и патологическое явленіе — возможность склеиванія. Къ этому пластическому свойству, играющему столь большую роль въ эмбриональной жизни (приростаніе кишечника къ брюшнымъ стѣнкамъ) и меньшее значеніе въ патологическихъ процессахъ, присоединяется значительная всасывающая способность брюшины. Я Вамъ уже говорилъ, что у кролика, напримѣръ, перитонеальными листками въ сутки всасывается количество жидкости вѣсомъ въ 24 раза больше вѣса тѣла самаго животнаго. Если равновѣсіе между выдѣленіемъ и всасываніемъ нарушается, то въ брюшной полости можетъ накопиться жидкость, или вслѣдствіе слишкомъ обильнаго выдѣленія (напримѣръ, застойный асцитъ), или вслѣдствіе порчи всасывающаго аппарата (напримѣръ, воспалительный асцитъ при туберкулезѣ). Въ послѣднемъ случаѣ щели (stomata) закрываются набуханіемъ окружающей ткани (милліарные туберкулы) или выдѣленіемъ фибрина. Эту способность быстро рассасывать мы видимъ въ явленіи быстрого поглощенія воздуха. Этимъ свойствомъ брюшины мы пользуемся при вливаніи фізіологическаго раствора, который peritoneum'омъ рассасывается гораздо скорѣе, чѣмъ подкожной клѣтчаткой.

Какъ относится брюшина къ острымъ воспалительнымъ процессамъ?

Здѣсь многое зависитъ отъ количества и рода бактерий, а кромѣ того, въ интересующихъ насъ здѣсь случаяхъ травматической перфорации желудочно-кишечнаго тракта, отъ количества излившейся чуждой для брюшины жидкости. Возьмемъ для примѣра такой случай: изъ наполненнаго желудка въ полость живота черезъ болѣе или

менѣе значительное отверстіе изливается все содержимое послѣдняго. Это содержимое, обыкновенно, не заключаетъ въ себѣ особенно патогенныхъ бактерій, но оно представляетъ для брюшины постороннее тѣло: кашу, хлѣбъ, кофе, и брюшина не можетъ всосать. Несмотря на дезинфицирующее дѣйствіе соляной кислоты желудка, туда попадаютъ и бактеріи изъ рта или вмѣстѣ съ пищей. Если въ началѣ шокъ не ясно выраженъ, то начало перфорации не такъ остро протекаетъ. Затѣмъ воспалительныя явленія развиваются довольно бурно, вслѣдствіе быстрого всасыванія продуктовъ воспаления брюшины верхней частью брюшины. При аутопсіи спайки не обнаруживаются, такъ какъ ихъ образованію препятствуетъ громадное количество посторонней жидкости. Если отверстіе въ стѣнкѣ желудка мало и послѣдній пустой, то образуются перитоническія спайки и можетъ наступить самопроизвольное излеченіе (*ulcus ventriculi* и нѣкоторыя огнестрѣльные раненія). Возьмемъ теперь, для примѣра, толстую кишку или такъ хорошо вѣдѣмый *appendix*: въ однихъ случаяхъ Вы видите *gangraenam appendicis* и широкое прободеніе, но сращеніе перитонеальныхъ листковъ ограничиваетъ весь процессъ отъ здоровой полости; другой разъ, процессъ до прободенія не доходитъ, но весь животъ инфицированъ и образуется общій перитонитъ. Въ другихъ случаяхъ въ брюшной полости скапливается болѣе или менѣе мутная серозная жидкость безъ образованія спаекъ, и случай кончается иногда благополучнымъ исходомъ. Бываетъ, что процессъ медленно, какъ будто бы съ трудомъ, ползетъ дальше между твердыми фибринозными спайками, образуя во многихъ мѣстахъ очаги густого гноя. Этимъ не исчерпывается разнообразіе различныхъ формъ перитонита.

Другая картина получается при прободеніи тонкой кишки, которая содержитъ менѣе ядовитыя бактеріи, но зато калъ жидкой консистенціи, легко изливающийся въ брюшную полость. При прободеніяхъ толстой кишки Вы находите иногда толстыя спайки; въ другихъ случаяхъ спайки отсутствуютъ совершенно и это самые тяжелые случаи. Очень важное значеніе имѣетъ родъ бактерій. Мы уже въ практикѣ мирнаго времени видѣли, что *Staphylococcus pyogenes aureus* вызываетъ быстро прогрессирующій пери-

тонить; далѣе, что *Staphylococcus albus* въ однихъ случаяхъ вызываетъ образованіе спаекъ, а въ другихъ лишь выдѣленіе мутной жидкости. Мы знаемъ также, что *Streptococcus* даетъ обыкновенно очень высокую t^0 и былъ найденъ въ фибринозныхъ сгусткахъ и спайкахъ. По моему, *bacterium coli* препятствуетъ образованію какихъ бы то ни было спаекъ, кромѣ того твердо установлено, что самыя тяжелыя формы инфекціи вызываются симбіозомъ микробовъ. Флора бактерій кишечника такъ разнообразна, что я всѣхъ ея формъ не могу привести здѣсь. Мы привыкли въ практикѣ мирнаго времени считать перитонитъ результатомъ какого-нибудь заболѣванія кишечника или брюшины. Травматическія перфорации, съ которыми Вамъ въ ближайшемъ будущемъ придется встрѣтиться на войнѣ, происходятъ при здоровомъ кишечникѣ и *peritoneum*'ѣ. Здѣсь болѣе благоприятныя условія, ибо брюшина сохранила свои пластическія свойства и если произошло маленькое прободеніе, и въ брюшную полость вылилось незначительное количество кала, то, благодаря образованію спаекъ и рассасыванію, благополучно протекають даже такіе случаи, которые въ практикѣ мирнаго времени при патологическомъ процессѣ, вѣроятно, кончились бы пагубно. Естественныя защитительныя аппараты не повреждены, они работаютъ нормально и успѣшно, конечно, если мы имъ въ этомъ не мѣшаемъ. Самымъ опаснымъ поврежденіемъ этихъ защитныхъ аппаратовъ является то воздѣйствіе, которое распространяетъ зародыши по большой поверхности, препятствуетъ такимъ образомъ нормальной дѣятельности защитныхъ аппаратовъ и одновременно способствуетъ обильному рассасыванію токсиновъ и даже самихъ бактерій. Развитіе громаднаго количества бактерій по всей брюшинной поверхности, наблюдаемое иногда послѣ операціи и названное Кѳниг'емъ перитонеальнымъ сепсисомъ, доказано тѣмъ, что бактерии обнаружены въ крови *v. jugularis* въ день заболѣванія. Если при не свѣжихъ раненіяхъ брюшной полости мы вскроемъ животъ, станемъ искать маленькое раневое отверстіе во внутренностяхъ и кишкахъ, то этимъ самымъ мы распространимъ инфицирующій матеріалъ съ маленькаго участка на большую поверхность и нѣтъ ничего удивительнаго, если слѣдствіемъ этихъ манипуляцій будетъ быстро распространяющійся перитонитъ. Въ свѣжихъ случаяхъ, спустя

1 ч. послѣ происшедшаго раненія, результаты вмѣшательства будутъ лучшіе, но далеко не такіе благополучные, какъ, на примѣръ, при аппендицитѣ. Appendix, coecum, colon ascendens лежатъ всегда спокойно, — тонкія кишки и поперечная толстая подвергаются пассивному движенію, вслѣдствіе дыханія и движенія желудка. Каждый хирургъ знаетъ, что операции на частяхъ кишечника, находящихся въ правой сторонѣ живота переносятся легче, чѣмъ таковыя, произведенныя въ лѣвой его области. Хотя *bacterium coli* и найдена въ двѣнадцатиперстной кишкѣ и даже въ желчныхъ ходахъ, все же обычнымъ мѣстопробываніемъ этой бактеріи является colon и въ особенности нижняя его часть. Есть-ли это результатъ особой ядовитости *bacterium coli* или это является слѣдствіемъ какого-нибудь симбіоза, но мы знаемъ, что раненія внутрибрюшинной части rectum'a принадлежатъ къ самымъ опаснымъ раненіямъ кишечника вообще. Никакихъ спаекъ, незначительное количество секрета въ маломъ тазу, общій сепсисъ съ смертельнымъ исходомъ — вотъ Вамъ обычная картина этихъ раненій.

М. Г. Отдѣльныя формы перитонита въ связи съ ихъ бактеріологической природой еще недостаточно изучены. Поэтому, мы должны быть тѣмъ осторожнѣе съ своимъ вмѣшательствомъ, ибо внутренняя связь между симптомами и причиной заболѣванія намъ плохо извѣстна. Извѣстно, что пластическія свойства брюшины вполне достаточны для борьбы съ мѣстнымъ зараженіемъ. По моему, peritoneum больше выносить и болѣе снособенъ къ борьбѣ съ инфекціей, чѣмъ соединительно-тканная подкожная и межмышечная клѣтчатки. Разумѣется, подкожный абсцессъ легко вскрывается, а перитонеальный скрывается между кишками, но нарушеніе асептики, на примѣръ, легче переносится брюшиной, чѣмъ подкожной клѣтчаткой. Если вмѣстѣ съ пулей изъ кишечника въ брюшную полость заносится калъ, то мы вѣдь знаемъ, что peritoneum обладаетъ способностью ограничивать каловой абсцессъ спайками; это намъ показали наблюденія изъ практики мирнаго времени и за это же говорить опытъ полевой хирургіи. Каловой абсцессъ вскрывается или самостоятельно или ножомъ хирурга.

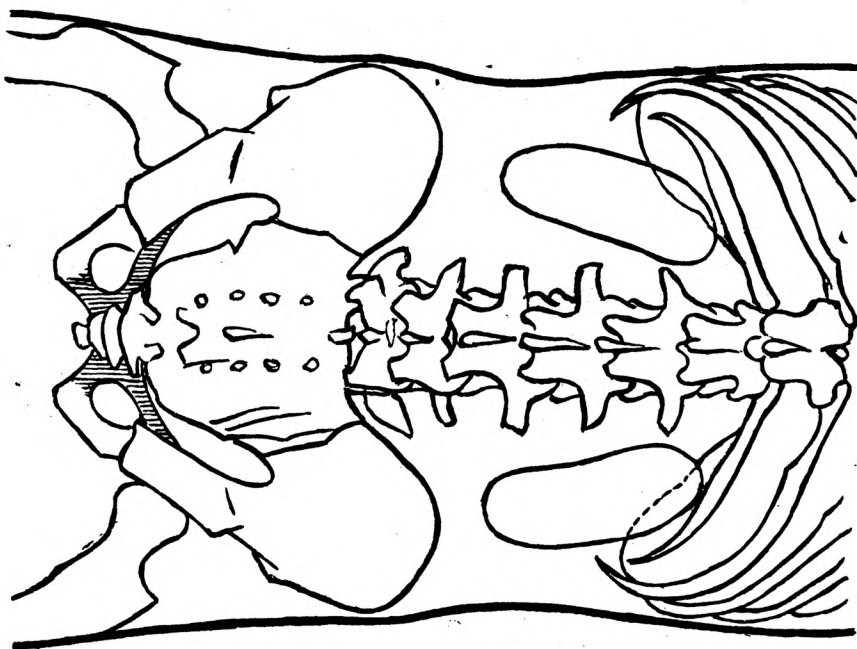
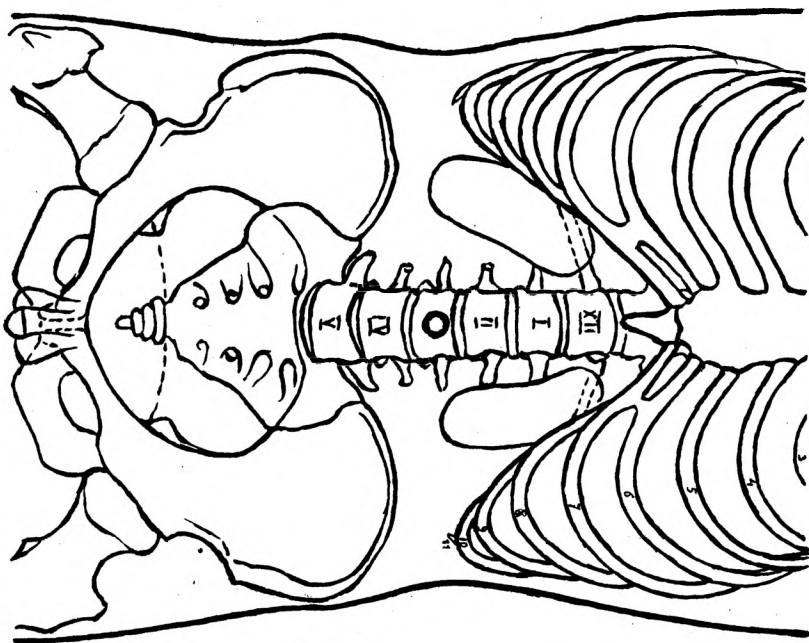
Значить, если мы желаемъ использовать фізіологическія защитительныя свойства брюшины, мы въ первую го-

лову должны обезпечить раненому 'полный покой. Это вы-
водъ изъ патологической фізіологіи брюшины и кишечника,
это же говорятъ наши наблюденія и статистика.

Status praesens — живота.

1. Рана:
 - сквозная, слѣпая, рваная, пулевая, шрапнельная,
осколками, ручною гранатою, холоднымъ оружіемъ,
контузія и пр.
2. Время, протекшее до первой перевязки.
3. Способы эвакуаціи.
4. Мѣры, примѣненныя до поступленія раненаго:
 - перевязки (какъ часто?)
 - операция
 - турунды?
 - зондированіе?
 - воздержаніе отъ пищи и питья
5. Общее состояніе раненаго при доставкѣ его: удовле-
творительное, шокъ, острая анемія и пр.
6. Рана:
 - размѣры (въ сантиметрахъ)
 - видъ
 - состояніе раны и ея окружности:
 - а. кожа
 - б. мягкія части
 - в. отечность (ея границы)
 - г. подкожная эмфизема (ея границы)
 - д. выдѣляемое раны
7. Топографія входного
и
выходного отверстій.
8. Жалобы раненаго:
 - боли
 - тошнота
 - рвота
 - мочеиспусканіе
 - испражненіе, отхожденіе газовъ
9. Выпаденіе внутренностей.
10. Дыханіе.

11. Пульсъ.
12. Температура.
13. Языкъ.
14. Желтуха.
15. Вздутіе живота, мѣстное и общее.
16. Перкуссія живота :
положеніе діафрагмы
притупленія (печени и другія притупленія)
17. Пальпація живота :
болѣзненность
мышечное сопротивленіе
18. Перистальтика (аускультация)
19. Желудокъ :
тонкія кишки
толстыя кишки
селезенка
печень
поджелудочная железа
брыжжейка
сосуды кровеносные
20. Мочевые органы :
свойства и суточное количество мочи
катетеризация
21. Стуль :
газы
22. пограничныя области (см. листы №№ 3 и 5)
23. позвоночникъ и спинной мозгъ (см. листъ № 8)
24. осложненія :
флегмона покрововъ
перитонитъ и пр.
25. Рентгенограмма.

Избранныя главы по полевой хирургіи

Проф. В. Цеге фонъ Мантейфеля.

Х-ая лекція.

Тазовая область. Огнестрѣльные раненія пузыря и прямой кишки.

І. Раненія мочевого пузыря.

Опасность раненій пузыря различна и зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: какая часть пузыря задѣта; какимъ снарядомъ произведено поврежденіе — огивальной, остроконечной, шрапнельной пулей или осколкомъ гранаты; застрѣлъ ли снарядъ въ самомъ пузырьѣ или произошло прободающее раненіе; на какомъ разстояніи произошло раненіе — было-ли дѣйствіе пули разрывное или нѣтъ; былъ-ли пузырь въ моментъ раненія наполненъ или опорожненъ; имѣется ли одновременное раненіе слѣпой кишки, flexuræ S., прямой кишки — внутрибрюшинной или внѣбрюшинной части ея; и, наконецъ, произошло ли одновременное разрушеніе костей таза.

Анатомически различаются слѣдующія части мочевого пузыря: одна часть покрыта брюшиной — внутрибрюшинная, двѣ остальные свободны отъ peritoneum'a — внѣбрюшинныя части; изъ послѣднихъ одна, передняя, расположена позади symphysis pubis, другая, задняя, расположена на diaphragma pelvis. Размѣры внутрибрюшинной части мочевого пузыря колеблются въ зависимости отъ наполненія пузыря; то же относится къ передней внѣбрюшинной части, которая при наполненіи увеличивается, приподнимая брюшину и располагаясь даже выше лоннаго соединенія. Такимъ образомъ, уколъ или огнестрѣльное раненіе въ животъ выше лоннаго сращенія могутъ при наполненномъ пузырьѣ повредить перед-

нюю стѣнку его, непокрытую peritoneum'омъ; при среднемъ наполненіи, можетъ быть повреждена верхушка пузыря, покрытая брюшиной и, наконецъ, при пустомъ пузырьѣ уколъ или пуля попадаютъ въ брюшную полость. При раненіяхъ пузыря въ полость его обыкновенно попадаетъ кровь, а моча изливается въ окружающую ткань. При раненіи наполненнаго пузыря моча выбрызгивается черезъ пулевой каналъ наружу. Позднѣе она изливается или въ брюшную полость, или въ рыхлую окружающую пузырь ткань и образуетъ мочевою инфильтрацію.

Главными симптомами раненія внутрибрюшинной части пузыря являются или выдѣленіе кровавой мочи, или полное отсутствіе ея въ пузырь. Выдѣленіе крови бываетъ вначалѣ, а иногда этотъ симптомъ обнаруживается впослѣдствіи. Отсутствіе мочи въ пузырь констатируется введеніемъ катетра. Въ рѣдкихъ случаяхъ, если рана въ стѣнкѣ пузыря очень велика, введенный катетръ можетъ попасть въ брюшную полость и выпустить незначительное количество мочи, смѣшанной съ кровью. Эта жидкость выдѣляется не въ видѣ струи, а каплями. Перкуторно доказать притупленіе, вызванное излившейся въ брюшную полость мочой, нельзя, такъ какъ даже литръ свободной жидкости въ животѣ перкуссіей не обнаруживается. Конечно, отсутствіе мочи въ пузырь можно считать 'характернымъ симптомомъ, однако, не надо при этомъ забывать, что при незначительныхъ поврежденіяхъ, послѣ склеиванія краевъ раны, больной можетъ выдѣлять нормальную мочу.

Мочевая инфильтрація обыкновенно распространяется по межмышечнымъ промежуткамъ и вдоль существующихъ пространствъ, наполненныхъ рыхлой соединительной тканью и жиромъ. Мы различаемъ двѣ системы распространенія мочевою инфильтраціи. Во первыхъ, если ранена передняя, верхняя стѣнка пузыря, то излившаяся моча распространяется въ самомъ *sacum Retzii* и вокругъ него. Во вторыхъ, при поврежденіяхъ нижней, задней части пузыря и начала мочеиспускательнаго канала, моча распространяется по промежности и дальше. Мочевая инфильтрація имѣетъ видъ отежной припухлости, которая, при примѣси крови и подкожномъ расположеніи, просвѣчиваетъ синимъ цвѣтомъ. Если ранена передняя часть пузыря и инфильтрація, слѣдовательно, рас-

положена въ *sacrum Retzii*, то Вы можете перкуторно обнаружить притупленіе въ видѣ треугольника, вершина котораго обращена къ пупку. Углы треугольника теряются въ паховой области, а основаніе его скрывается за передній край таза. Разумѣется, инфильтрація располагается позади брюшной мускулатуры и потому инфильтрація кожной клѣтчатки вначалѣ не замѣтна. При распространеніи дальше въ пахъ она прощупывается.

При раненіяхъ нижней, задней части пузыря моча первоначально накапливается въ промежуткѣ *vesico-rectale*, распространяется къ *rectum* въ *sacrum ischio-rectale* и достигаетъ промежности, распространяясь вдоль *diaphragma pelvis*. Раздвинувъ ноги раненаго, Вы находите промежность припухлой, кожу отечной, иногда съ синеватымъ оттѣнкомъ. Отекъ распространяется на *scrotum*, *penis*, и даже на поверхность бедеръ. Обѣ области распространенія инфильтрата разъединены по бокамъ *m. levator ani*, а по срединѣ *diaphragma pelvis*, прикрѣпляющей шейку мочевого пузыря и *pars nuda* къ *os pubis*. — Моча сама по себѣ асептична и можетъ разсосаться, но инфильтрація нарушаетъ правильное питаніе клѣтчатки и жира, расположенныхъ въ этихъ мѣстахъ и, при малѣйшей инфекции, Вы можете получить довольно серьезную флегмону съ омертвѣніемъ жировой и соединительно-тканной клѣтчатки. Поэтому, нужно заблаговременно выпустить инфильтрировавшуюся мочу нѣсколькими разрѣзами и, понятно, широко вскрыть развивающуюся флегмону.

При огнестрѣльныхъ раненіяхъ тазовой области нерѣдко повреждается обнаженная, непокрытая брюшиной часть мочеиспускательнаго канала (*pars nuda*). Какъ извѣстно, *pars nuda* проходитъ черезъ *diaphragma pelvis* и располагается позади нея. При такихъ раненіяхъ получается такой же мочевой затекъ, какъ и при поврежденіяхъ пузыря, но если сфинктеръ сохраненъ, то незначительныхъ размѣровъ.

Опасность раненій пузыря зависитъ отъ того, какимъ снарядомъ произведено поврежденіе, произошло ли одновременное разрушеніе костей таза, застрѣлъ ли снарядъ въ самомъ пузырьѣ, или произошло прободающее раненіе. — Огивальная пуля пробиваетъ въ стѣнкѣ пузыря гладкія отверстія, края которыхъ сами собою склеиваются. Такія раненія требуютъ хирургическаго вмѣшательства лишь при налич-

ности мочевоѣ инфильтраціи. Остроконачная пуля на опредѣленномъ разстояніи даетъ иногда гладкія раненія. Ближе и дальше этого опредѣленнаго разстоянія отъ дѣйствія этой пули получаютъ значительныя разрушенія, о которыхъ намъ еще придется говорить впослѣдствіи.

Шрапнельная пуля пробиваетъ большое отверстіе и инфицируетъ рану; то же самое можно сказать о гранатныхъ осколкахъ, которые производятъ разрушенія соотвѣтственно своимъ размѣрамъ. Какъ шрапнельная пуля, такъ и гранатный осколокъ могутъ застрять въ полости пузыря и тамъ инкрустироваться. При настильности современной ружейной пули, наполненный пузырь подъ вліяніемъ гидродинамическаго ея дѣйствія лопається.

Направленіе раненія даетъ иногда довольно сложную картину. Напримѣръ: входное отверстіе на ягодицѣ раненіе-слѣпое, вслѣдъ за этимъ развивается мочевоѣ свищъ. Другой примѣръ: входное отверстіе на наружной сторонѣ бедра, на ладонь выше колѣна, выходнаго отверстія нѣтъ; Рентгеновскій снимокъ обнаруживаетъ продольный переломъ бедренной кости. Совершенно неожиданно образуется мочевоѣ свищъ на мѣстѣ входнаго отверстія — незначительное кровоизліяніе въ пузырь въ началѣ раненія осталось, повидимому, не замѣченнымъ.

Если раненіе пузыря установлено, то непременно нужно оперировать и именно на мѣстѣ раненія. Если обнаружена инфильтрація въ области *savum Retzii* или случай не ясенъ, то нужно произвести *epicystotomiю*, т. е. раскрыть *savum Retzii* и мочевоѣ пузырь сверху. Если огнестрѣльное поврежденіе коснулось части пузыря, покрытой брюшиной, то можно сейчасъ же расширить операцію. Только при значительной слабости раненаго, можно удовлетвориться раскрытіемъ инфильтрата, для чего производится вскрытіе *savum Retzii*. Если мочевоѣ инфильтрація обнаружится на промежности, то пузырь вскрывается снизу черезъ обнаженную непокрытую часть мочевоѣ канала (*pars nuda*). Понятно, что Вы и здѣсь оперируете, пользуясь *itinerarium*’омъ и тщательно избѣгаете раненія или поврежденія *corporeis cavernosi*. Если, несмотря на Вашу осторожность, пещеристыя тѣла повреждены, то Вы немедленно должны обколоть мѣсто раненія, ибо тампонація даетъ только временную остановку кровотока.

Слѣпые раненія, особенно раненія шрапнелью или гранат-

нымъ осколкомъ, когда снарядъ застрѣваетъ въ полости пузыря, требуютъ *epicystotomiю* — *sectio perinealis* не даетъ достаточнаго простора. Нельзя отрицать, что многія огнестрѣльные поврежденія пузыря заживаютъ безъ хирургическаго вмѣшательства. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ мочевой инфильтраціи и не наступило зараженіе благодаря тому, что сейчасъ же послѣ раненія содержимое пузыря излилось черезъ пулевой ходъ и послѣдній канализировался безъ распространенія затековъ въ стороны. Къ сожалѣнію, мы не въ состояніи заблаговременно отличить эти счастливые случаи отъ тѣхъ, теченіе и исходъ которыхъ гораздо печальнѣе.

Поэтому, при поступленіи къ намъ такихъ раненыхъ, мы должны, по крайней мѣрѣ, дренировать пузырь, открывая *raggs puda* со стороны промежности.

Возникаетъ вопросъ: нельзя ли этого достигнуть посредствомъ постоянной катетеризаціи (*cateter'a à demeure?*) Въ общемъ, на этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно —, по крайней мѣрѣ, при существующей инфильтраціи и въ тѣхъ случаяхъ, когда рана пузыря не широко открыта. Разъ рана пузыря обнажена, или произведена *epicystotomia*, то можно удовлетвориться введеніемъ постоянного катетра, не прибѣгая къ дренажу мочевого пузыря черезъ промежность. Необходимо помнить, что такой постоянный катетръ нужно осторожно, но ежедневно промывать, во избѣжаніе инфекціи со стороны мочевого канала и инкрустаціи самаго катетра, начиная съ 3-го—4-го дня.

II. Раненія прямой кишки.

При разсмотрѣніи вопроса объ огнестрѣльныхъ раненіяхъ прямой кишки приходится также считаться съ локализацией поврежденія. И здѣсь снарядомъ можетъ быть ранена или часть *rectum'a*, покрытая брюшиной, или другой ея нижній отдѣлъ, свободный отъ *peritoneum'a*.

Раненія внутрибрюшинной части прямой кишки имѣютъ довольно печальное предсказаніе. Почти во всѣхъ подобныхъ случаяхъ развивается общій перитонитъ съ септическими явленіями. Это, по всей вѣроятности, зависитъ отъ того, что въ прямой кишкѣ всегда содержится калъ, хотя и въ незначительномъ количествѣ, и *bacterium coli*, которая

препятствуетъ образованію спаекъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже. Если поставленъ точный діагнозъ, то я бы Вамъ совѣтовалъ раскрывать брюшную полость при помощи резекціи os cossugis. Раскрывая брюшную полость спереди и, манипулируя въ глубинѣ малаго таза, Вы этимъ самымъ распространяете лишь инфекцію на еще здоровыя части. Раненіе внѣбрюшинной части даетъ гораздо лучший прогнозъ. Маленькое отверстіе въ ея стѣнкѣ можетъ зажить почти незамѣтно и только кровь въ калѣ Вамъ докажетъ раненіе кишки. Въ другихъ случаяхъ образуется каловой свищъ и, наконецъ, здѣсь могутъ встрѣчаться значительныя разрушенія. Если разрывъ тканей простирается до peritoneum'a или пуля прошла черезъ нее, то тогда можетъ появиться быстро протекающій перитонитъ. — Иногда здѣсь и безъ поврежденія брюшины Вы видите бурно протекающее септическое зараженіе. Послѣднее въ особенно тяжелой формѣ наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда одновременно повреждается и тазъ. Костные осколки, увлекаемые пулею дѣйствуютъ какъ зарядъ дробы, превращаютъ все содержимое малаго таза въ размозженную массу. Особенно значительны разрушенія при выстрѣлахъ съ близкаго разстоянія, когда входное отверстіе какъ разъ не велико. Вамъ ясно покажетъ слѣдующій случай, какъ легко раненія органовъ таза остроконечной пулей и громадныя внутреннія разрушенія отъ дѣйствія такой пули могутъ остаться незамѣченными: Съ діагнозомъ „легкое раненіе остроконечной пулей“ въ Вильно въ 1914 году былъ ко мнѣ доставленъ Великій Князь Олегъ Константиновичъ. Транспортъ съ мѣста раненія продолжался 28 часовъ на крестьянскихъ подводахъ и 5 часовъ по желѣзной дорогѣ. Мѣсто вѣдренія пули — позади праваго trochanter'a. Нѣсколько капель крови изъ задняго прохода, болѣе никакихъ, сознаніе сохранено. — Но одного взгляда было достаточно, чтобы опредѣлить, что передъ мной смертельно раненый: лицо блѣдное, сѣровато-желтое; глаза, глубоко ввалившіеся, окаймлены синими кругами. Полная euphoria, лишь въ области праваго ischiadicus'a легкое онѣмѣніе. Пульсъ слабый, 164 удара въ минуту, что подтверждаетъ мое предположеніе о наличности молніеноснаго сепсиса. Спустя полчаса разрѣзъ черезъ сфинктеръ кзади по стѣнѣ ani открылъ обширную полость разрушенія, распространяющуюся до боль-

шого таза и содержащую кашу изъ кала, крови, размозженной ткани и массы костныхъ осколковъ. — Вы видите, господа, какъ важно осмотрѣть не только рану, но и подвергнуть внимательному осмотру оамого раненаго... Маленькое наружное раневое отверстіе, торпидный шокъ и *sepsis acutissima* дали субъективную *euphoriâ* и ввели въ заблужденіе не только врача, но и специалиста-хирурга, сопровождавшаго раненаго.

При всѣхъ поврежденіяхъ прямой кишки необходимо произвести разрѣзъ sphincter'a кзади по срепа *ani*. Иногда къ этому приходится добавить резекцію *os cossugis*. Я предпочитаю разрѣзъ sphincter'a расширенію. Бываетъ, что послѣдовательное леченіе затягивается и тогда сфинктеръ начинаетъ слишкомъ рано сокращаться. *Insufficiencia* послѣ произведеннаго разрѣза устраняется вполнѣ въ нѣсколькихъ швовъ.

Огнестрѣльные раненія по фронтальной плоскости черезъ тазъ нерѣдко повреждаютъ одновременно пузырь и прямую кишку. Въ такихъ случаяхъ мы находимъ или небольшія, соотвѣтствующія размѣру снаряда, отверстія въ стѣнкахъ пузыря и кишки — въ результатъ получается свищъ —, или при одновременномъ раздробленіи костей, обнаруживается полное размозженіе передней стѣнки кишки и задней поверхности пузыря. Если снарядомъ разбита кость, напимѣръ, *tuber ischiî*, то осколки кости дѣйствуютъ какъ зарядъ дроби и вмѣстѣ съ пулей превращаютъ все содержимое малаго таза въ размозженную массу. Послѣ разрѣза сфинктера кзади Вы попадаете въ громадную полость, наполненную кровью, каломъ, костными осколками и клочьями одежды и ткани. Въ верхней части этой полости лежитъ разорванная прямая кишка, а въ глубинѣ раны Вы едва въ состояніи найти стѣнку пузыря. Наружно было только маленькое входное отверстіе, а судорожно сократившійся сфинктеръ задержалъ всю массу размозженныхъ тканей, кала и крови. При такихъ боковыхъ раненіяхъ часто повреждается только прямая кишка.

Мнѣ пришлось наблюдать слѣдующій случай:

Послѣ незначительнаго выдѣленія при первыхъ мочеиспусканіяхъ послѣ раненія кровавой мочи образовался каловой свищъ, изъ котораго позже вмѣстѣ съ каломъ выдѣ-

лялась моча. Свищъ зажилъ самостоятельно, безъ хирургическаго вмѣшательства, хотя довольно медленно. Я объясняю этотъ случай такимъ образомъ, что каловой гнойникъ вскрылся по пулевому каналу, разрушилъ склеенную уже рану пузыря и отдѣлилъ ее отъ брюшной полости образовавшимися спайками.

Раненія стѣнки пузыря непокрытой брюшиной часто осложняются поврежденіемъ костей таза, которыя здѣсь составляютъ стѣнку нижней брюшной полости и часто одновременно повреждается и rectum.

Въ одномъ случаѣ у врачей возникло сомнѣніе — ранена ли только прямая кишка или же вмѣстѣ съ прямой кишкой задѣтъ и мочевой пузырь. Врачи, лечившіе этого раненаго старались добиться опредѣленнаго діагноза и изслѣдовали раненаго генерала при помощи катетра, зонда и пальцемъ per rectum. Изслѣдованіе длилось 1½ часа и, къ сожалѣнію, осталось безрезультатно... Пригласили меня. Уставшій и ослабѣвшій раненый рѣшительно отказался отъ дальнѣйшаго изслѣдованія, а опредѣленную операцію я ему предложить не могъ ввиду отсутствія діагноза; на разрѣзъ черезъ sphincter онъ не согласился — пришлось вставить дренажъ. Онъ погибъ на пятый день. Вы видите, какъ важно, чтобы врачъ, несущій отвѣтственность за исходъ операціи, присутствовалъ при первомъ основательномъ изслѣдованіи.

Такимъ образомъ, всѣ огнестрѣльные раненія органовъ, расположенныхъ въ тазовой области, требуютъ госпитальнаго леченія, а потому такіе раненые, послѣ предварительной перевязки, съ отмѣченными на ярлыкѣ симптомами, должны эвакуироваться съ передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ въ ближайшіе лазареты, гдѣ они могутъ быть подвергнуты правильному леченію. —

М. Г. Я могъ бы Вамъ еще многое сказать о полевой хирургіи, если у насъ было бы достаточно времени, но и Вамъ и мнѣ время дорого. Я старался Вамъ изложить въ краткихъ, сжатыхъ чертахъ то, чѣмъ Вамъ придется заниматься въ ближайшемъ будущемъ. Безъ общихъ медицинскихъ познаній никто не дѣлается хирургомъ. Показать Вамъ связь между этими общими принципами и полевой хирургіей было цѣлью этихъ лекцій. Какъ Вы видѣли, приемы военно-полевой хирургіи не сложны, техника не

предъявляетъ большихъ требованій молодому врачу, а для рѣшенія сложныхъ вопросовъ имѣются врачи-спеціалисты и консультанты. Но эти болѣе сложные, технически трудные случаи, по сравненію съ громаднымъ количествомъ раненыхъ имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Вамъ придется работать на очень однообразномъ матеріалѣ, но нужно работать систематически и методически, примѣняя извѣстные, изложенные Вамъ въ настоящихъ лекціяхъ, принципы леченія.

Въ полевой хирургіи администрація играетъ громадную роль и каждый долженъ знать свою задачу и обязанности заблаговременно. На главномъ сортировочномъ пунктѣ Вы будете работать подъ руководствомъ старшаго врача этого пункта. Въ лазаретахъ и госпиталяхъ Вы также получите опредѣленные указанія относительно Вашей дѣятельности. Но въ передовыхъ отрядахъ дѣло обстоитъ иначе: тамъ часто первоначальная врачебная помощь всецѣло лежитъ на молодыхъ врачахъ, а Вы уже знаете, что участь раненаго зависитъ, главнымъ образомъ, отъ первой помощи и сдѣланныя здѣсь ошибки часто никто не въ состояніи исправить, ни въ ближайшемъ, ни въ глубокомъ тылу.

Для своей перевязочной обязательно требуйте особую сестру милосердія, которая завѣдывала бы подачей перевязочнаго матеріала и инструментовъ. Въ Вашемъ распоряженіи должны быть четыре санитары, которые могли бы Вамъ доставлять и уносить раненыхъ; студентъ-медикъ, фельдшеръ или опытная сестра должны Вамъ помогать при наложеніи перевязокъ. Во время перевязки опредѣленное лицо должно записывать въ скорбные листы перевязываемыхъ раненыхъ тутъ же съ Вашихъ словъ результаты Вашего изслѣдованія и Ваши мѣропріятія. Исполнять эту работу сами Вы не можете, ибо послѣ 60 перевязокъ Вы не въ состояніи заняться скорбными листами, а на другой день, при такомъ обиліи и однообразіи матеріала, нельзя точно возстановить данныя изслѣдованія. Кромѣ того, на другой же день Вамъ придется отмѣтить всѣ перемѣны въ состояніи этихъ же больныхъ.

Что касается асептики, то главную роль играетъ асептика рукъ. Для обыкновенной подачи перевязочнаго матеріала приучите сестру пользоваться корнцангомъ. Но при опера-

ціяхъ нужно какъ Вамъ, такъ и операціонной сестрѣ имѣть стерильныя руки. Позвольте мнѣ здѣсь, господа, сказать нѣсколько словъ *pro domo suo*.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я уже всѣ операціи дѣлалъ въ перчаткахъ, и тогда же рекомендовалъ ихъ въ „Centralblatt für Chirurgie“. Многіе хирурги поняли громадное значеніе стерильной „выкипяченной“ руки и присылали мнѣ поздравительныя привѣтствія. Но общаго распространенія перчатки тогда еще не получили; я и мои ассистенты были единственными хирургами, пользовавшимися во время Русско-Японской войны при операціяхъ перчатками. Я скоро убѣдился, что кромѣ достигнутой такимъ образомъ абсолютной стерильности рукъ персонала, онѣ давали громадную экономію во времени: подъ Шахъ мы вдвоемъ перевязали въ теченіи 9 ночей 1100 раненыхъ. Если считать, что стерилизація рукъ отнимаетъ 15 минутъ на каждого раненаго, то намъ подъ Шахъ пришлось бы мыться 16500 минутъ = 275 часовъ = 11 дней!... Надѣваніе перчатокъ, хорошо обсыпанныхъ снутри талькомъ, требуетъ не больше полминуты времени и къ тому же Вы увѣрены въ дѣйствительной стерильности Вашихъ рукъ. А этой увѣренности, даже послѣ тщательнаго мытья, на перевязочномъ пунктѣ Вы не имѣете. Упаковку и способъ употребленія перчатокъ, который я вначалѣ рекомендовалъ, я не измѣнилъ до сего времени: перчатки снутри хорошо обсыпаются талькомъ и вкладываются въ парусинный мѣшокъ. На мѣшкѣ снаружи крестомъ отмѣчается положеніе большого пальца. Закрытый мѣшокъ стерилизуется вмѣстѣ съ перевязочнымъ матеріаломъ. Въ спѣшныхъ случаяхъ Вы можете надѣть перчатки не стерильной рукой, напавивая ихъ вмѣстѣ съ мѣшками и сбрасывая послѣдніе только тогда, когда Вы почувствуете, что перчатки хорошо и плотно сидятъ на Вашихъ рукахъ. Многіе пользуются выкипяченными перчатками, которыя затѣмъ кладутся въ сулему или какую-нибудь другую жидкость. Но влажныя перчатки имѣютъ то неудобство, что требуютъ предварительной полной стерилизаціи Вашихъ собственныхъ рукъ или при надѣваніи ихъ Вамъ должна помочь сестра съ стерильными руками. Кромѣ того, если Вы во время операціи повредите мокрую, стерильную перчатку, то это долго вовсе остается не замѣченнымъ. По изслѣдованіямъ

Döderlein'a, подъ влажными резиновыми перчатками развивается цѣлая флора бактерій; послѣднія выдѣляются изъ кожи рукъ вмѣстѣ съ потомъ. Поэтому, какъ Döderlein, такъ и Kocher рекомендуютъ предварительно обеззараживать руку мытьемъ до надѣванія мокрыхъ перчатокъ. Въ сухихъ перчаткахъ, обсыпанныхъ снутри талькомъ, рука не потѣетъ, стерилизованный талькъ остается обеззараженнымъ, какъ я это доказалъ въ своей клиникѣ, даже если рука не была предварительно вымыта. Поврежденіе такой перчатки ножомъ, иглой или костью Вы сейчасъ же замѣтите, такъ какъ изъ отверстія сыплется бѣлый, стерильный талькъ. Döderlein экспериментально доказалъ, что надѣтую перчатку можно стерилизовать короткимъ непродолжительнымъ обмываніемъ горячей водой съ мыломъ и сушею.

Для перевязокъ можно пользоваться толстыми перчатками, для операціи хорошо имѣть болѣе тонкія, которыя при движеніяхъ не утомляютъ мускулатуру большого пальца.

Я, Господа, искренно радъ и горжусь тѣмъ, что въ настоящее время перчатки употребляются хирургами всюду. Не каждому суждено видѣть, какъ его хорошая идея распространяется по всему міру. И если при этомъ объ авторѣ идеи иногда забываютъ, то это все же лучше, чѣмъ если-бы сама полезная мысль пропала безслѣдно. Я не знаю, чтобы намъ пришлось дѣлать въ настоящую войну безъ перчатокъ, гдѣ, какъ кажется, нѣтъ почти ни одной незараженной раны, когда приходится дѣлать подрядъ много перевязокъ гнойныхъ ранъ и при этомъ тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы одна инфекція не осложнялась бы другой, вызывая тогда болѣе тяжелыя страданія. Между двумя гнойными перевязками приходится иногда заниматься чистымъ случаемъ, а это было бы совершенно невозможно безъ перчатокъ.

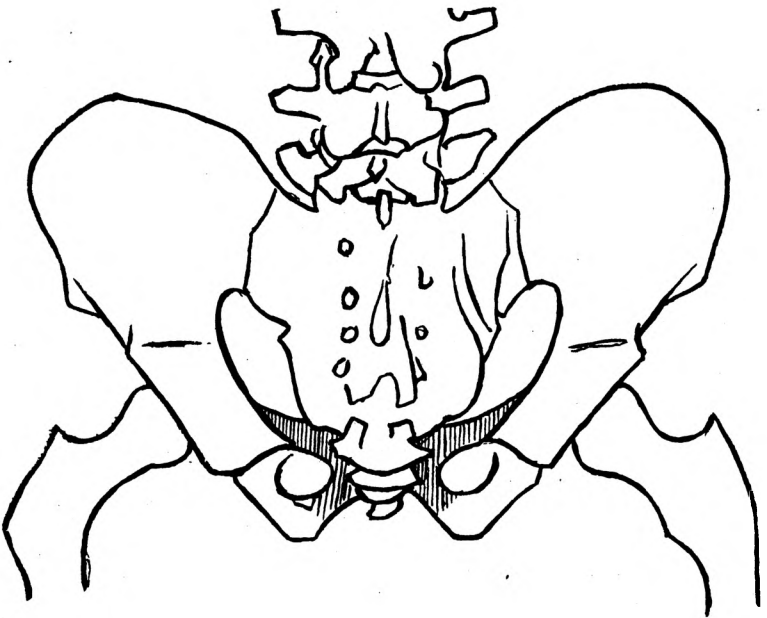
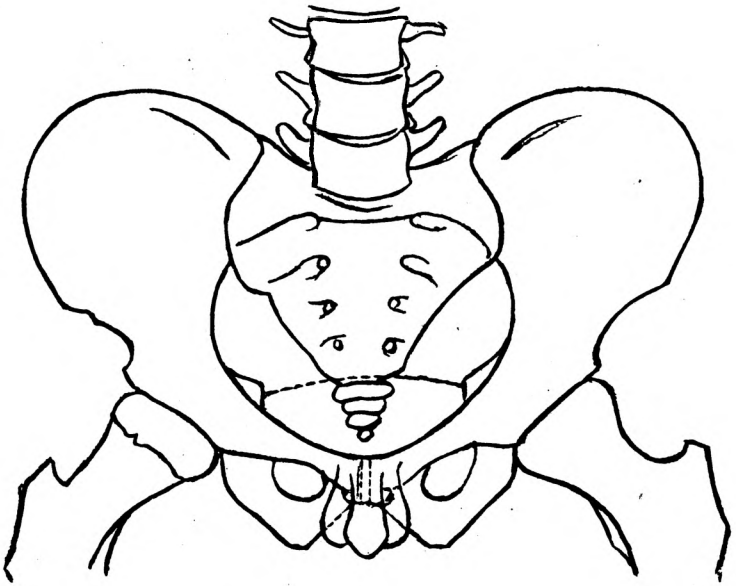
Въ началѣ лекцій я уже указывалъ, что врачебной компетенціи не подлежитъ обсужденіе рѣшеній военныхъ властей: для военного раненые представляютъ только баластъ, отъ котораго онъ старается какъ можно скорѣе освободиться, и это правильно. Вы не имѣете права требовать отъ полководца полкъ боеспособныхъ солдатъ для переноски или транспорта Вашихъ 1000 раненыхъ и не должны удивляться, если узнаете, что ему важнѣе кормить лошадей артиллеріи, чѣмъ лошадей санитарнаго транспорта. Разумѣется, хоро-

шая организація можетъ удовлетворить требованія какъ тѣхъ, такъ и другихъ, но все же нужно помнить, что на первомъ планѣ стоитъ непосредственно война и ея конечная цѣль — побѣда.

Status praesens : — Тазовая область.

1. Рана :
 - сквозная, слѣпая, рваная, пулевая, шрапнельная, осколками, ручною гранатою, холоднымъ оружіемъ, контузія и пр.
2. Время, протекшее до первой перевязки.
3. Способы эвакуаціи.
4. Мѣры, примѣненные до поступленія раненаго :
 - перевязки (какъ часто?)
 - операція.
 - турунды?
 - зондированіе?
 - иммобилизація.
 - воздержаніе отъ пищи и питья.
 - катетеризація.
5. Состояніе раненаго при доставкѣ его :
 - удовлетворительное, шокъ, острая анэмія и пр.
6. Рана :
 - размѣры (въ сантиметрахъ).
 - видъ.
 - состояніе раны и ея окружности :
 - а. кожа.
 - б. мягкія части.
 - в. отечность (ея границы).
 - г. подкожная эмфизема (ея границы).
 - д. выдѣляемое раны.
7. топографія входного и выходного отверстій.
8. Жалобы раненаго :
 - тошнота.
 - рвота.
 - мочеиспусканіе.
 - испражненіе.

9. Мягкія части:
 - промежность.
 - ягодицы.
 10. Мочевые затеки.
 11. Наружные половые органы.
 12. Кости и суставы.
 13. Мочевые органы:
 - свойства и суточное количество мочи.
 - катетеризація.
 14. Прямая кишка.
 15. Стуль.
 16. Вздутіе и болѣзненность живота.
 17. Перкуссія живота.
 18. Сосуды:
 - нижнія конечности:
 - а. периферическій пульсъ.
 - б. отечность и ціанозъ.
 - в. аускультация сосудовъ.
 19. Нервная система (см. листъ № 8).
 - нижнія конечности:
 - положеніе.
 - парезы и параличи.
 - чувствительность.
 - парѣстезіи.
 - рефлексы.
 20. Осложненія.
 21. Рентгенограмма.
-

Опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
Введение	11 сверху	найти связь между	найти связь между
"	19 сверху	войновъ	воиновъ
2	1 сверху	ли мы — врачи ска- зать	ли мы — врачи — сказать
5	4 сверху	представленіе осно- ванные	представленіе основан- ное
5	15 сверху	знаніями	знаніямъ.
5	6 и 9 снизу	Раненные	Раненые
7	1 сверху	Еслибъ	Если бы
8	17 сверху	повязки —	повязки;
8	5 снизу	необходимое.	необходимое ?
9	13 снизу	и сепсиса	и септическихъ больныхъ
14	20 снизу	и пропотѣваетъ	и пропотѣваютъ
17	15 сверху	За практику	Изъ практики
17	4 снизу	отмѣчается	замѣчается
19	10 сверху	не значительно	незначительно
19	6 снизу	естественное теченіе	естественное теченіе за- живленія.
20	13 сверху	засобой	за собой
20	7 снизу	ассѣтика	асептика
21	2 снизу	и боимся	и если мы боимся
22	11 снизу	всѣ сорты	всѣ виды
22	9 снизу	соходичи	сородичи
22	3 снизу	образами	образомъ
24	21 снизу	контрапертуръ	контрапертуръ
30	19 сверху	инфицированной	инфицированной
35	19 сверху	мертвые	мертвые
35	19 сверху	чуждые	чуждые
35	5 снизу	къ примѣру	напримѣръ
40	13 сверху	одно	равно
40	17 снизу	имѣетъ	имѣемъ
45	2 снизу	достаточно	достаточна
47	9 снизу	гнойный	гнойный
49	20 сверху	врослыхъ	взрослыхъ
49	18 снизу	должны	должны
49	12 снизу	самы	самые

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
49	12 снизу	тяжелыя	тяжелые
51	13 сверху	лучше	лучшее
51	6 сверху	проф. Петровымъ	проф. Волковичемъ
55	12 сверху	направленій	направленіи
55	10 снизу	длинной	длинной
69	3 снизу	костыё	костные
70	16 снизу	продолжительные	продолжительныя
70	3 снизу	отверстіе	отверстія
71	8 сверху	больного	за больнымъ
72	14 снизу	дожны	должны
72	1 снизу	поднятіи	поднятіе
73	11 сверху	резекціи	резекцію
75	20 сверху	требующій	требующее
76	17 снизу	въ соотвѣтствующіи	къ соотвѣтствующимъ
76	16 снизу	на то	къ тому
76	17 снизу	руководства	руководствамъ
79	12 сверху	сообщастся	сообщается
79	20 сверху	переднепродольный	переднепродольный
90	1 снизу	дохоятъ	доходятъ
91	13 снизу	близлежаціе	близлежащія
102	8 снизу	кровотечить	кровооточить
106	9 сверху	сухожилы	сухожиліе
122	16 снизу	здровой	здоровой
126	3 сверху	ихъ	изъ
137	4 снизу	осистыхъ	остистыхъ
142	2 снизу	иполезный	и полезный
162	17 снизу	разантности	настильности

Примѣчаніе 1-ое. Приложенныя къ лекціямъ схемы для status praesens'a были выработаны подъ моимъ предсѣдательствомъ комиссіей профессоровъ — консультантовъ и старшихъ врачей въ Варшавѣ.

Примѣчаніе 2-ое. Шестая лекція, стр. 126 строка 17 снизу. Напалковъ установилъ, что смертность оперированныхъ черепныхъ раненыхъ равнялась 55%; Урштейнъ наблюдалъ 70—80% смертности; Бурденко и Бердяевъ 40—50%.

Примѣчаніе 3-ое. Седьмая лекція, страница 131. Схема для моторной сферы взята изъ руководства Винга.

W. Szyłkowski

La méthode typologique dans l'histoire
de la philosophie

Tome premier

В. С. Шилкарскій

Типологическій методъ въ исторіи философіи

(Опытъ обоснованія)

J'ai taché de déterrer et de réunir
la vérité ensevelie et dissipée sous les
opinions des différentes Sectes des
Philosophes

Leibniz

Томъ первый

Посвящается

съ искренней благодарностью и любовью

моимъ Родителямъ

Содержаніе.

	Стр.
Введеніе	1— 55

Часть первая.

Методъ эволюціонно-механическій.

Отдѣлъ первый.

Основы механическаго міропониманія.

Общая картина міра въ механической философіи и ея необходимыя предпосылки	57— 86
--	--------

I. Проблема сущаго.

Наивный реализмъ	89— 90
----------------------------	--------

A. Механическая концепція сущаго.

Ионическая натурфилософія	90— 91
Эмпедоклъ, Анаксагоръ, атомисты	102—105
Протагоръ	105—110
Отъ Спинозы къ Юму	161—162

B. Отвлеченно-идеалистическая концепція сущаго.

Парменидъ	91—102
Парменидъ и Платонъ	112—116
Платонъ	116—122
Эріугена	122—128
Онтологическій аргументъ	128—138
Спиноза	138—161

	Стр.
Нѣмецкій идеализмъ	163—165
Гегель	165—201
Общій обзоръ основныхъ моментовъ въ развитіи отвлеченно-идеалистической концепціи сущаго	201—213
Переходъ отъ отвлеченнаго идеализма къ идеализму конкретному	214—217.

С. Конкретно-идеалистическая концепція сущаго.

Ученіе Платона о идеяхъ, какъ индивидуальныхъ творческихъ силахъ	217—240
Августинъ (Обоснованіе спиритуалистической психологіи)	241—246
Декартъ	247—253
Лейбницъ (Обоснованіе спиритуалистической онтологіи)	253—270
Берклей	270—275
Мэнъ-де Биранъ. — Теисты-гегеліанцы. — Русскіе славянофилы и польскіе мессіанисты	278—279
Лотце	279—292
Тейхмюллеръ	292—319
Спиритуализмъ въ Россіи (Вл. Соловьевъ, А. А. Козловъ, Л. М. Лопатинъ)	320—336
Заключеніе	337—342

II. Проблема реальности времени	343—365
---	---------

III. Проблема реальности пространства	366—380
---	---------

IV. Проблема реальности движенія	381—396
--	---------

Отдѣлъ второй.

Приложеніе предпосылокъ механическаго міропониманія къ исторіи философіи	397—417
--	---------

Отъ автора	419—422
Прибавленія	423—434
Указатель именъ	435—438

Введеніе.

О зависимости исторіи философіи отъ философіи систематической.

*Denn nothwendig hängt die
Geschichte eines Gegenstandes mit
der Vorstellung aufs Engste zu-
sammen, welche man sich von dem-
selben macht.*

Hegel.

Введеніе.

О зависимости исторіи философіи отъ философіи систематической.

I.

Философская мысль въ своемъ непрестанномъ стремленіи проникнуть во внутреннюю законмѣрность, господствующую надъ всею дѣйствительностью, не могла не остановиться на своихъ собственныхъ судьбахъ: раньше или позже передъ нею должна была вырасти задача выяснить ту связь, которая объединяетъ многообразныя проявленія умозрительнаго творчества въ одно цѣлое.

Первыя, удивительно глубокия и оригинальныя попытки выполнить эту задачу встрѣчаемъ мы уже у крупнѣйшихъ представителей античной философіи. Однако, несмотря на то, что съ легкой руки Платона и Аристотеля проблемы исторіи философіи получаютъ весьма широкое распространеніе и подвергаются усиленной разработкѣ вплоть до нашего времени, мы очень далеки въ этой области отъ прочныхъ и общепризнанныхъ пріобрѣтеній. Споры подлежатъ не только результаты тѣхъ или иныхъ изслѣдованій, но и основныя предпосылки исторіи философіи, какъ науки.

Можно ли вообще говорить о какой бы то ни было законмѣрности въ безконечно разнообразномъ и повидимому крайне прихотливомъ движеніи философской мысли? Нѣтъ ни одного вопроса, относительно котораго философы не вели бы горячихъ и въ концѣ концовъ безрезультатныхъ споровъ. Основныя точки зрѣнія на дѣйствительность выступаютъ съ клас-

сической ясностью у великихъ мыслителей древности и, однако, тѣ же противоположности волнуютъ и наше время. Къ какой бы исторической эпохѣ мы ни обращались, мы нигдѣ не находимъ ни сколько-нибудь прочнаго торжества однихъ идейныхъ теченій надъ другими, ни ихъ гармоническаго объединенія въ нѣкоторомъ высшемъ синтезѣ. Повидимому въ самихъ философскихъ идеяхъ, какъ таковыхъ, нѣтъ ничего, что бы сообщало имъ внутреннюю связь и единство. Субъективныя предрасположенія къ тому или иному міросозерцанію, случайное преобладаніе тѣхъ или иныхъ теченій въ наукѣ, искусствѣ и общественной жизни — вотъ что опредѣляетъ своеобразное сочетаніе идей въ системѣ того или иного философа. Неужели случайные продукты чрезвычайно сложныхъ и разнородныхъ вліяній могутъ быть объединены въ нѣкоторое связанное цѣлое?

Подобная оцѣнка философскаго творчества и тѣхъ результатовъ, къ которымъ оно приходитъ какъ у отдѣльныхъ мыслителей, такъ и въ своемъ поступательномъ историческомъ движеніи выступаетъ въ весьма разнообразныхъ формахъ.

Низшую и въ то же время наиболѣе распространенную изъ этихъ формъ представляетъ то настроеніе, которое можно назвать скептицизмомъ обывательскимъ. Скептицизмъ этого рода — не результатъ продолжительныхъ и упорныхъ усилій познать истину, усилій, завершившихся сознаніемъ недостижимости поставленной цѣли; движущимъ его мотивомъ является желаніе подъ благовиднымъ предлогомъ отдалить отъ себя вопросы отвлеченнаго характера, оправдать свое равнодушіе къ нимъ ¹⁾.

Но скептицизмъ можетъ явиться результатомъ не только

1) Классическій художественный образъ представителя такого скептицизма далъ Тургеневъ въ своемъ „Рудинѣ“, въ лицѣ Пигасова: „Истина, — спрашиваетъ Пигасовъ — что такое истина? Гдѣ она, эта истина?... Даже философы не знаютъ, что она такое. Кантъ говоритъ: вотъ, она, молъ, что; а Гегель нѣтъ, врешь, она вотъ что... я не могу понять, что такое истина. По моему, ее вовсе и нѣтъ на свѣтѣ, то есть слово — то есть, да самой вещи нѣту“.

пренебрежительнаго отношенія къ вопросамъ и задачамъ умозрѣнія. Можно любовно углубляться, съ глубокимъ интересомъ слѣдить за разнообразными и богатыми развѣтвленіями философскаго творчества и въ то же время сознавать, что смыслъ этихъ усилій въ ихъ цѣломъ ускользаетъ отъ нашей мысли, не поддается ея организирующимъ и систематизирующимъ тенденціямъ.

Жизнь сложнѣе, богаче мысли. Мысль лишь одно изъ проявленій, если угодно, частей ея необозримо-разнообразнаго и по существу ирраціональнаго творчества. Пора условно отказаться отъ взгляда, столь широко распространеннаго въ недавнее время, согласно которому мысль представляетъ собою полновластнаго законодателя дѣйствительности, солнце, не только освѣщающее землю, но и являющееся источникомъ всякой жизни на ней. Пора вернуть наше ограниченное разсудочное познаніе на подобающее ему мѣсто, показать, что оно не болѣе, какъ одно изъ орудій жизни, притомъ не самое важное.

Подобные голоса раздаются въ наше время все настойчивѣе и чаще. Элементы такого отношенія къ отвлеченной мысли выступаютъ даже у такого глубокаго и универсальнаго гения, какъ Бергсонъ¹⁾. Всецѣло проникнуто ими міросозерцаніе Джемса и другихъ сторонниковъ прагматизма.

Между этими двумя крайними формами (низшую мы называли скептицизмомъ обывательскимъ, высшую можно назвать скептицизмомъ во имя неисчерпаемаго разнообразія

1) См. характерное мѣсто въ началѣ „Творческой эволюціи“.

„ . . . notre pensée, sous sa forme purement logique, est incapable de se représenter la vraie nature de la vie, la signification profonde du mouvement évolutif. Créée par la vie, dans des circonstances déterminées, pour agir sur des choses déterminées, comment embrasserait-elle la vie, dont elle n'est qu'une émanation ou un aspect? Déposée, en cours de route, par le mouvement évolutif, comment s'appliquerait elle le long du mouvement évolutif lui même? Autant voudrait prétendre que la partie égale le tout, que l'effet peut résorber en lui sa cause, ou que le galet laissé sur la plage dessine la forme de la vague qui l'apporta“. (Стр. II).

и богатства жизни, не укладывающейся въ очерченныя отвлеченнымъ разумомъ рамки) — между этими формами возможны весьма многочисленные переходы. Для исторіи философіи, какъ науки, пытающейся установить внутреннее единство и цѣльность въ своемъ предметѣ, всѣ эти переходы не имѣютъ значенія, такъ какъ результатъ ихъ повсюду одинаковъ: сомнѣніе въ возможности истиннаго знанія¹⁾ непремѣнно ведетъ къ отрицанію внутренняго смысла въ послѣдовательномъ развитіи философской мысли, — обратно убѣжденіе въ томъ, что философіи принципиально доступно познаніе подлинной сути вещей, соединяется съ признаніемъ положительнаго значенія за ея историческимъ развитіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если истина разъ навсегда закрыта для человѣческаго разума, то какой смыслъ могутъ имѣть какія бы то ни было попытки преступить этотъ заповѣдный предѣлъ? Напротивъ, мыслитель, усматривающій въ томъ или иномъ міросозерцаніи болѣе или менѣе приближенное выраженіе истины, не станетъ съ пренебреженіемъ относиться къ тому пути, по которому человѣческая мысль шла къ своей цѣли.

Разумѣтся, этимъ еще не рѣшается вопросъ о томъ,

1) Безусловное отрицаніе всякой объективной цѣнности за произведеніями человѣческой мысли встрѣчается только у нѣкоторыхъ представителей античнаго скептицизма. Въ новой философіи, которую вообще отличаетъ склонность къ компромиссу, скептицизмъ выступаетъ съ такимъ множествомъ ограниченій и оговорокъ, что только съ трудомъ можно установить его дѣйствительную природу. Такъ, по существу, элементы скептицизма преобладаютъ въ современномъ „научномъ“ міропониманіи, представляющемъ собою пеструю смѣсь наивнаго догматизма, неосознаннаго матеріализма и притязаній на строго эмпирической характеръ своихъ выводовъ. Изъ такихъ осколковъ нельзя, разумѣтся, составить стройнаго и законченнаго цѣлаго: „научная“ философія начинается торжественнымъ „за здравье“ положительнаго и безусловнаго знанія дѣйствительности, чтобы закончить менѣе торжественнымъ, но зато совершенно неизбѣжнымъ „за упокой“ всякаго знанія о подлинной реальности.

какое именно міросозерцаніе слѣдуетъ признать конечною цѣлью и завершеніемъ многообразныхъ усилій философскаго творчества въ его стремленіи къ истинѣ; — важно то, что только въ томъ случаѣ, если мы признаемъ принципиальную достижимость этой цѣли, мы вправѣ настаивать на присутствіи внутренней связи и смысла въ движеніи философскихъ идей.

Безъ этой основной предпосылки исторія философіи превращается въ безцѣльный досужій пересказъ, пестрое собраніе „мнѣній“, т. е. случайныхъ созданій нѣкоторыхъ своеобразно настроенныхъ умовъ. Лишенная внутренняго смысла, она можетъ только констатировать глубокую тщету и бесплодность всѣхъ усилій человѣка приблизиться къ истинѣ. Въ пестрой смѣнѣ послѣдовательно вытѣсняющихъ другъ друга философскихъ системъ всецѣло господствуетъ законъ смерти. „Исторія философіи въ своемъ цѣломъ это царство отжившихъ, не только тѣлесно умершихъ индивидовъ, но опровергнутыхъ, духовно отжившихъ системъ, изъ которыхъ каждая умертвила и похоронила другую. Это поле сраженія, только покрытое костями мертвыхъ“¹⁾.

Внутреннюю связь и единство сообщаетъ произведеніямъ отвлеченной мысли единственно ихъ отношеніе къ истинѣ: въ познаніи подлинной дѣйствительности, какъ конечной цѣли всякой философской дѣятельности, дано живое средоточіе всѣхъ ея проявленій. Въ этого основного отношенія исторія философскихъ идей не можетъ претендовать на достоинство науки, это не болѣе, какъ груда сырого матеріала, покрытаго плѣсенью и извѣденнаго мышами „ein Kehrrichtfass und eine Rumpelkammer“ . . . (Goethe).

1) Hegel. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. I Bd. (Werke. Vollständige Ausgabe Berlin 1832—1840. Bd. XIII, S. 29). „Das Ganze der Geschichte der Philosophie ist ein Reich vergangener, nicht nur leiblich verstorbener Individuen, sondern widerlegter, geistig vergangener Systeme, deren jedes das andere todt gemacht, begraben hat. Es ist ein Schlachtfeld, nur bedeckt mit den Gebeinen der Todten.

Итакъ, исторія философіи можетъ имѣть положительный смыслъ и значеніе для насъ только въ томъ случаѣ, если мы въ томъ или иномъ міросозерцаніи усматриваемъ болѣе или менѣе приближенное выраженіе истины. Но если это такъ, то исторія философіи, какъ наука, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ одною изъ составныхъ частей философіи систематической: въ ней она находитъ какъ свое естественное завершеніе, такъ и живое средоточіе, только въ этой необходимой связи устраняется и преодолевается случайность и фрагментарность произведеній философскаго творчества, присущая имъ, поскольку они разсматриваются внѣ ихъ принципиальнаго отношенія къ истинѣ. Роль нашей науки по существу служебная, ея основной задачей, которой не должны упускать изъ виду частныя изслѣдованія¹⁾, является всестороннее историческое оправданіе того міровоззрѣнія, которое въ глазахъ даннаго изслѣдователя представляетъ собою конечный и наиболѣе совершенный результатъ всего предшествующаго развитія философской мысли. Но, выполняя эту задачу, исторія философія пріобрѣтаетъ единство и внутреннюю законченность, сообщаящую ей достоинство науки, разумѣется, при условіи, что тому міропониманію, которое даетъ руководящія нити въ дѣлѣ изученія философскихъ идей и ихъ развитія, присущъ подлинно универсальный характеръ и что многообразныя теченія отвлеченной мысли свободно объединяются въ немъ въ качествѣ подчиненныхъ частей цѣлаго.

Судьбы исторіи философіи, какъ науки, связаны такимъ образомъ всецѣло съ судьбами философіи систематической. Посильному выясненію этой связи будетъ посвя-

1) Разумѣется это не значитъ, чтобы различныя изслѣдованія по исторіи философскихъ идей, непосредственно не связанныя съ основной задачей нашей науки, не имѣли никакой цѣнности; не слѣдуетъ только преувеличивать ихъ значенія, которое не простирается дальше предварительной, черновой разработки матеріала.

щена основная часть нашего изслѣдованія, здѣсь, во введеніи, мы вправѣ ограничиться самыми общими принципіальными соображеніями по занимающему насъ вопросу.

II.

Исторія философіи, какъ наука, возможна только при томъ условіи, что развитіе человѣческой мысли ведетъ къ универсальному и истинному міропониманію, какъ своему естественному завершенію.

Возможно ли однако такое міропониманіе?

Принципіальную возможность истиннаго міросозерцанія молчаливо предполагаютъ всѣ философскія ученія, какъ бы ни разнились они другъ отъ друга по своему содержанію, вѣдь безъ этой предпосылки философское творчество теряетъ какой бы то ни было положительный смыслъ, превращаясь въ досужее времяпрепровожденіе и остроумную игру понятій, удовлетворяющую природной подвижности человѣческаго ума, но не приводящую ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ¹⁾.

Человѣческая мысль принципіально причастна истинѣ. Попытки отвергнуть эту основную предпосылку философскаго творчества приводятъ къ неустрашимымъ внутреннимъ противорѣчіямъ и этимъ явно доказываютъ свою несостоятельность.

1) Такъ въ самомъ дѣлѣ смотритъ на философію Montaigne.

Un ancien — говоритъ онъ — à qui on reprochoit, qu'il faisoit profession de la philosophie, de laquelle pourtant en son jugement il ne tenoit pas grand compte, respondit; que cela, c'estoit vraiment philosopher. Ils ont voulu considerer tout, balancer tout, et ont trouvé cette occupation propre à la naturelle curiosité qui est en nous.

Essais de M. de Montaigne L. II, ch. 12. Paris, 1793. P. 288.

Послѣ этого не трудно понять, почему знаменитый писатель требуетъ отъ философіи прежде всего, чтобы она была „полна разнообразія и мечтательности“ (pleine de variété et de resverie). Такая философія не требуетъ отъ насъ никакого душевнаго напряженія и сообщаетъ намъ мирное и благодушное настроеніе (contenance paisible et gaye) человѣка, который ничему не придаетъ серьезнаго значенія и поэтому стоитъ выше какихъ бы то ни было тревогъ и волненій.

Въ самомъ дѣлѣ допустимъ на минуту, что истина разъ навсегда скрыта отъ насъ. Допущеніе это не можетъ означать ничего иного, кромѣ того, что мы отрицаемъ общеобязательность тѣхъ законовъ нашей мысли, которые даютъ намъ возможность отличать истину отъ заблужденія. Но это отрицаніе, если только проводить его серьезно и послѣдовательно, должно быть распространено на всѣ безъ исключенія теоретическія утвержденія и, слѣдовательно, и на наше собственное. Утверждая, что мы ничего не знаемъ, скептикъ очевидно отличаетъ знаніе отъ заблужденія, въ противномъ случаѣ у него не было бы никакихъ основаній относить всѣ положительныя философскія утвержденія въ разрядъ ничѣмъ не доказанныхъ и случайныхъ „мнѣній“. Противъ любой философской теоріи скептицизмъ выставляетъ рядъ порою очень остроумныхъ возраженій, которыя покоятся на тѣхъ или иныхъ принципахъ, общеобязательность которыхъ скептикъ по существу молчаливо предполагаетъ, иначе онъ не могъ бы на нихъ ссылаться. Съ другой стороны, находя обоснованіе того или иного ученія неправильнымъ, скептицизмъ, во первыхъ, признаетъ необходимость и, слѣдовательно, возможность правильнаго обоснованія, во вторыхъ, исходитъ изъ увѣренности въ томъ, что онъ обладаетъ критеріемъ такого обоснованія. Въ результатѣ оказывается, что любая скептическая система обнимаетъ собою цѣлый рядъ положеній признаваемыхъ объективно достовѣрными: пытаясь послѣдовательно развить свои предпосылки, скептицизмъ съ первыхъ же шаговъ попадаетъ въ безвыходный логическій кругъ, уподобляясь тому герою Науффа, который хотеть устроиться на вѣткѣ, которую онъ же самъ подрубаетъ.

И тѣмъ не менѣе скептицизму принадлежитъ власть надъ очень многими умами.

Гдѣ же источникъ этой власти?

Быть можетъ мы имѣемъ въ скептицизмѣ одну изъ

типическихъ формъ философіи, одну изъ тѣхъ точекъ зрѣнія, на одну изъ которыхъ неизбѣжно становится человѣческая мысль, опредѣляя свое отношеніе къ дѣйствительности?

Отъ этого предположенія мы должны отказаться съ самаго начала.

Скептицизмъ уже потому не представляетъ собою типической формы міропониманія, что всегда и вездѣ занимаетъ свои предпосылки изъ тѣхъ или иныхъ догматическихъ системъ (чаще всего изъ матеріализма).

Такъ, греческіе софисты прямо опираются на метафизическія ученія — одни Гераклита, другіе — элейцевъ. Скепсисъ эллинистической эпохи связанъ общностью основнаго идеала (атараксія) съ эпикурейской и стоической школами, исходящими изъ метафизическихъ предпосылокъ чисто матеріалистическаго характера. Самый вліятельный скептикъ новаго времени Юмъ развиваетъ свое ученіе, какъ прямое слѣдствіе изъ ассоціативной теоріи душевной жизни, представляющей собою одно изъ приложеній общаго механическаго міропониманія.

Происхожденіемъ занимающей насъ теоріи объясняется и тотъ глубокій внутренній разладъ, который присущъ скептицизму во всѣхъ его формахъ. Во всѣхъ своихъ выводахъ предполагая результаты той или иной метафизической теоріи, скептицизмъ тѣмъ не менѣе не отдаетъ себѣ отчета въ этой зависимости и поэтому она принимаетъ у него рабскій характеръ, лишаящій его возможности разобраться и критически отнестись къ своимъ предпосылкамъ.

Итакъ скептицизмъ не есть типическое отношеніе мысли къ дѣйствительности. Сомнѣніе во всемъ не можетъ быть результатомъ продуманной философской теоріи; это выраженіе усталости мысли, ея безсилія передъ сложными и трудными вопросами умозрѣнія¹⁾.

1) „Dieses (das skeptische) Bekenntniss ist . . . bloss die Formel für den Zustand derjenigen, die bei dem Tumult sich widersprechender Ansichten

Что же — мы возвращаемся къ поставленному нами вопросу — что же позволяет скептицизму играть такую значительную роль въ исторіи философскихъ идей? Въдь достаточно самага бѣглаго обзора ея, чтобы убѣдиться въ томъ, что скептицизмъ выступаетъ во всѣ эпохи развитія философской мысли, обнаруживая этимъ свою исключительную живучесть. Неизмѣнно слѣдуетъ онъ за всѣми крупными завоеваніями умозрительнаго творчества, стремясь доказать ихъ призрачность и почти всегда на его долю достается временное торжество. За смѣлымъ порывомъ отвлеченной мысли слѣдуетъ ея упадокъ и оскудѣніе и вотъ тутъ то скептицизмъ торжествуетъ свою кратковременную побѣду.

Получить сколько нибудь прочное преобладаніе препятствуетъ ему внутренняя невозможность для человѣческой души остановиться и успокоиться на голомъ и пустомъ отрицаніи. Сила скептицизма не въ немъ самомъ, успѣхъ

keinen Ausweg finden und bei der Schwierigkeit, die subjectiven Zuthaten von dem objectiven Inhalt der Erkenntniss auszuschneiden und die Methoden zu prüfen, rathlos und haltlos stehen bleiben.

Teichmüller. Neue Grundlegung der Psychologie und Logik. Стр. 2.

Очень часто также въ основѣ скептического настроенія лежитъ глубокое недовѣріе къ человѣческой природѣ вообще:

„Certes, — говоритъ Montaigne, — c'est un subject merveilleusement vain, divers, et ondoyant, que l'homme: il est malaisé d'y fonder jugement constant et uniforme. Essais L. I. Ch. I. Paris, 1793. T. I. P. 5.

А старикъ Пирронъ по свидѣтельству Діогена Лаэртія съ особенною любовью повторялъ стихи Гомера: (Ил. VI, 146—149.)

*οἷη περ φύλλων γενεή, τοίη δὲ καὶ ἀνδρῶν
φύλλα τὰ μὲν τ' ἄνεμος χαμάδις χέει, ἅλλα δὲ θ' ὕλη
τηλεθόωσα φύει, ἕαρος δ' ἐπιγίγνεται ὥρη
ὥς ἀνδρῶν γενεή ἢ μὲν φύει, ἢ δ' ἀπολήγει.*

Листьямъ въ дубравахъ подобны мы всѣ, сыны человѣковъ:

Вѣтеръ одни по землѣ разбѣваетъ, другіе дубрава,

Вновь расцвѣтая, рождается, и съ новой весной возрастаютъ;

Такъ человѣки — сии нарождаются, тѣ погибаютъ

Съ скептицизмомъ, поскольку онъ есть только настроеніе, разумѣется, невозможенъ никакой споръ.

его основывается исключительно на томъ, что человѣческая мысль не можетъ остановиться окончательно ни на одномъ изъ своихъ пріобрѣтеній, сознаетъ ихъ неполноту и недостаточность въ сравненіи съ тою цѣлью, которую она себѣ ставитъ. Препятствуя человѣческой мысли удовлетворяться и останавливаться на томъ, что уже достигнуто ею въ данный моментъ и, слѣдовательно, косвенно заставляя ее искать новыхъ путей и болѣе совершенныхъ рѣшеній, скептицизмъ играетъ въ исторіи философіи важную и въ извѣстномъ смыслѣ плодотворную роль¹⁾. Бѣда только въ томъ, что онъ неизбежно переоцѣниваетъ свои силы, что своему въ извѣстныхъ границахъ законному сомнѣнію, онъ сообщаетъ догматическій характеръ, что онъ все отрицающій долженъ утверждать свое отрицаніе. Плодотворная роль въ развитіи философскихъ идей принадлежитъ скептицизму такъ сказать помимо его воли и замысла: ни одинъ скептикъ ни за что не согласится съ тѣмъ, что представляемое имъ идейное теченіе по существу есть не что иное, какъ отрицательное условіе каждаго новаго творческаго раскрытія человѣческой мысли. Напротивъ, скептицизмъ стремится къ тому, чтобы сдѣлать невозможнымъ какое бы то ни было положительное философское творчество, поставивъ на его мѣсто свое отрицаніе. Но эта задача, разумѣется, оказывается ему не по силамъ и раньше или позже философія освобождается отъ его притязаній.

Глубокая теоретическая несостоятельность скептицизма ярко обнаруживается и въ области практической жизни. Человѣкъ долженъ жить и дѣйствовать, но всякая дѣятель-

1) Такъ критика софистовъ, направленная главнымъ образомъ противъ ученій древне-греческихъ физиковъ, подготовила реформу Сократа, съ которой въ свою очередь генетически связано величайше созданіе умозрительнаго творчества всѣхъ временъ — философія „божественнаго Платона“. Излишне затѣмъ напоминать о томъ, какую выдающуюся роль въ развитіи новой философіи сыгралъ скептицизмъ Юма.

ность предполагаетъ тѣ или иныя теоретическія представленія о дѣйствительности, на которую она направлена. Воздерживаясь отъ какой бы то ни было оцѣнки нашихъ представлений съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія съ дѣйствительностью, мы тѣмъ самымъ отказываемся отъ какой бы то ни было дѣятельности, руководимой этими представленіями. И вотъ за требованіемъ безусловнаго воздержанія отъ какихъ бы то ни было сужденій (*ἐποχή*) слѣдуетъ весьма существенная уступка: въ вопросахъ практической жизни рекомендуется „слѣдовать тому, что кажется“ (*τοῖς δὲ φαινομένοις ἀκολουθεῖν*), сообразуясь съ природою и съ господствующими въ данной средѣ нравами и обычаями, но въ то же время не присоединяясь ни къ какому теоретическому утвержденію¹⁾.

Уступка эта характерна не только для пирронизма, у представителей котораго мы взяли приведенныя выше цитаты, — по существу она совершенно неизбѣжна для всѣхъ видоизмѣненій скептицизма. Не трудно въ то же время замѣтить, какой нестерпимый разладъ вносить она въ занимающую насъ теорію: какъ въ самомъ дѣлѣ въ практической дѣятельности серьезно слѣдовать тому, въ теоретической недостоверности чего мы заранѣе убѣждены? Поистинѣ трагическое положеніе! И быть можетъ никто не освѣтилъ его такъ ярко, какъ самый глубокий и оригинальный скептикъ новаго времени Давидъ Юмъ.

„Сторонникъ Пиррона — говорить Юмъ²⁾ — долженъ при-

1) *ὁπόταν μὲντοι φῶσι* (скептики) *τὸ σοφὸν δὴ τοῦτο, διότι δέοι κατακολουθεῖντα τῇ φύσει ζῆν καὶ τοῖς ἔθεσι, μηδενὶ μὲντοι συγκατατίθεσθαι.* (Aristocl. ap. Euseb. pr. ev. XIV, 18, 20. Цит. по Zeller'y Philosophie der Griechen. Bd. III, 1. IV Aufl. 1909. S. 506).

Идеаль же скептического мудреца отчетливо выраженъ въ слѣдующемъ характерномъ мѣстѣ у того же писателя:

διὰ τοῦτο οὐκ μὲν πιστεῦειν αὐτοῖς δεῖν, ἀλλ' ἀδοξάστον καὶ ἀκλινεῖς καὶ ἀκραδάντους εἶναι περὶ ἐνὸς ἑκάστου λέγοντας ὅτι οὐ μᾶλλον ἔστιν ἢ οὐκ ἔστιν, ἢ καὶ ἔστιν καὶ οὐκ ἔστιν, ἢ οὔτε ἔστιν οὔτ' οὐκ ἔστιν. (Aristocl. ap. Eus. op. cit. 18, 3. Zeller III, 1⁴, S. 503. A.).

2) „ . . . he (a Pyrrhonian) must acknowledge, if he will acknowledge

знать, — если онъ вообще что нибудь признаетъ — что всякая человѣческая жизнь должна была бы погибнуть, если бы его принципы получили всеобщее и прочное преобладаніе. Всякое мышленіе, всякая дѣятельность должны были бы немедленно прекратиться и люди оставались бы въ полной летаргіи до тѣхъ поръ, пока потребности природы, будучи неудовлетворенными, не положили бы предѣла ихъ жалкому существованію. Правда (у насъ) мало основаній опасаться такого рокового исхода. Природа всегда сильнѣе какихъ бы то ни было принциповъ“.

Ту же мысль высказываетъ Юмъ и въ своемъ главномъ произведеніи:

„Ели бы меня . . . спросили, искренне ли я согласенъ съ тѣмъ положеніемъ, которое я, повидимому, такъ стараюсь втолковать (моимъ читателямъ) и на самомъ ли дѣлѣ я изъ числа тѣхъ скептиковъ, которые считаютъ, что все недосто-
вѣрно и что нашъ разсудокъ ни къ чему не можетъ прилагать никакихъ мѣрилъ истинности и ложности, то я отвѣтилъ бы . . . что ни я, ни вообще никто никогда не придерживались этого мнѣнія искренно и постоянно. Природа съ безусловной и непреложной необходимостью опредѣлила, (что мы должны) высказывать сужденія, такъ же, какъ (мы должны) дышать и чувствовать¹⁾“.

„И даже если бы сторонникъ Пиррона привелъ своими глубокими разсужденіями себя самого или кого-нибудь

any thing, that all human life must perish, were his principles universally and steadily to prevail. All discourse, all action would immediately cease; and men remain in a total lethargy, till the necessities of nature, unsatisfied, put an end to their miserable existence. It is true; so fatal an event is very little to be dreaded. Nature is always too strong for principle. (An enquiry concerning human understanding XII, 2. The philosophical works ed. by Green and Grose. Vol. IV, pag. 131).

1) „Shou'd it here be ask'd me, whether I sincerely assent to this argument, which I seem to take such pains to inculcate, and whether I be really one of those sceptics, who hold that all is uncertain, and that our judgment is not in a ny thing possest of a ny measures of truth and fals-

другого въ состояніе мгновеннаго изумленія и разстройства, то все-таки первый ничтожный случай въ его жизни разсѣялъ бы всѣ его колебанія и сомнѣнія и поставилъ бы его во всѣхъ вопросахъ (практической) дѣятельности и мысли въ одинаковое положеніе съ философами какой угодно иной школы или съ тѣми людьми, которые никогда не предавались философскимъ изысканіямъ. Очнувшись отъ сна, онъ первый же посмѣялся бы надъ самимъ собою и призналъ бы, что всѣ его возраженія являются лишь забавой и что у нихъ нѣтъ иной задачи, какъ освѣтить своеобразное положеніе людей, которые должны дѣйствовать, мыслить и вѣрить, несмотря на то, что они не въ состояніи путемъ самаго усерднаго изслѣдованія постигнуть основы этихъ дѣйствій, или устранить тѣ возраженія, которыя возникаютъ противъ нихъ“.

(And though a Pyrrhonian may throw himself or others into a momentary amazement and confusion by his profound reasonings; the first and most trivial event in life will put to flight all his doubt and scruples, and leave him the same, in every point of action and speculation, with the philosophers of every other sect, or with those who never concerned themselves in any philosophical researches. When he awakes from his dream, he will be the first to join in the laugh against himself, and to confess, that all his objections are mere amusement, and can have no other tendency than to show the whimsical condition of mankind, who must act and reason and believe; though they are not able, by their most diligent enquiry, to satisfy themselves concerning the foundation of these operations, or to remove the objections, which may be raised against them) (Enquiry XII, 2, p. 131,2).

hood; I shou'd reply, that . . . neither I, nor any other person was ever sincerely and constantly of that opinion. Nature, by an absolute and uncontrollable necessity has determin'd us to judge as well as to breathe and feel.

A treatise of human nature Part. IV. Sect. I. (Philos. works. Vol. I, p. 474, 475).

Юмъ произноситъ такой безпощадный приговоръ надъ крайнимъ ¹⁾ скептицизмомъ, которому онъ противопоставляетъ скептицизмъ смягченный ²⁾, академическій. Сущность послѣдняго онъ полагаетъ въ „ограниченіи нашихъ изслѣдованій тѣми предметами, которые лучше всего отвѣчаютъ заключенной въ узкіе предѣлы способности человѣческаго разсудка“ ³⁾.

Такое ограниченіе проводится затѣмъ на основѣ строгаго сенсуализма, психологической теоріи, и генетически и логически тѣсно связанной съ новымъ механическимъ міропониманіемъ. Скептицизмъ служитъ здѣсь опорой для предвзятаго устраненія изъ числа доступныхъ философіи проблемъ всего того, что не укладывается въ узкія рамки даннаго міросозерцанія: отрицаніе распространяется уже не на всѣ утвержденія человѣческой мысли, а лишь на тѣ изъ нихъ, которыя не входятъ и не могутъ войти въ тотъ идейный кругъ, въ которомъ движется мысль нашего философа.

Подобный пріемъ характеренъ для всѣхъ видоизмѣненій „смягченнаго“ скептицизма: всѣ они не только вырастаютъ изъ тѣхъ или иныхъ догматическихъ предпосылокъ, но и служатъ задачамъ чисто догматическаго характера, и какъ разъ возможность подъ благовиднымъ предлогомъ отнести вопросы, неразрѣшимые съ точки зрѣнія даннаго міропониманія, въ разрядъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ принципиально недоступно человѣческой мысли, дѣлаетъ занимающую насъ разновидность скептицизма столь привлекательной для очень многихъ философовъ.

Скептицизмомъ въ строгомъ смыслѣ является только безусловный скептицизмъ, всѣ остальные видоизмѣненія его, по существу, связаны тѣснымъ образомъ съ тѣми или иными

1) excessive, total, Pyrrhonian doubt.

2) mitigated.

3) the limitation of our enquiries to such subjects as are best adapted to the narrow capacity of human understanding. (Op. cit. p. 133.)

положительными философскими теченіями и поэтому ихъ ближайшее критическое разсмотрѣніе цѣлесообразнѣе перенести въ основную часть нашего изслѣдованія.

III.

Исторія философіи, какъ наука, возможна только въ неразрывной связи съ истиннымъ и универсальнымъ философскимъ міросозерцаніемъ.

Какое же міросозерцаніе слѣдуетъ признать естественнымъ завершеніемъ многообразныхъ усилій человѣческой мысли въ ея стремленіи къ истинѣ?

Къ рѣшенію этого вопроса мы можемъ итти, разумѣется, только путемъ сравнительной оцѣнки основныхъ формъ философскаго міропониманія. Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ строгой и сколько нибудь законченной классификаціи типическихъ системъ философіи. Термины, созданные для обозначенія наиболѣе распространенныхъ и чаще всего повторяющихся въ прошломъ человѣческой мысли философскихъ концепцій, не могутъ удовлетворить насъ потому, что въ нихъ не соблюдено основное условіе всякой правильной классификаціи — одно опредѣленное основаніе дѣленія: такіе термины, какъ матеріализмъ, механизмъ и натурализмъ, эмпиризмъ, позитивизмъ, сенсуализмъ и скептицизмъ, идеализмъ, панлогизмъ и спиритуализмъ и т. п. сложились исторически и представляютъ собою обломки классификацій, созданныхъ въ различныя времена отдѣльными вліятельными мыслителями прошлаго ¹⁾. Изъ такихъ

1) Въ каждой изъ такихъ классификацій можно найти черты въ той или иной мѣрѣ общія въ сѣбѣ классификаціямъ; отсюда возможность замѣны однихъ обозначеній другими: такъ, позитивизмъ и эмпиризмъ, или матеріализмъ и механизмъ, или идеализмъ и спиритуализмъ — разсматриваются часто, какъ синонимы и ставятся одинъ на мѣсто другого. Но идейное родство не означаетъ еще идейнаго тождества, и смѣшеніе членовъ, заимствованныхъ изъ различныхъ классификацій, раньше или позже приводитъ къ существеннымъ недоразумѣніямъ.

обломковъ, разумѣется, нельзя создать стройнаго цѣлаго, и намъ не остается ничего иного, какъ попытаться заново построить классификацію основныхъ формъ философскаго міропониманія на одномъ строго выдержанномъ основаніи дѣленія, причемъ этимъ основаніемъ долженъ служить какойнибудь центральный вопросъ, отношеніемъ къ которому уже опредѣляется существенный характеръ всякаго міросозерцанія.

Прежде, однако, чѣмъ попытаться построить новую классификацію, мы позволимъ себѣ предупредить одно возможное принципиальное возраженіе.

Мы видѣли, что плодотворнаго рѣшенія основныхъ задачъ исторіи философіи мы вправѣ ожидать только отъ философіи систематической; къ числу этихъ задачъ, несомнѣнно, относится законченная классификація типическихъ формъ отвлеченнаго міропониманія; но въ такомъ случаѣ она очевидно должна появиться не въ началѣ, а въ концѣ пути, какъ одно изъ приложеній всесторонне развитаго философскаго міросозерцанія. Мы видѣли въ то же время, что развить такое міросозерцаніе мы можемъ не иначе, какъ исходя изъ той или иной классификаціи типическихъ точекъ зрѣнія на дѣйствительность. Устранить возникающее здѣсь противорѣчіе мы можемъ только въ томъ случаѣ, если признаемъ, что начальная классификація должна носить предварительный характеръ и не предполагать спора между основными міропониманіями уже рѣшеннымъ, тогда какъ конечная классификація можетъ быть только завершеніемъ философской системы, побѣдоносно вышедшей изъ борьбы со всѣми иными возможными концепціями дѣйствительности.

Истина есть соотвѣтствіе мысли съ дѣйствительностью. Опредѣленіе это является самымъ общимъ и формальнымъ и именно, поэтому, не вызываетъ никакихъ споровъ. Однако, если мы сдѣлаемъ шагъ дальше и спросимъ, чѣмъ опредѣляется это соотвѣтствіе, то въ зависимости отъ отвѣта, какой

мы дадимъ на этотъ вопросъ, мы получимъ три различныя метафизическія концепціи, причемъ окажется, что любая изъ философскихъ системъ прошлаго и настоящаго времени неизбежно примыкаетъ къ одной изъ нихъ.

Прежде всего мы можемъ предположить, что соотвѣтствіе мысли и дѣйствительности достигается вслѣдствіе того, что дѣйствительность всецѣло опредѣляетъ собою мысль, на долю которой выпадаетъ такимъ образомъ пассивное отраженіе, лишенное какой бы то ни было самостоятельности.

Но вполне возможно противоположное предположеніе: мысль не пассивно приспосабливается и рабски воспроизводитъ дѣйствительность, а сама создаетъ ее. Въ мысли — единственный источникъ всякой реальности, неудивительно, поэтому, что между производящимъ и его произведеніемъ существуетъ прямое и строгое соотвѣтствіе.

Наконецъ, третью, примиряющую двѣ первыя, точку зрѣнія мы находимъ въ допущеніи, что соотвѣтствіе между мыслью и дѣйствительностью представляетъ собою результатъ непрерывнаго взаимодѣйствія между ними.

Остановимся на необходимыхъ послѣдствіяхъ каждаго изъ этихъ допущеній.

Мысль воспроизводитъ дѣйствительность, приспосабливается къ ней и пассивно отражаетъ ее; она совершенно лишена какой бы то ни было самостоятельности и внутренней самодѣятельности. Все, что въ ней протекаетъ, имѣетъ основаніе не въ ней самой, а въ томъ, что ее опредѣляетъ. Но, если мысль безусловно пассивна, то, быть можетъ, дѣятельныя начала мы найдемъ въ дѣйствительности. Быть можетъ, пассивная мысль отражаетъ активную дѣйствительность? Но вѣдь мысль въ концѣ концовъ есть лишь одна изъ областей дѣйствительности, правда это очень своеобразная область, на долю которой выпала не принадлежащая никакой иной области привилегія идеально воспроизводить въ себѣ отношенія и законы, присущіе всей дѣйствительности. Почему

же дѣятельныя начала, господствующія во всей дѣйствительности, не проявляются въ этой области? Но, не говоря уже объ этомъ странномъ исключеніи, само предположеніе объ активномъ, творческомъ характерѣ дѣйствительности и безусловной пассивности отражающей ее мысли заключаетъ явную несообразность: если все происходящее въ дѣйствительности представляетъ собою раскрытіе самодѣятельныхъ началъ, то, чтобы отразить и идеально воспроизвести этотъ творческій процессъ, мысль сама должна обладать активнымъ, творческимъ характеромъ; въ противномъ случаѣ остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ лишенная всякой самодѣятельности мысль можетъ поспѣвать за творческимъ развитіемъ дѣйствительности, какимъ образомъ она достигаетъ того, чтобы въ своихъ идеальныхъ отношеніяхъ дать адекватное выраженіе творчески развивающимся процессамъ реального міра.

Если мысль пассивна, то пассивна и та дѣйствительность, которую она воспроизводитъ; но отрицаніе какихъ бы то ни было самодѣятельныхъ началъ въ мірѣ составляетъ основное предположеніе механическаго міропониманія.

Мы называемъ такъ міропониманіе, отрицающее какіе бы то ни было самостоятельные активные принципы въ дѣйствительности потому, что всѣ остальные философскія концепціи, построенныя на той же основѣ, представляютъ собою лишь его разновидности. Въ древней философіи механическое пониманіе дѣйствительности, выступавшее неизмѣнно въ формѣ матеріализма, не пошло дальше самыхъ общихъ предположеній. Патристика, схоластика и эпоха Возрожденія живутъ главнымъ образомъ идеями античнаго идеализма. Только въ новой философіи съ легкой руки Галилея и Декарта основные принципы механическаго естествознанія получаютъ всестороннее развитіе и на нихъ-то строится новая картина міра, притомъ не въ самыхъ общихъ и смутныхъ очертаніяхъ, какъ у древнихъ атомистовъ, а въ

тщательной детальной разработкѣ. Несмотря на совершенно неустраимыя и все возрастающія трудности, стремленіе подчинить всѣ науки какъ о природѣ, такъ и о духѣ основнымъ предположеніямъ и методамъ механики господствуетъ надъ философскимъ сознаніемъ послѣднихъ трехъ столѣтій. Къ механикѣ, какъ идеальному прообразу всякаго положительнаго знанія, обращаются и ею вдохновляются какъ многочисленные матеріалистическія системы новаго времени¹⁾, такъ и попытки создать новыя родственныя матеріализму теченія: сенсуализмъ, ассоціационизмъ, психо-физическій параллелизмъ и т. п. Представить міръ, какъ механизмъ или какъ рядъ механизмовъ, механически же связанныхъ другъ съ другомъ — къ этому идеалу направлены важнѣйшія усилія новой европейской науки и философіи; естественно, поэтому, и міропониманіе, выросшее на почвѣ этого стремленія, назвать механическимъ.

Противоположное міропониманіе, признающее единственнымъ источникомъ всякой реальности отвлеченную мысль, принято называть панлогистическимъ или отвлеченно-идеалистическимъ. Для исторіи этой концепціи до сихъ поръ сдѣлано въ наукѣ очень мало, и намъ придется во второй части нашего изслѣдованія удѣлить этой сторонѣ вопроса особое вниманіе. Здѣсь мы позволимъ себѣ только замѣтить, что панлогистическая концепція ошибочно разсматривается, какъ исключительное достояніе нѣмецкаго идеализма. При такомъ взглядѣ панлогизмъ не болѣе, какъ эпизодическое явленіе въ исторіи человѣческой мысли, обязанное своимъ возникновеніемъ генію Канта, развивающееся въ системахъ Фихте и Шеллинга и достигающее своего высшаго расцвѣта въ философіи Гегеля. Нечего говорить, что, если этотъ взглядъ вѣренъ, то наша классификація должна быть

1) Lamettrie, напримѣръ, прямо примыкаетъ къ механической натурфилософіи Декарта и въ этомъ смыслѣ не колеблясь называетъ себя картезіанцемъ.

признана совершенно непригодной: какъ въ самомъ дѣлѣ объявлять типическимъ идейное теченіе, господствовавшее какихъ-нибудь полвѣка и въ своемъ исключительномъ своемъ образіи не имѣвшее даже предшественниковъ?

Болѣе внимательное изученіе исторіи отвлеченнаго идеализма должно убѣдить насъ въ совершенной несостоятельности этого взгляда. Основную идею панлогистического міропониманія строго и отчетливо формулируетъ уже Парменидъ (*ταὐτὸν δ' ἐστὶ νοεῖν τε καὶ ὀνείκεν ἐστὶ νόημα*). Прочное и чрезвычайно продолжительное господство обеспечиваетъ за его основными предположеніями Платонъ своимъ ученіемъ о идеяхъ. Метафизика Аристотеля въ основныхъ своихъ утвержденіяхъ суживаетъ, но не преодолеваетъ идеалистической концепціи „божественнаго“ учителя. Святоотеческая эпоха и средніе вѣка обращаются или къ безусловному идеализму Платона или къ умѣренному Аристотеля, причемъ высшаго расцвѣта и крайняго выраженія панлогизмъ достигаетъ въ системѣ Эріугены, прямо отождествляющей логическую лѣстницу понятій въ порядкѣ убывающей общности съ реальною дѣйствительностью, развивающейся изъ одной абсолютной основы. Великіе системы семнадцатаго вѣка (Декарта, Спинозы¹⁾, Лейбница) представляютъ собою оригинальное сочетаніе основныхъ понятій и предпосылокъ античнаго идеализма съ новой механической концепціей дѣйствительности, которая собственными силами никогда бы не могла развиваться въ законченное міропониманіе.

Къ какой бы крупной эпохѣ въ духовномъ развитіи человѣчества мы ни обращались, мы вездѣ найдемъ, что

1) Въ статьѣ „О панлогизмѣ у Спинозы“, напечатанной въ третьей книжкѣ журнала „Вопросы философіи и психологіи“ за 1914 годъ, я пытался доказать, что основныя части системы Спинозы (ученіе о Богѣ, или субстанции и ученіе о мірѣ, какъ о слѣдствіи этой субстанции), носятъ панлогистическій характеръ и во всемъ существенномъ совпадаютъ съ классическими системами панлогизма Парменида и Эріугены.

отвлеченно - идеалистическая концепція дѣйствительности играетъ очень крупную роль, дающую намъ достаточное основаніе для попытки взглянуть на панлогизмъ, какъ на одно изъ типическихъ міропониманій.

Познаніе представляетъ собою результатъ взаимодѣйствія между познающимъ и познаваемымъ, между мыслью и дѣйствительностью. *Ab utroque notitia paritur, a cognoscente et cognito*¹⁾.

Къ какому міросозерцанію ведетъ это скромное и на первый взглядъ мало говорящее допущеніе?

Если между мыслью и дѣйствительностью существуетъ отношеніе взаимодѣйствія, то, очевидно, въ основѣ какъ той, такъ и другой лежатъ активныя начала.

Что же является основой активности, присущей нашей мысли? Быть можетъ, мысль активна сама по себѣ и, слѣдовательно, не нуждается ни въ какой дѣятельной основѣ?

Панлогизмъ въ своемъ наиболѣе полномъ и совершенномъ выраженіи, представленномъ системой Гегеля, выводитъ все существующее изъ діалектическаго движенія понятій. Но на вопросъ, что обуславливаетъ собою это движеніе, Гегель не даетъ никакого отвѣта. Діалектическій процессъ заключается въ расширеніи понятій путемъ отрицанія ихъ первоначальнаго пониманія или точнѣе, путемъ усмотрѣнія ихъ односторонности. Усмотрѣніе это заставляетъ насъ переходить къ противоположному пониманію ихъ, чтобы потомъ гармонически примирить двѣ начальные стадіи процесса (тезисъ и антитезисъ) на третьей, высшей стадіи (синтезъ). Но, не говоря уже о томъ, что это усмотрѣніе односторонности первоначальнаго пониманія предполагаетъ нѣкоторую дѣйствительность, по отношенію къ которой данное пониманіе является одностороннимъ, — вѣдь

1) Augustinus De Trinitate L. IX, C. 12, Art. 18. (Patrologia latina V. 42.)

въ самомъ понятіи, взятомъ безотносительно, въ его непосредственномъ содержаніи, нѣтъ ничего, что бы заставляло признать его одностороннимъ — не говоря уже объ этомъ недостаткѣ, Гегель совершенно игнорируетъ другой основной вопросъ: чтó заставляетъ абсолютное понятіе переходить отъ однихъ опредѣленій къ другимъ? Гегель ссылается на исключительность и односторонность первоначальныхъ опредѣленій идеи и на необходимость ихъ замѣны другими болѣе жизненными и многосторонними. Но опять таки, чтобы произвести этотъ переходъ, необходимо во 1) сознать эту односторонность, во 2) создать новое опредѣленіе, въ 3) активно перейти отъ перваго опредѣленія ко второму и, наконецъ, въ 4) усмотрѣть ихъ внутреннюю связь, какъ послѣдовательныхъ стадій единого діалектическаго процесса. Мы имѣемъ здѣсь рядъ актовъ нашего духа, обнаруживающихъ его дѣятельную природу. Именно, въ силу присущей ему активности, нашъ духъ и создаетъ движеніе нашихъ идей и сообщаетъ имъ опредѣленное направленіе. Сами по себѣ отвлеченныя категоріи не могутъ придти въ движеніе, какъ таковыя онѣ совершенно безжизненны — жизнь и движеніе сообщаетъ имъ то сознаніе, которому онѣ принадлежать и внѣ котораго онѣ не имѣютъ никакой дѣятельности. Если, напримѣръ, мы возьмемъ первоначальныя опредѣленія абсолютной идеи у Гегеля — бытіе, небытіе, становленіе, то что они такое независимо отъ того сознанія, которое ихъ мыслить? Отвлеченіе нашей мысли? Но вѣдь всякое отвлеченіе предполагаетъ нѣкоторое данное содержаніе, отъ котораго можно отвлечься. Идея представляетъ собою результатъ мыслительной дѣятельности того или иного мыслящаго сознанія. Мы вправѣ, разумѣется, разсматривать ту или иную идею въ ея непосредственномъ содержаніи и логически отдѣлять ее отъ того сознанія, которое ее создало, или отъ того, которое въ данный моментъ ее мыслить. Нельзя однако забывать при этомъ,

что взятая независимо отъ своей основы, идея является только возможною, — дѣйствительною она становится только въ томъ сознаніи, которое ее мыслить. Итакъ, реальность принадлежитъ идеямъ лишь постольку, поскольку онѣ являются актами того или иного сознанія, реальность ихъ не первичная, а производная, ихъ нельзя, поэтому, гипостазировать и объявлять единственною подлинною дѣйствительностью.

Къ признанію дѣятельной духовной основы должны мы притти и разсматривая діалектическую смѣну понятій.

Почему идея бытія должна перейти въ идею небытія, чтобы затѣмъ объединиться съ нею въ идеѣ становленія? Съ какой бы стороны мы ни разсматривали эту идею, въ ней, какъ таковой, мы не нашли бы ничего, что бы заставило ее перейти въ свою противоположность, точно также сами по себѣ двѣ противоположныя идеи никогда бы не „сняли“ того противорѣчія, которое властно требуетъ перехода идеи на третью высшую стадію діалектического процесса, примиряющую двѣ первыя. Только сознаніе въ своемъ живомъ, дѣятельномъ единствѣ, заключающее весь міръ идей и устанавливающее въ немъ, какъ своемъ произведеніи, всѣ связи и отношенія, можетъ быть источникомъ діалектического движенія понятій. Но какъ разъ этотъ источникъ игнорируетъ панлогизмъ и въ этомъ его основное заблужденіе.

Отъ этихъ общихъ критическихъ замѣчаній о предпосылкахъ отвлеченнаго идеализма мы можемъ теперь вернуться къ занимающему насъ вопросу.

Допущеніе взаимодѣйствія между мыслью и дѣйствительностью необходимо ведетъ къ признанію дѣятельныхъ началъ, лежащихъ въ основѣ какъ мысли, такъ и дѣйствительности. Но къ дѣятельнымъ началамъ мы приходимъ только въ томъ случаѣ, если разсматриваемъ мысль не какъ отвлеченную систему понятій, оторванную отъ той основы,

въ которой она создалась и которая вноситъ въ нее жизнь и движеніе, а въ неразрывной связи съ нею. Въ этой связи понятіямъ принадлежитъ уже не самодовлѣющая реальность, а зависимая и условная: это — акциденціи, своимъ движеніемъ обнаруживающія внутреннюю жизнь единой дѣятельной субстанціи.

Мы пришли такимъ образомъ къ основному утвержденію персоналистической психологіи. Но персоналистическая психологія неизбѣжно ведетъ къ общему опиритуалистическому, или конкретно-идеалистическому міропониманію. Въ третьей части нашего изслѣдованія мы попытаемся доказать это утвержденіе какъ на историческомъ матеріалѣ, такъ и путемъ систематическаго анализа. Здѣсь, преслѣдуя задачи предварительнаго, начальнаго дѣленія типическихъ формъ философіи, мы можемъ ограничиться самымъ общимъ эскизомъ, бѣгло указывающимъ, но еще не доказывающимъ тѣхъ основаній, которыя побудили насъ остановиться на той, а не на иной системѣ классификаціи.

IV.

Итакъ, мы пришли къ тремъ основнымъ формамъ философскаго пониманія дѣйствительности: механической, панлогистической, или отвлеченно-идеалистической, спиритуалистической, или конкретно-идеалистической. Каждой изъ этихъ формъ отвѣчаетъ свой особый методъ историко-философскаго изслѣдованія: устанавливая ту или иную внутреннюю связь и закономерность, господствующую надъ развитіемъ философскихъ идей, мы неизбѣжно руководимся нашимъ общимъ пониманіемъ смысла, присущаго этому развитію. Смыслъ же какого-бы то ни было процесса опредѣляется той цѣлью или тѣмъ результатомъ, къ которому онъ приходитъ. Если, напримѣръ, мы усматриваемъ завершеніе исторіи философіи въ всесторонне - развитомъ механическомъ міропониманіи, то сообразно съ этимъ всѣ другія

системы окажутся или подготовительными ступенями къ механической философіи или досадными отклоненіями отъ единственно-правильнаго пути. При противоположномъ міропониманіи картина совершенно измѣнится: подготовительныя ступени окажутся завершительными, завершительныя будутъ отнесены къ самому началу историческаго процесса. Однимъ словомъ, наша оцѣнка историческихъ судебъ философіи всецѣло опредѣляетъ собою тѣ предпосылки, съ которыми мы подходимъ къ ихъ изученію, а отъ этихъ предпосылокъ прямо зависитъ и методъ научнаго изслѣдованія въ занимающей насъ области.

Вытекаетъ-ли, однако, методъ изслѣдованія прямо изъ даннаго міропониманія и того взгляда на развитіе философскихъ идей, который съ нимъ необходимо связанъ, или же для этого необходимы нѣкоторыя дополнительныя предположенія?

Вопросъ этотъ имѣетъ исключительно-важное значеніе не только для исторіи философіи, но и для философіи систематической.

Въ самомъ дѣлѣ, если данное міропониманіе представляетъ собою дѣйствительное завершеніе многообразныхъ усилій человѣческаго разума въ его стремленіи къ познанію истины, то правильная оцѣнка того пути, по которому онъ шелъ къ своей цѣли, находитъ достаточную точку опоры въ правильномъ пониманіи конечнаго, завершительнаго момента во всемъ процессѣ. Смыслъ всякаго историческаго процесса опредѣляется телеологически и, если мы правильно установили его конечный моментъ, то тѣмъ самымъ для насъ выяснился и его общій характеръ и направленіе. Поэтому, истинное міропониманіе не нуждается ни въ какихъ дополнительныхъ предположеніяхъ, отъ которыхъ зависѣла бы возможность соотвѣтствующаго метода изслѣдованія. Всякія подобныя предположенія означаютъ въ данномъ случаѣ поправки, привнесенія изъ другого круга идей. Такія при-

внесенія, разумѣется, разрушаютъ цѣльность того міропониманія, которое даетъ руководящія нити для изслѣдованія философскихъ идей въ ихъ развитіи, и тѣмъ самымъ доказываютъ его несостоятельность.

Исторія философіи изучаетъ развитіе философскихъ идей. Идея развитія играетъ въ ней такимъ образомъ центральную роль: въ чемъ бы мы ни усматривали истину, мы должны признать, что она дается намъ не сразу, а лишь постепенно, что ея полному раскрытію предшествуетъ рядъ частичныхъ одностороннихъ выраженій и что въ этомъ переходѣ съ низшихъ ступеней на высшія присутствуетъ своеобразная внутренняя закономерность.

Универсальное философское міропониманіе, составляющее необходимую основу для историко-философскаго изслѣдованія, должно заключать идею развитія въ числѣ своихъ неустрашимыхъ предпосылокъ, а не заимствовать ее извнѣ.

Если мы обратимся съ этимъ требованіемъ къ установленнымъ нами типическимъ міросозерцаніямъ, то мы увидимъ, что исключительная важность идеи развитія создается каждымъ изъ нихъ: каждое изъ нихъ стремится къ тому, чтобы отвести ей подобающее положеніе въ системѣ своихъ идей.

Сторонники механическаго міропониманія съ гордостью ссылаются на то, что въ ихъ рукахъ идея развитія приняла форму эволюціонной теоріи, представляющей собою крупнѣйшее завоеваніе біологическихъ наукъ въ прошломъ столѣтіи. Съ легкой руки Дарвина и Спенсера теорія эволюціи получила широкое приложеніе въ различныхъ другихъ научныхъ дисциплинахъ, въ частности въ наукахъ о духѣ. Мы оставляемъ пока въ сторонѣ вопросъ, который, въ виду только что высказанныхъ нами принципиальныхъ соображеній объ отношеніи идеи развитія къ основнымъ предпосылкамъ общаго міропониманія, долженъ занять центральное положеніе въ нашемъ изслѣдованіи, именно вопросъ о томъ,

имѣемъ ли мы здѣсь дѣйствительное, органическое соединеніе идеи развитія съ механической концепціей дѣйствительности, не включаетъ ли понятіе „эволюціонной механики“ или „механической эволюціи“ искусно скрытаго, но все же неустранимаго внутренняго противорѣчія; — пока, устанавливая методы историко-философскаго изслѣдованія, мы ограничиваемся констатированіемъ того факта, что въ своихъ высшихъ формахъ механическое міропониманіе включаетъ въ число своихъ основныхъ идей идею развитія. Безъ этой идеи занимающая насъ концепція не имѣла бы доступа ни къ значительной части біологическихъ наукъ, ни тѣмъ болѣе къ наукамъ о духѣ, въ частности, къ исторіи философіи. Поэтому, методъ историко-философскаго изслѣдованія, опирающійся на общее механическое міропониманіе, долженъ сочетать въ себѣ какъ идею механизма, такъ и идею развитія, или эволюціи. Мы называемъ его поэтому эволюционно-механическимъ.

Панлогизмъ въ своей завершительной формѣ, системѣ Гегеля, кладетъ идею развитія въ основу всѣхъ своихъ построеній; казалось бы поэтому, что по отношенію къ нему всякія сомнѣнія о совмѣстимости этой идеи съ его исходными посылками совершенно неумѣстны. Если, однако, мы остановимся на историческихъ судьбахъ панлогистической концепціи и повторимъ здѣсь тѣ замѣчанія, которыя мы недавно сдѣлали о предпосылкахъ діалектическаго процесса у Гегеля, то мы вѣроятно придемъ къ иному выводу.

Идея развитія совершенно отсутствуетъ у классическихъ представителей панлогистической концепціи. У родоначальника панлогизма, Парменида¹⁾, отрицаніе возможности какого бы то ни было измѣненія въ дѣйствительности а, слѣдовательно, и развитія, составляетъ основу всей системы. У Платона

1) См. первую главу моей статьи „О панлогизмѣ у Спинозы“ (Вопросы философіи и психологій. Май — Іюнь 1914 г.): „Система Парменида, какъ классическая форма панлогизма“.

или у Эріугены¹⁾ (мы называемъ наиболѣе безспорныхъ представителей отвлеченнаго идеализма) вся дѣйствительность сведена къ системѣ отвлеченныхъ идей, всѣ дѣйствительныя отношенія къ отношеніямъ понятій въ порядкѣ ихъ логическаго подчиненія другъ другу. Въ такой системѣ „все дано сразу“, и ни въ какомъ развитіи она не нуждается. Въ ученіи о идеяхъ, какъ о единственной подлинной реальности, Гегель остался чистѣйшимъ платоникомъ. Но мы видѣли, что въ идеяхъ, какъ таковыхъ, независимо отъ ихъ творческой основы, совершенно отсутствуетъ жизнь и движеніе. Поэтому діалектическій процессъ у Гегеля представляетъ собою результатъ сочетанія двухъ чуждыхъ, даже исключающихъ другъ друга началъ. Но какъ разъ это сочетание и является основой какъ всего міросозерцанія Гегеля въ его цѣломъ, такъ и того метода, которымъ Гегель такъ гордился и который въ самомъ дѣлѣ сыгралъ огромную роль въ наукѣ и въ философіи прошлаго столѣтія.

Методъ этотъ Гегель назвалъ діалектическимъ и мы воспользуемся этимъ терминомъ для нашей классификаціи. Діалектическій методъ — мы резюмируемъ наши замѣчанія — является приложеніемъ предпосылокъ панлогистическаго міропониманія въ ихъ соединеніи съ идеей развитія къ научному изслѣдованію.

Какой методъ изслѣдованія соотвѣтствуетъ конкретно-идеалистическому міропониманію?

Въ основѣ дѣйствительности лежатъ индивидуальныя духовныя начала — монады²⁾, объединенныя въ своей общей

1) См. вторую главу той же статьи: „Средневѣковый логическій реализмъ и его значеніе для развитія панлогистической концепціи“.

2) Boutroux въ своемъ превосходномъ комментаріи къ „Монадологіи“ Лейбница (стр. 141) указываетъ, что терминъ „монада“ впервые встрѣчается у Джордано Бруно (*C'est dans Jordano Bruno que ce terme apparaît pour la première fois. Bruno appelle minima ou monades les éléments des choses*).

творческой основѣ, „монадѣ монадѣ“, Богѣ. Непосредственно познанію каждой монады доступна только ея собственная внутренняя жизнь. Какимъ же образомъ она познаетъ независимую отъ нея дѣйствительность? Крупнѣйшій представитель спиритуалистическаго міропониманія Лейбницъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что между внутренними состояніями всѣхъ монадъ существуетъ отъ вѣка Богомъ „предустановленная гармонія“ (*harmonie préétablie concomitance, accomodement, liaison, rapport mutuel réglé par avance*). Поэтому каждая монада съ себѣ самой находитъ „живое зеркало вселенной“ (*miroir vivant de l'univers*). „Если бы можно было раскрыть всѣ изгибы души, то мы узнали бы въ ней (все богатство) и всю красоту вселенной“¹⁾. „Но душа въ себѣ самой можетъ прочесть только то, что въ ней представлено отчетливо“²⁾. Процессъ познанія заключается въ переходѣ отъ смутныхъ и неясныхъ представлений къ представленіямъ яснымъ и отчетливымъ; при этомъ душа повинуется исключительно внутренней необходимости, связь ея со всѣми остальными монадами, составляющими вселенную, носить чисто идеальный характеръ. Вліяніе одной монады на другую происходитъ только черезъ

На самомъ дѣлѣ этотъ терминъ несравненно болѣе древняго происхожденія.

Мы находимъ его уже у пифагорейца Филолая (*ἡ μὲν μονὰς ὡς ἂν ἀρχὴ οὖσα πάντων κατὰ τὸν Φιλόλαον*. Jambli. in Nic. p. 77, 9. Diels Fragmente der Vorsokratiker 242, 12).

О монадахъ говорятъ Платонъ въ Филебѣ (15 AB; 56 D) и въ Федонѣ (105 C, 101 C) и Аристотель (Metaph. V 6, 1016 b, 25; Никомах. Эт. 3, 1174 b, 12; De anima α 4, 409 a 1 и α 5, 409 b, 9).

Если не ошибаюсь нашъ терминъ встрѣчается и у Николая Кузанскаго, мыслителя, какъ извѣстно, оказавшаго на автора „Монадологии“ очень большое вліяніе.

1) On pourrait connaître la beauté de l'univers dans chaque âme, si l'on pouvait déplier tous ses replis . . . (Princ. de la nature et de la grace § 13).

2) Mais une âme ne peut lire en elle-même que ce que y est représenté distinctement . . . (Monadologie § 61).

посредство Бога, поскольку „въ идеяхъ Бога (каждая) монада съ основаніемъ требуетъ, чтобы Богъ, устанавливая въ началѣ вещей опредѣленный порядокъ между другими монадами, принялъ въ соображеніе и ее“¹⁾.

Противъ монадологическаго міропониманія принято выдвигать въ качествѣ одного изъ главныхъ возраженій указаніе на то, что послѣдовательное развитіе его посылокъ неизбѣжно ведетъ къ ученію о замкнутости монадъ, изъ котораго, въ свою очередь, столь же неизбѣжно вытекаетъ теорія предустановленной гармоніи.

Дѣйствительно ли, однако, эта теорія представляетъ собою необходимое слѣдствіе изъ основоположеній спиритуалистической философіи? Не связана ли она, напротивъ, съ посылками, заимствованными изъ чуждаго, даже враждебнаго конкретно-идеалистической концепціи идейнаго круга?

Если мы остановимся на важнѣйшихъ изъ мотивовъ, которые привели Лейбница къ его ученію о предустановленной гармоніи, то мы убѣдимся, что одни изъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, неразрывно связаны съ спиритуалистической концепціей дѣйствительности, тогда какъ другіе выросли на совершенно иной почвѣ.

Подлинно существуютъ только индивидуальныя духовныя существа, отличающіяся абсолютно простой природой; поэтому онѣ совершенно недоступны какимъ бы то ни было внѣшнимъ вліяніямъ, сходнымъ съ тѣми, которыя испытываютъ физическія тѣла; вѣдь въ монадахъ нельзя ничего переставить или перемѣстить, а именно къ такимъ измѣненіямъ сводится все то, что происходитъ во внѣшнемъ мірѣ²⁾.

1) Mais dans les substances simples ce n'est qu'une influence idéale d'une monade sur l'autre, qui ne peut avoir son effet que par l'intervention de Dieu, en tant que dans les idées de Dieu une monade demande avec raison, que Dieu en réglant les autres dès le commencement des choses, ait égard à elle. (Monadologie § 51).

2) Monadologie § 7. Il n'y a pas moyen aussi d'expliquer, comment une monade puisse être altérée ou changée dans son intérieur par quel-

Лейбницъ ограждаетъ такимъ образомъ нашъ духовный міръ отъ перенесенія на него какихъ бы то ни было физическихъ аналогій; онъ совершенно правъ въ томъ, что душа не можетъ испытывать никакихъ внѣшнихъ, матеріальныхъ воздѣйствій. Значить ли это, что никакія вліянія на нее, исходящія отъ другихъ монадъ, невозможны. Чтобы сдѣлать этотъ выводъ, слѣдовало бы предварительно доказать, что никакихъ вліяній, кромѣ чисто-физическихъ вообще не существуетъ, но мы напрасно искали бы у Лейбница — до тѣхъ поръ пока онъ остается вѣренъ спиритуалистической концепціи — доказательства этой скрытой предпосылки, а, если откинуть ее, какъ недоказанную, то на какомъ основаніи Лейбницъ утверждаетъ невозможность чисто духовнаго взаимодействія между монадами?

Основанія у него, разумѣется, есть, но съ предпосылками спиритуалистическаго міропониманія они не имѣютъ ничего общаго.

Къ ученію о предустановленной гармоніи, прежде всего, привели трудности, связанныя съ рѣшеніемъ психо-физической проблемы. Трудности эти вытекали всецѣло изъ новаго ученія о матеріи, цѣликомъ построеннаго на почвѣ новаго механическаго естествознанія. Какъ объяснить тѣсную зависимость духовнаго и тѣлеснаго началъ въ человѣкѣ, если матеріи принадлежать одни только геометрическія свойства, если вся ея природа исчерпывается атрибутомъ протяженности?

На рѣшеніе этой проблемы потратили много усилій крупнѣйшіе представители новой философіи отъ Декарта и

que autre créature, puisqu'on n'y saurait rien transposer, ni concevoir en elle aucun mouvement interne qui puisse être excité, dirigé, augmenté ou diminué là dedaus; comme cela se peut dans les composés, où il y a de changement entre les parties. Les monades n'ont point de fenêtres, par lesquelles quelque chose y puisse entrer ou sortir.

окаціоналистовъ до Спинозы и Лейбница¹⁾. Усилія эти оказались безплодными.

Между тѣмъ, достаточно отказаться отъ противоположенія духа и матеріи, какъ двухъ самостоятельныхъ началъ вселенной, представить тѣлесное бытіе, какъ произведеніе духовнаго, чтобы основная трудность, заключающаяся въ невозможности связать два взаимно исключаютія другъ друга начала дѣйствительности, отпала: вѣдь тогда связь между душою и тѣломъ сводится къ взаимодѣйствію духовныхъ существъ другъ съ другомъ. Такое именно рѣшеніе проблемы намѣчаетъ Лейбницъ въ своемъ ученіи о матеріи, какъ результатъ тѣхъ внутреннихъ дѣятельностей, которыя устанавливаютъ бытіе всего тѣлеснаго.

И если онъ, въ концѣ концовъ, приходитъ къ иному рѣшенію, то виною этому его склонность къ механическому объясненію тѣлесныхъ явленій.

Такимъ образомъ, Лейбницъ создалъ свое ученіе о предустановленной гармоніи (въ приложеніи къ психо-физической проблемѣ) не потому, что оно необходимо вытекаетъ изъ основоположеній монадологической философіи, а потому, что онъ не сумѣлъ вполне освободиться отъ механическаго взгляда на вселенную.

Ученіе о предустановленной гармоніи тѣсно связано, затѣмъ, съ интеллектуалистической теоріей душевной жизни. Если вся наша внутренняя жизнь сводится къ смѣнѣ представленій²⁾, то у насъ нѣтъ никакихъ

1) Въ этотъ періодъ были исчерпаны всѣ возможности въ рѣшеніи психо-физической проблемы на основѣ картезіанскаго ученія о матеріи. Психологи второй половины девятнадцатаго вѣка только повторяютъ тѣ или иные рѣшенія, предложенныя въ героическій періодъ новой философіи.

2) Лейбницъ правда говоритъ о способности къ дѣйствию, какъ отличительной особенності субстанціи (*être capable d'action*), но подъ дѣйствиемъ онъ понимаетъ исключительно отчетливость представленій монады. (*On attribue l'action à la Monade, en tant qu'elle a des perceptions distinctes et la passion en tant qu'elle en a de confu-*

основаній для того чтобы выйти за предѣлы того индивидуальнаго сознанія, въ которомъ протекаетъ эта смѣна. Въ представленіяхъ, какъ таковыхъ, нѣтъ ничего, что бы заставляло насъ заключать къ независимому отъ нихъ существованію; нѣтъ ничего затруднительнаго въ допущеніи, что все свое содержаніе представленія черпаютъ изъ своей собственной основы (*Ce qui arrive à l'âme, lui naît de son propre fonds*), и что эта основа не соприкасается ни съ какой иной реальностью, кромѣ своей собственной. А если это такъ, то познаніе внѣшней дѣйствительности можетъ быть объяснено только, какъ результатъ отъ вѣка установленнаго Богомъ совпаденія между внутренними состояніями монады и реальными процессами вселенной.

Итакъ, однимъ изъ основаній ученія о абсолютной замкнутости монадъ является интеллектуалистическое толкованіе нашей душевной жизни.

Если мы откажемся отъ этого толкованія и въ другихъ душевныхъ процессахъ увидимъ самостоятельныя проявленія нашей внутренней жизни, то тѣмъ самымъ мы найдемъ путь къ независимой отъ насъ дѣйствительности.

Къ признанію послѣдней приводятъ насъ, прежде всего, наши волевые процессы: стремясь къ достиженію того или иного результата, мы замѣчаемъ, что успѣшность нашей дѣятельности зависитъ не только отъ насъ самихъ, а это наблюденіе ведетъ насъ къ признанію внѣшней намъ дѣйствительности.

Представляетъ ли интеллектуалистическое ученіе необходимый выводъ изъ посылокъ спиритуалистической философіи?

ses. *Monadologie* § 49.) Затѣмъ Лейбницъ отличаетъ въ нашей душевной жизни стремленіе отъ представленія. Но всю сущность стремленія онъ видитъ въ „переходѣ отъ одного представленія къ другому“ (*L'action du principe interne, qui fait le changement ou le passage d'une perception à une autre peut être appelée l'Appétition*. *Monadologie* § 15).

Генетически теорія эта овязана съ двумя разнородными кругами идей.

Античный отвлеченный идеализмъ разсматриваетъ отвлеченныя понятія какъ единственную подлинную реальность; основой, изъ которой вырастають абстрактныя понятія, являются представленія; естественно поэтому приписать имъ особое привилегированное положеніе въ нашей душевной жизни, сдѣлать попытку свести къ нимъ всѣ ея проявленія.

Мы указали на одинъ источникъ интеллектуалистической теоріи, другой, едва ли не болѣе важный, источникъ связанъ съ новымъ механическимъ взглядомъ на дѣйствительность.

Новое естествознаніе сводить всѣ матеріальные процессы къ движенію атомовъ въ пространствѣ. Разнообразныя перемѣщенія, соединенія и разъединенія этихъ недѣлимыхъ частицъ вещества образуютъ все, что мы наблюдаемъ во внѣшнемъ мірѣ. Не представляетъ ли и наша внутренняя жизнь аналогичной смѣны „духовныхъ атомовъ“? Не лежатъ ли и въ ея основѣ неизмѣнныя реальные единицы, своими многообразными сочетаніями образующія все богатство нашего духовнаго міра?

Утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ изъ основной тенденціи новой философіи. Въ наиболѣе часто повторяющихся проявленіяхъ нашей душевной жизни сторонники механическаго міропониманія усматриваютъ ея реальныхъ носителей, элементы всѣхъ психическихъ процессовъ. Разногласіе среди нихъ возникаетъ только при рѣшеніи вопроса о томъ, какимъ проявленіямъ душевной жизни отдать предпочтеніе: признать ли ея конечными составными единицами элементы внѣшняго опыта (ощущенія) или элементы опыта внутренняго (представленія). Къ первому рѣшенію приходитъ сенсуализмъ, ко второму — интеллектуализмъ.

Итакъ, въ образованіи интеллектуалистической психологіи участвуютъ идеи отвлеченнаго идеализма, съ одной стороны, механическаго міросозерцанія — съ другой.

Уже одно это препятствуетъ видѣть въ ней необходимое слѣдствіе конкретно-идеалистической концепціи дѣйствительности; можно, напротивъ, съ полнымъ основаніемъ утверждать, что интеллектуалистическая теорія душевной жизни противорѣчитъ самымъ существеннымъ предположеніямъ спиритуалистической философіи.

Однимъ изъ такихъ предположеній является творческій характеръ дѣйствительности. Если вся дѣятельность монады сводится къ непрерывному чередованію представленій, то, очевидно, о какомъ бы то ни было творествѣ не можетъ быть рѣчи: потенциально все содержаніе внутренней жизни монады дано „отъ начала вещей“ (*dès le commencement des choses*), правда, въ смутной формѣ; въ процессъ познанія смутныя представленія становятся ясными и отчетливыми, но этимъ результатомъ и ограничивается дѣятельность монады, ни къ какому принципиально новому содержанію она не приводитъ, слѣдовательно, подлинное творчество ей чуждо.

Высшая монада, Богъ, отличается отъ монадъ низшихъ только тѣмъ, что всѣмъ ея представленіямъ присуща абсолютная ясность и отчетливость. Но въ такомъ случаѣ можно ли видѣть въ Богѣ Творца міра? Очевидно, представленіе о Богѣ, Создателѣ вселенной, не мирится ни съ замкнутостью монадъ, ни съ теоріей предустановленной гармоніи.

Если, затѣмъ, въ подлинной дѣйствительности совершенно отсутствуетъ творчество, то, очевидно, всѣ реальные процессы вселенной протекаютъ механически: создавъ своимъ ученіемъ о монадахъ, какъ о самодѣятельныхъ духовныхъ субстанціяхъ, основу для спиритуалистическаго пониманія дѣйствительности, Лейбницъ свернулъ затѣмъ на путь, предложенный его ближайшими предшественниками, и пришелъ

къ міропониманію, которое справедливо упрекають за близость къ механической концепціи.

Мы могли бы продолжить нашъ анализъ мотивовъ, приведшихъ къ ученію о замкнутости монадъ, но и сдѣланныхъ замѣчаній, какъ намъ кажется, достаточно, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что въ этомъ ученіи механическое міропониманіе торжествуетъ побѣду надъ первыми нѣжными ростками новаго духовнаго пониманія дѣйствительности.

Послѣдовательно развивая основныя предпосылки спиритуалистической концепціи, мы неизбежно должны придти къ признанію непрерывнаго в з а и м о д ѣ й с т в і я между монадами, какъ необходимаго результата ихъ дѣятельной, исключющей какую бы то ни было пассивность, природы.

Какъ — могутъ возразить намъ — а ощущенія, представленія и чувства, не представляютъ ли они собою пассивныхъ элементовъ нашей душевной жизни?

Реальныхъ элементовъ душевной жизни, изъ которыхъ всѣ психическіе процессы складывались бы, какъ изъ своихъ субстанціальныхъ единицъ, вообще не существуетъ: нѣтъ ощущеній безъ ощущающаго, представленій безъ представляющаго, чувствъ безъ чувствующаго субъекта; только этому субъекту и принадлежитъ субстанціальное бытіе, всѣ же душевные процессы представляютъ собою лишь явленія, реальныя только въ своей субстанціальной основѣ; независимо отъ этой основы они не что иное, какъ безжизненные абстракціи, которымъ, однако, мы, рабски подчиняясь аналогіи съ физическимъ міромъ, приписываемъ въ нашей внутренней жизни ту же роль, какую во внѣшнемъ мірѣ играютъ его составные элементы.

Каждая духовная субстанція находится въ непрерывномъ дѣятельномъ общеніи съ другими субстанціями. Познаетъ она эти другія субстанціи не непосредственно, а лишь черезъ призму свой собственной внутренней жизни; при этомъ, однако, мы очень рано начинаемъ замѣчать, что наша

дѣятельность зависитъ не только отъ насъ самихъ, но и отъ какой то неизвѣстной причины, ограничивающей наши дѣйствія.

Первоначально мы склонны видѣть въ этомъ ограниченіи результатъ косности матеріальной природы, связывающей свободныя проявленія нашего духа; — только въ концѣ чрезвычайно длиннаго и извилистаго пути мы приходимъ къ убѣжденію, что ограничивать дѣятельность однихъ духовныхъ существъ могутъ исключительно другія духовныя же существа и что такъ называемая матеріальная природа есть только символъ границы, которую устанавливаютъ для дѣятельности одной монады другія самоутверждающіяся существа.

Какъ бы то ни было, непосредственно каждой душѣ доступна только ея собственная внутренняя жизнь, или, что то же ея собственная дѣятельность. Душа познаетъ все черезъ призму своихъ дѣйствій. Но дѣйствія эти бываютъ двоякаго рода: въ однихъ душа свободно проявляетъ себя, къ другимъ ее понуждаетъ какая-то независимая отъ нея причина. Мы начинаемъ сознать въ себѣ существа съ одной стороны дѣйствующія, съ другой испытывающія дѣйствія. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы не выходимъ непосредственно за предѣлы нашего сознанія. На внѣшнія воздѣйствія наше „я“ отвѣчаетъ каждый разъ своею особой реакціей, и въ этой реакціи опять-таки проявляется дѣятельная природа нашего „я“¹⁾, а не предполагаемая внѣшняя причина, къ допущенію которой мы приходимъ исключительно путемъ истолкованія данныхъ нашей внутренней жизни.

Непосредственно душа познаетъ только самое себя, и если это непосредственное знаніе даетъ ей возможность пе-

1) Существо пассивное вообще ни на что не могло бы реагировать, и, напримѣръ, процессъ воспріятія, въ которомъ по обыденному взгляду душа относится къ воспринимаемому предмету совершенно пассивно, былъ бы невозможенъ.

рейти къ независимой отъ нея дѣйствительности, то происходитъ это исключительно въ силу того, что наше сознаніе представляетъ собою „малый міръ“, отраженіе „міра большого“. Потенціально ей, какъ „живому зеркалу вселенной“, присуще полное и всестороннее знаніе дѣйствительности, но дѣйствительнымъ становится это познаніе только въ непрерывномъ, дѣятельномъ общеніи съ вселенной.

Въ этомъ общеніи душа со все большею полнотою раскрываетъ свою дѣятельную природу. Частныя научныя дисциплины изслѣдуютъ отдѣльные моменты этого самораскрытія, разрывая ихъ связь съ нашимъ творчествомъ въ его цѣломъ. Этимъ путемъ создаются одностороннія картины міра, основанныя на искусственномъ раздробленіи единого въ своей основѣ человѣческаго творчества. Философія преодолеваетъ это условное дробленіе, обращаясь непосредственно къ нашему „я“, которое въ своей безконечно многосторонней дѣятельности создаетъ отдѣльныя и, на первый взглядъ, независимыя другъ отъ друга области знанія, совмѣщая ихъ въ то же время въ своемъ органическомъ единствѣ.

Философія есть самопознаніе дѣятельнаго человѣческаго духа, поэтому ея историческія судьбы не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ послѣдовательными моментами, или ступенями этого самопознанія.

Разсматривая внутренне-единую жизнь нашего сознанія, мы можемъ выдѣлить во всѣхъ ея проявленіяхъ три неразрывно связанныхъ другъ съ другомъ момента.

„Я вижу бѣлый цвѣтъ“, „я слышу звукъ до“.

„Бѣлый цвѣтъ“, „звукъ до“ означаютъ содержаніе, или объектъ даннаго душевнаго акта, то, что позволяетъ отличать одинъ актъ отъ другого; „вижу“, „слышу“ означаютъ тотъ актъ, ту дѣятельность нашего сознанія, которая приводитъ къ данному содержанію. Наконецъ, въ „я“

мы имѣемъ то индивидуальное сознаніе, которому принадлежитъ, изъ котораго исходитъ наша дѣятельность.

Итакъ, во всякомъ душевномъ процессѣ мы различаемъ три связанныхъ другъ съ другомъ момента; сознаніе того или иного содержанія, сознаніе дѣятельности, которой принадлежитъ данное содержаніе, сознаніе о „я“, какъ источникѣ какъ данной, такъ и всякой иной дѣятельности.

Дѣленіе наше имѣетъ чисто логическій характеръ: не существуетъ „я“, которое бы не дѣйствовало, точно такъ же нельзя себѣ представить дѣятельности, лишенной того или иного содержанія: реально эти три стороны внутренне-единой жизни духа отдѣлены другъ отъ друга быть не могутъ.

Но человѣческой мысли присуща естественная склонность приписывать продуктамъ отвлекающей способности сознанія реальный характеръ. Мы отрываемъ продукты нашихъ дѣятельностей отъ самихъ этихъ дѣятельностей: цвѣта отъ видѣнія, звуки отъ слышанія, запахи отъ обонянія и т. п. Затѣмъ мы относимъ эти продукты къ предполагаемымъ существамъ матеріальнаго міра, въ качествѣ ихъ реальныхъ свойствъ. Точно также мы можемъ оторвать наши душевные акты отъ того сознанія, актами котораго они являются, въ дѣятельности увидѣть самостоятельную, даже единственную подлинную реальность, лежащую въ основѣ всего существующаго.

Если мы обратимся къ тѣмъ главнымъ ступенямъ, черезъ которыя приходитъ самопознаніе человѣческой души, то мы увидимъ, что онѣ представляютъ собою послѣдовательныя преодолѣніе той невольной иллюзіи, которая разрываетъ нашу цѣльную душевную жизнь и продуктамъ этого разрыва приписываетъ реальное значеніе.

На низшей ступени человѣческая душа всецѣло сосредоточивается на внѣшней дѣйствительности. Зная одно только существованіе, свое собственное, она переноситъ его на свои же собственныя созданія — матеріальные предметы. Далѣе,

обладая взятымъ непосредственно изъ внутренняго опыта представленіемъ о своихъ дѣятельностяхъ, душа переноситъ это представленіе на предметы внѣшней природы, начинаетъ видѣть въ нихъ субстанціи, въ себѣ заключающія источникъ своихъ дѣйствій.

Слѣдующая ступень въ развитіи нашего самопознанія начинается съ того момента, когда мы разоблачаемъ основную иллюзію нашей чувственности, заставляющую насъ проицировать во внѣшнюю намъ дѣйствительность продукты нашей душевной дѣятельности и приписывать предметамъ матеріальнаго міра субстанціальное бытіе и способность къ дѣйствію, присущія исключительно индивидуальнымъ духовнымъ существамъ.

Мы убѣждаемся въ томъ, что все, что мы воспринимаемъ въ предметахъ такъ называемой внѣшней дѣйствительности представляетъ собою различныя сочетанія элементовъ нашего чувственнаго опыта, элементы же эти реальны только, какъ содержанія отдѣльныхъ нашихъ дѣятельностей, независимо отъ которыхъ они существовать не могутъ. Въ каждомъ предметѣ — такъ доказываютъ представители занимающей насъ ступени философскаго развитія — мы находимъ рядъ свойствъ, объединенныхъ около какого-то неизвѣстнаго субстрата, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что свойства эти не что иное, какъ наши же ощущенія и представленія, а ихъ предполагаемый субстратъ — смутная идея нашего ума, инстинктивно сопротивляющагося растворенію всего матеріальнаго бытія въ содержаніяхъ нашей душевной дѣятельности и стремящагося въ этой идеѣ сохранить ничтожный остатокъ самостоятельности вещественнаго міра. Откуда взялась идея неизмѣннаго субстрата, на этотъ вопросъ мы не найдемъ отвѣта; на разсматриваемой ступени — онъ разрѣшится только на слѣдующей.

Пока мы отказались только отъ гипостазированія содержаній нашихъ дѣятельностей, мы убѣдились, что реальны

только дѣятельности съ тѣмъ или инымъ содержаніемъ, но мы еще не поднялись на высшую ступень, не усмотрѣли, что и дѣятельности въ свою очередь являются непремѣнно чѣмъ-нибудь дѣятельностями, то есть предполагаютъ нѣкоторую дѣятельную основу. Одну изъ такихъ основъ мы познаемъ непосредственно въ нашемъ сознаніи. Наше „я“ со своими дѣятельностями и содержаніями этихъ дѣятельностей становится для насъ прообразомъ всякой реальности. Мы приходимъ къ убѣжденію, что реально существуютъ только индивидуальныя духовныя существа, непрерывно обнаруживающія свою дѣятельную природу и этимъ создающія всякую конкретную дѣйствительность.

На этой ступени разрѣшаются тѣ проблемы, на которыя нельзя было дать отвѣта на предыдущей ступени.

Все бытіе матеріальныхъ предметовъ сводится къ нашимъ ощущеніямъ и представленіямъ, т. е. къ содержаніямъ нашихъ дѣятельностей. Но на какомъ основаніи мы приписываемъ сочетаніямъ нашихъ ощущеній нѣкоторую субстанціальную основу, что позволяетъ намъ находить въ нихъ способность вступать въ причинное взаимодействіе съ другими матеріальными предметами и даже вліять на насъ самихъ? Въдѣ въ содержаніи нашихъ дѣятельностей, оторванныхъ отъ ихъ основы, нѣтъ ничего, откуда бы могли возникнуть эти двѣ идеи — субстанціального бытія и реального причиненія. Затѣмъ неясно, что заставляетъ наши ощущенія объединяться въ опредѣленные комплексы, почему, напротивъ, они не находятся въ безсвязномъ, хаотическомъ состояніи.

На всѣ эти вопросы персоналистическая теорія даетъ ясный и, какъ намъ кажется, вполне удовлетворительный отвѣтъ. Наше „я“ непосредственно знаетъ одно только субстанціальное бытіе — свое собственное. Относя содержаніе своихъ дѣятельностей къ какимъ-то предполагаемымъ внѣшнимъ предметамъ, наше „я“ тѣмъ самымъ переноситъ

понятіе о субстанціи съ себя на эти предметы. Зная себя, какъ источникъ различныхъ дѣйствій, душа приписываетъ способность къ дѣйствию и, слѣдовательно, къ реальному причиненію созданнымъ ею матеріальнымъ предметамъ. Наконецъ, объединяя въ своемъ внутреннемъ единствѣ какъ свои дѣятельности, такъ и ихъ содержанія, и, слѣдовательно, господствуя надъ ними, душа упорядочиваетъ безконечно разнообразный матеріальщ ощущеній и представленій, распредѣляя его между созданными ею „матеріальными“ объектами: безъ этой объединяющей дѣятельности нашего „я“ категория предмета съ принадлежащими ему свойствами не могла бы возникнуть.

Если бъ мы захотѣли обозначить послѣдовательныя ступени въ развитіи самопознанія нашей души опредѣленными терминами, то низшую изъ этихъ ступеней мы могли бы назвать эйдолизмомъ (или идолизмомъ) отъ греческаго слова *εἶδωλον*, посредствомъ котораго древніе атомисты¹⁾ обозначали мельчайшія частицы вещества, отдѣляющіяся отъ поверхности воспринимаемаго тѣла и черезъ органы чувствъ проникающія въ душу, гдѣ онѣ создаютъ образъ того тѣла, отъ котораго отдѣлились. Предполагая, что матеріальныя тѣла съ принадлежащими имъ чувственными качествами существуютъ реально и въ качествѣ таковыхъ отражаются въ нашемъ сознаніи, мы должны придти къ ученію сходному съ теоріей Левкиппа и Демокрита.

На слѣдующей ступени мы гипостазуемъ наши дѣятельности. Но въ нашихъ дѣятельностяхъ мы различаемъ двѣ стороны: ту, которая проявляется въ отдѣльныхъ ихъ содержаніяхъ и ту, въ результатъ которой между этими содержаніями устанавливается то или иное отношеніе.

1) Diels. *Fragmente der Vorsokratiker*. II изд. Т. I, 348; 45—48: *Δεῦ- κίππος, Δημόκριτος, Ἐπίκουρος τὴν αἴσθησιν καὶ τὴν νόησιν γίνεσθαι εἰδώλων ἕξωθεν προσιόντων· μηδὲν γὰρ ἐπιβάλλειν μηδετέραν χωρὶς τοῦ προσπίπτοντος εἰδώλου* (Aët. IV; 8, 10).

Первая имѣетъ дѣло съ элементарными фактами нашей душевной жизни, взятыми безотносительно къ другимъ содержаніямъ, вторая объединяетъ этотъ ею же созданный матеріалъ многообразными связями.

Мы можемъ такимъ образомъ установить двоякую дѣятельность нашего сознанія: безотносительную и относящую.

Если наше вниманіе сосредоточивается на первой изъ нихъ и если мы въ продуктахъ безотносительной дѣятельности сознанія начинаемъ усматривать основу всей душевной жизни, то мы получаемъ сенсуалистическую теорію.

Обратно, игнорируя элементарные факты душевной жизни и всю сущность сознанія полагая въ его относящей дѣятельности, мы неизбежно приходимъ къ интеллектуалистическому ученію.

Эйдолизмъ, сенсуализмъ и интеллектуализмъ представляютъ собою послѣдовательныя ступени въ самопознаніи нашего „я“ Мы имѣемъ въ нихъ одностороннія истолкованія нашей душевной жизни, и въ этой односторонности заключается источникъ ихъ ложности. „Вы заблуждаетесь не въ томъ, что вы утверждаете, а въ томъ, что вы отрицаете“. Это глубокое замѣчаніе Лейбница всецѣло можетъ быть примѣнено и къ занимающимъ насъ психологическимъ теоріямъ.

Всѣ онѣ обращаются къ дѣйствительнымъ сторонамъ нашей душевной жизни, но рассматриваютъ онѣ эти стороны не въ ихъ внутренней, органической связи другъ съ другомъ и съ тѣмъ цѣлымъ, въ которомъ онѣ выступаютъ, а въ оторванности отъ этого цѣлаго.

Истинное пониманіе нашей душевной жизни достигается прежде всего путемъ преодоленія этой оторванности и возстановленія той внутренней связи, которая объединяетъ всѣ проявленія человѣческой души въ одно неразрывное цѣлое.

Это возстановленіе совершается въ персонализмѣ. Раз-

смаатривая всѣ проявленія нашей душевной жизни въ единствѣ ихъ производящей основы, персонализмъ не отрицаетъ ни одного изъ нихъ, не пытается искусственно растворить однѣ стороны психической дѣятельности въ другихъ, въ угоду той или иной предвзятой теоріи. За всѣми ними онъ сохраняетъ ихъ законныя права: онъ универсаленъ въ лучшемъ смыслѣ слова.

Если философія есть самопознаніе дѣятельной человеческой души, то каждой изъ ступеней этого самопознанія должна отвѣчать своя особая концепція дѣйствительности.

И въ области общаго міропониманія прогрессъ выражается въ постепенномъ преодолѣніи первоначальныхъ одностороннихъ концепцій дѣйствительности. Переходъ съ низшей ступени на высшую первоначально сопровождается отрицаніемъ низшей ступени, пока на завершительной стадіи процесса всѣ предварительныя стадіи получаютъ признаніе своей относительной истинности и гармонически примиряются въ качествѣ соподчиненныхъ моментовъ цѣлага.

Персонализму, какъ завершительной формѣ психологіи отвѣчаетъ спиритуализмъ въ качествѣ высшей формы философіи. Мы имѣемъ въ немъ ту цѣль, къ которой стремится развитіе человеческой мысли и которая, такимъ образомъ, сообщаетъ смыслъ и внутреннее единство всему поступательному движенію философскихъ идей.

Правильный методъ историко-философскаго изслѣдованія можетъ быть найденъ лишь въ результатѣ правильной оцѣнки того пути, по которому совершается это движеніе.

Философія послѣдовательно преодолеваетъ первоначальныя, одностороннія концепціи дѣйствительности. Но эта односторонность, присущая низшимъ формамъ философіи, не случайна. Источникъ ея въ многосторонности

1) Позволяя себѣ нѣсколько необычное примѣненіе понятія универсальности къ нашей внутренней жизни, я вспоминаю Гете: „Im Innern ist ein Universum auch“.

нашего внутреннего міра, открывающей намъ возможность сосредоточиваться на какой-либо одной сторонѣ его и игнорировать всѣ другія. Но, такъ какъ эта много-сторонность по существу не только не исключаетъ внутреннего единства нашего „я“, но и прямо предполагаетъ его, то ни одна изъ точекъ зрѣнія, игнорирующихъ это единство, не можетъ пріобрѣсти окончательнаго господства. Такимъ образомъ, какъ первоначальныя, одностороннія усмотрѣнія истины, такъ и ихъ послѣдовательное преодоленіе даны самимъ существомъ нашей душевной жизни: мы обращаемся къ какой-либо одной сторонѣ ея, сводимъ къ этой сторонѣ всю дѣятельность нашего „я“, затѣмъ убѣждаемся въ ошибочности такого толкованія, наше вниманіе привлекаютъ другія стороны, которымъ мы опять приписываемъ основную роль въ нашей внутренней жизни, пока, наконецъ, мы не приходимъ къ такой точкѣ зрѣнія, которая совмѣщаетъ всѣ одностороннія усмотрѣнія въ своемъ высшемъ, синтетическомъ единствѣ.

Какъ типическія точки зрѣнія на дѣйствительность, такъ и законы ихъ смѣны коренятся въ самой природѣ нашего „я“ — такова основная идея, посильному оправданію и развитію которой, главнымъ образомъ, и будетъ посвящено наше сочиненіе ¹⁾.

1) На предыдущихъ страницахъ мы коснулись основаній спиритуалистической философіи лишь постольку, поскольку это казалось намъ необходимымъ для того, чтобы установить въ самыхъ общихъ чертахъ сущность типологическаго метода изслѣдованія. Для этого намъ пришлось кое-гдѣ забѣгать впередъ и въ догматической формѣ предвосхитить нѣкоторые результаты нашихъ изысканій. Если съ точки зрѣнія строгихъ требованій литературной архитектурной такой пріемъ, быть можетъ, и долженъ быть отвергнутъ, то для пониманія руководящихъ идей того или иного сложнаго изслѣдованія онъ оказывается часто очень полезнымъ; вѣдь этимъ путемъ передъ читателемъ съ самаго начала раскрывается общая перспектива на развитіе основныхъ идей даннаго произведенія и на ихъ общее направленіе, определяемое какъ разъ тѣми результатами, которые имѣетъ въ виду авторъ.

Методъ, вытекающій изъ этой идеи, мы называемъ типологическимъ.

Методъ этотъ — мы резюмируемъ разсѣянные на предыдущихъ страницахъ замѣчанія — ставитъ своей задачей: во 1) установить типическія точки зрѣнія на дѣйствительность и обнаружить ихъ источникъ въ многосторонней природѣ нашего „я“; во 2) представить типическія міропониманія, какъ послѣдовательныя ступени въ самопознаніи нашего „я“; въ 3) исторически оправдать духовное пониманіе дѣйствительности, какъ необходимое завершеніе многообразныхъ усилій человѣческаго разума постигнуть истину.

Всѣ эти задачи тѣсно связаны другъ съ другомъ, но центральное значеніе принадлежитъ, несомнѣнно, второй изъ нихъ. Только въ томъ случаѣ, если намъ удастся выполнить эту задачу, мы проникнемъ во внутреннюю законо-

Разумѣется, при этомъ необходимо ограничиваться самыми общими результатами.

Именно въ силу этого требованія намъ кажется нецѣлесообразнымъ теперь же развивать новую классификацію типическихъ формъ философіи. Чтобы, однако, наша задача — представить типическіе концепціи дѣйствительности, какъ послѣдовательныя ступени въ самопознаніи нашего „я“ — чтобы эта задача не показалась заранѣе осужденной на полную неудачу, мы уже здѣсь позволимъ себѣ набросать схему, показывающую, какимъ образомъ мы надѣемся осуществить ее. Мы воспользуемся при этомъ обычной терминологіей, которую намъ предстоитъ въ послѣдствіи критически провѣрить и дополнить.

Параллель между развитіемъ:

психологіи,	теоріи познанія и метафизики:	
Эйдолизмъ	Матеріализмъ	} Механическое міропониманіе.
Сенсуализмъ	Эмпиризмъ	
Интеллектуализмъ	Рационализмъ	Панлогизмъ
Персонализмъ	Спиритуализмъ.	

Спиритуалистическое міропониманіе завершаетъ собою развитіе человѣческой мысли и гармонически примиряетъ въ себѣ всѣ предыдущія концепціи дѣйствительности совершенно такъ же, какъ персоналистическая теорія душевной жизни совмѣщаетъ въ себѣ всѣ низшія психологическія теоріи въ качествѣ своихъ подчиненныхъ моментовъ.

мѣрность, господствующую надъ переходомъ философской мысли отъ однихъ типическихъ концепцій дѣйствительности къ другимъ. Точно также мы только въ такомъ случаѣ убѣдимъ читателя въ томъ, что спиритуалистическое міропониманіе представляетъ собою высшую форму философіи, если покажемъ, что всѣ другія формы ея являются частичными и односторонними, подготовительными усмотрѣніями той истины, полное и всестороннее раскрытіе которой даетъ конкретный идеализмъ.

Вездѣ и во всемъ мы познаемъ прежде всего самихъ себя. Это познаніе можетъ относиться или къ отдѣльнымъ сторонамъ нашей внутренней жизни, — и тогда мы приходимъ къ низшимъ, одностороннимъ концепціямъ дѣйствительности — или же мы разсматриваемъ всѣ проявленія нашего „я“ въ ихъ неразрывномъ единствѣ съ ихъ производящей основой и такимъ образомъ обращаемся къ дѣятельности нашей души въ ея цѣломъ — и въ такомъ случаѣ мы создаемъ основу для универсальнаго и, слѣдовательно, истиннаго міропониманія¹⁾.

1) Отождествленіе универсальности съ истинностью встрѣчается у большинства крупныхъ философовъ-систематиковъ.

Такъ, имъ руководится Аристотель въ своемъ стремленіи объединить гармоническимъ синтезомъ всѣ попытки своихъ предшественниковъ постигнуть сущее.

Мысль, что всѣ положительные утвержденія заключаютъ истину съ опредѣленной точкой зрѣнія и что заблужденіе возникаетъ исключительно вслѣдствіе того, что, утвердившись на какой-либо одной точкѣ зрѣнія, мы отрицаемъ всѣ другія, эту мысль прекрасно выражаетъ Pascal: „Quand on veut reprendre avec utilité, et montrer à un autre qu'il se trompe, il faut observer par quel côté il envisage la chose, car elle est vraie ordinairement de ce côté-là, et lui avouer cette vérité, mais lui découvrir le côté par où elle est fautive . . . Peut-être que cela vient de ce que naturellement l'homme ne peut tout voir, et de ce que naturellement il ne se peut tromper dans le côté qu'il envisage“. . . (Pensées. Éd. Brunschvicg. 9.) И въ другомъ мѣстѣ (Pensées 863): „Tous errent d'autant plus dangereusement qu'ils suivent chacun une vérité; leur faute n'est pas de suivre une ausseté, mais de ne pas suivre une autre vérité“.

Стремленіе объединить всѣ важнѣйшія философскія ученія прошлаго въ одной цѣльной системѣ въ качествѣ ея подчиненныхъ момен-

Разсматривая предпосылки эволюционно-механического и диалектического методов, мы настаивали на томъ, что наука, изслѣдующая поступательное движеніе философской мысли, должна заключать идею развитія въ числѣ своихъ основныхъ предположеній. Мы позволили себѣ при этомъ высказать сомнѣніе въ совмѣстимости основныхъ предпосылокъ механического и панлогистического міропониманій съ идеей развитія.

Въ какомъ же отношеніи къ этой идеѣ находится конкретно-идеалистическое міропониманіе и связанный съ нимъ типологическій методъ?

Мы указывали на то, что отвлеченно-идеалистическая концепція дѣйствительности заимствуетъ идею развитія изъ совершенно чуждаго ей міросозерцанія.

то въ красной нити проходитъ черезъ всю дѣятельность Лейбница: „... j'ay taché — скромно заявляеть великій мыслитель — de deterrer et de reunir la vérité ensevelie et dissipée sous les opinions des différentes Sectes des Philosophes, et je crois y avoir adjouté quelque chose du mien pour faire quelques pas en avant“.

Leibnitz an Remond 10. I. 1714 (Die philosophischen Schriften hsggb. v. Gerhardt III. Bd. S. 606).

Напомнимъ читателю еще два отрывка, первый изъ только что цитированнаго письма къ Remond'у, второй изъ знаменитаго письма къ Basnage'у.

„L'ay trouvé que la plupart des Sectes ont raison dans une bonne partie de ce qu'elles avancent, mais non pas tant en ce qu'elles nient. Les Formalistes comme les Platoniciens et les Aristoteliciens ont raison de chercher la source des choses dans les causes finales et formelles. Mais ils ont tort de negliger les efficientes et les materielles. . . Mais de l'autre coté les Materialistes, ou ceux qui s'attachent uniquement à la Philosophie Mécanique, ont tort de rejeter les considerations Metaphysiques, et de vouloir tout expliquer par ce qui depend de l'imagination (ed. Gerhardt III 607). „... lors qu'on entre dans le fond des choses, on remarque plus de raison qu'on ne croyoit, dans la plupart des Sectes des Philosophes. Le peu de réalité substantielle des choses sensibles, des Sceptiques; la réduction de tout aux harmonies, ou nombres, idées et perceptions des Pythagoristes et Platoniciens; l'un et même un tout de Parmenide et de Plotin, sans aucun Spinozisme; la connexion Stoicienne, compatible avec la spontanéité des autres; la Philosophie vitale des Cabalistes et Hermétiques, qui mettent du sentiment partout; les formes et entéléchies d'Aristote et des Scholastiques; et cependant l'explication mécanique de tous les phénomènes

Смысль діалектическаго процесса эта концепція полагаетъ въ послѣдовательномъ расширеніи понятій путемъ преодоленія ихъ первоначальной односторонности. Но такое преодоленіе, выражающееся въ переходѣ отъ первоначальныхъ, безжизненныхъ и исключительныхъ опредѣленій къ опредѣленіямъ жизненнымъ и многостороннимъ, предполагаетъ, во-первыхъ, нѣкоторую дѣйствительность, которой не исчерпываютъ первоначальныя опредѣленія, во-вторыхъ, то или иное сознаніе, усматривающее несовпаденіе между даннымъ одностороннимъ опредѣленіемъ и многостороннею дѣйствительностью и послѣдовательно устраняющее его путемъ созданія новыхъ опредѣленій.

Но и какъ независимую отъ понятій дѣйствительность, такъ и возвышающееся надъ понятіями сознаніе панлогизмъ отвергаетъ всѣмъ существомъ своихъ посылокъ.

particuliers selon Démocrite et les modernes, etc. se trouvent réunies comme dans un centre de perspective, d'où l'objet (embrouillé en regardant de tout autre endroit) fait voir sa régularité et la convenance de ses parties; on a manqué par un esprit de Secte, en se bornant par la rejection des autres. (Opera philosophica ed. Erdmann P. 153, 4).

Трудно изыщете выразить и удачею иллюстрировать мысль о универсальномъ характерѣ истинной философіи, не отрицающей одностороннихъ и этой односторонностью ложныхъ концепцій дѣйствительности, а примиряющей ихъ въ своемъ гармоническомъ единствѣ. Что же, однако, спросимъ мы, позволяетъ примирить другъ съ другомъ столь различныя ученія, какъ платонизмъ съ одной стороны, демокритизмъ съ другой и этимъ способствовать болѣе полному раскрытію истины?

На этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ: всѣ философскія концепціи относятся къ одной и той же дѣйствительности, освѣщаютъ ее съ различныхъ сторонъ. Поэтому между ними не можетъ быть принципиально - неустранимаго противорѣчія. Противоположность ихъ относительная, вытекающая изъ различія точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ.

Многосторонность дѣйствительности при ея внутреннемъ единствѣ и тождествѣ является первымъ и основнымъ условіемъ универсальнаго міропониманія. Но только духовныя существа соединяютъ въ себѣ многосторонность и единство — многосторонность дѣйствій и ихъ содержаній и единство производящей основы. Поэтому только то міропониманіе, которое полагаетъ подлинно-сущее въ дѣятельныхъ духовныхъ субстанціяхъ, можетъ быть истинно-универсальнымъ.

Спиритуализмъ во всѣхъ своихъ выводахъ отправляется отъ нашей душевной жизни, въ основѣ которой лежитъ внутренне-единая дѣятельность нашего „я“. Но наше „я“ является одновременно и объектомъ и субъектомъ познанія: оно совмѣщаетъ въ себѣ какъ дѣйствительность, которая въ силу своего неисчерпаемаго богатства и разносторонности не совпадаетъ съ нашею мыслью и этимъ заставляетъ ее переходить ко все новымъ и новымъ опредѣленіямъ, такъ и сознаніе, которое усматриваетъ несовпаденіе мысли и дѣйствительности и непрерывно стремится заполнить пропасть между ними.

Идея развитія вытекаетъ, такимъ образомъ, непосредственно изъ основной концепціи спиритуализма, и только отправляясь отъ предпосылокъ этого міропониманія, мы можемъ придти къ правильному методу въ исторіи философіи.

V.

Мы установили три метода историко-философскаго изслѣдованія: эволюціонно-механическій, діалектическій и типологическій ¹⁾).

Первый изъ этихъ методовъ вытекаетъ изъ механическаго міропониманія, второй изъ панлогистическаго, третій изъ спиритуалистическаго.

Въ виду этой зависимости каждая изъ трехъ главныхъ частей нашего изслѣдованія распадается на два отдѣла: въ первомъ мы разсматриваемъ общія основы установленныхъ нами типическихъ философскихъ концепцій, во второмъ — важнѣйшія попытки, сдѣланныя крупными представителями помянутыхъ міросозерцаній, примѣнить послѣднихъ къ исторіи философіи.

1) Методы діалектическій и типологическій въ виду ихъ прямой зависимости отъ отвлеченно-идеалистическаго и конкретно-идеалистическаго міропониманій можно было бы обозначить еще, какъ методы отвлеченно и конкретно-идеалистическіе.

Что касается механическаго міропониманія, то мы напрасно искали бы у его представителей сколько нибудь законченныхъ и послѣдовательныхъ попытокъ освѣтить развитіе человѣческой мысли съ точки зрѣнія ихъ основной философской концепціи. Чтобы показать удивительную скудость историко-философскихъ теорій, вдохновляемыхъ механическимъ міросозерцаніемъ, достаточно будетъ немногихъ страницъ.

Напротивъ, на основѣ отвлеченно-идеалистическаго міропониманія была сдѣлана грандіозная, удивительно смѣлая и законченная попытка построить систему развитія человѣческой мысли. Мы считаемъ, поэтому, необходимымъ подвергнуть идеи Гегеля, относящіяся къ занимающей насъ области самому внимательному и тщательному разсмотрѣнію.

Наконецъ, конкретно-идеалистическое міропониманіе ограничивалось до сихъ поръ тѣмъ, что въ лицѣ своихъ крупнѣйшихъ представителей высказало нѣсколько руководящихъ идей¹⁾, которыя могутъ лечь въ основаніе самостоятельной системы историческаго развитія философской мысли.

Способствовать по мѣрѣ силъ построенію такой системы и составляетъ основную задачу нашего изслѣдованія.

1) Съ нѣкоторыми изъ этихъ идей мы недавно познакомили читателя. (Примѣчаніе къ стр. 49 и сл.)

Въ краткой схемѣ планъ нашего изслѣдованія представляется слѣдующимъ образомъ:

Часть первая.

Методъ эволюціонно-механическій.

Отдѣлъ I. Основы механическаго міропониманія.

„ II. Приложение его предпосылокъ къ исторіи философіи.

Часть вторая.

Методъ діалектическій, или отвлеченно-идеалистическій.

Отдѣлъ I. Основы панлогистическаго міропониманія.

„ II. Развитие человѣческой мысли въ свѣтъ этого міропониманія.

Часть третья.

Методъ типологическій, или конкретно-идеалистическій.

Отдѣлъ I. Основы духовнаго пониманія дѣйствительности.

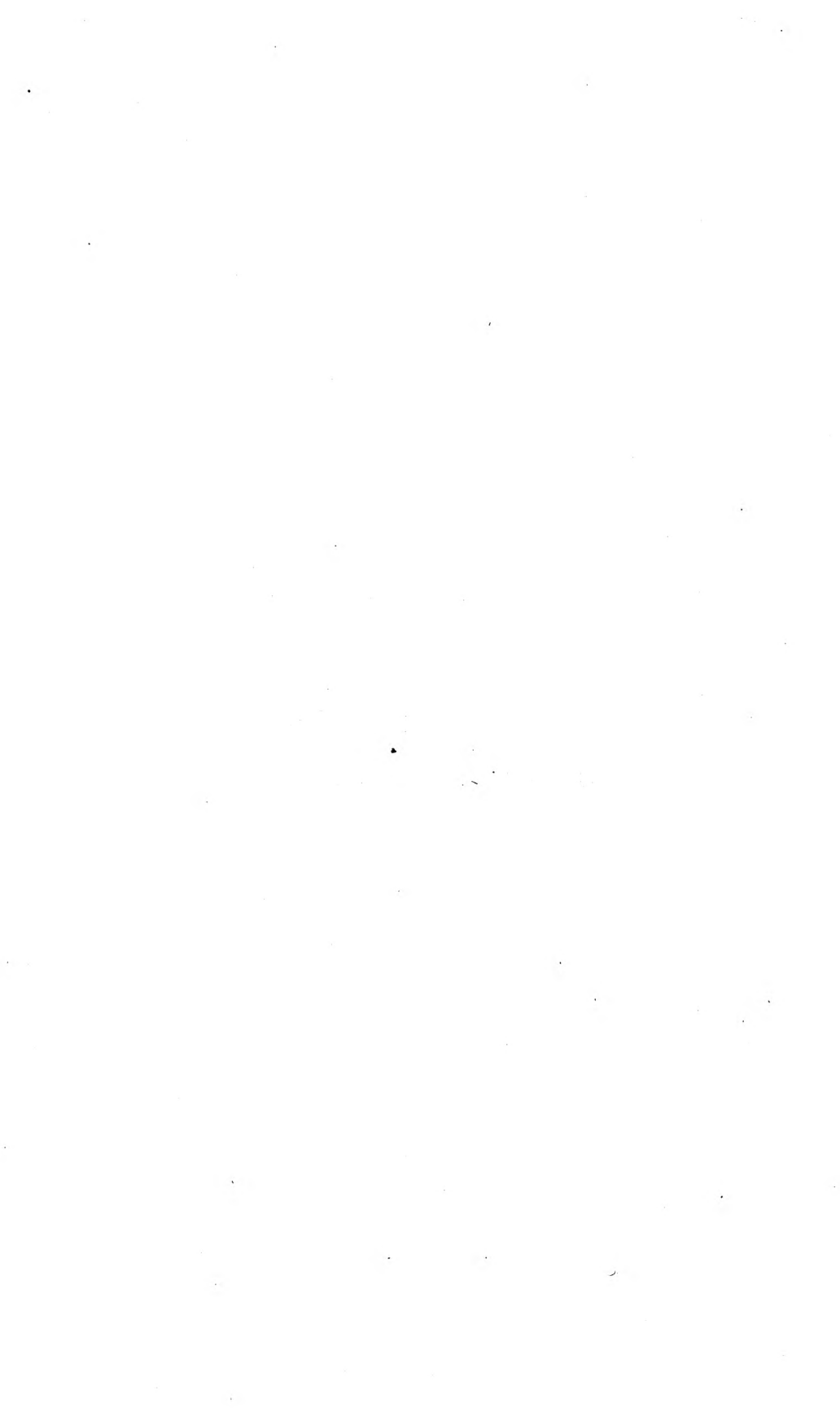
„ II. Типическія философскія концепціи, какъ ступени въ самопознаніи нашего дѣятельнаго „я“.

Часть первая.

Методъ зволюціонно-механическій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Основы механическаго міропониманія.

Wer will was Lebendig's erkennen und beschreiben
Sucht erst den Geist heraus zu treiben,
Dann hat er die Theile in seiner Hand.
Fehlt leider! nur das geistige Band.
Encheiresin naturae nennt's Chemie,
Spottet ihrer selbst und weiss nicht wie.

Goethe.

Swiat ten jest bez duszy?
Żyje: lecz żyje tylko jak kosciotrup nagi,
Który lekarz tajemną sprężyną rozruszy;
Albo jest to coś nakształt wielkiego zegaru,
Który obiega popędem ciężaru? . . .

Tylko nie wiecie kto zawiesił wagi.
O kołach, o sprężynach rozum was naucza,
Lecz nie widzicie ręki i klucza!

Gdyby z twych oczu ziemskie odpadło nakrycie,
Obaczyłbyś niejedno wkoło siebie życie,
Umarłą bryłę swiata pędzące do ruchu.

Mickiewicz.

Переводъ эпиграфа изъ Мицкевича.

(Значить) этотъ міръ безъ души? Живетъ, но живетъ лишь какъ нагой скелетъ, который врачъ приводитъ въ движеніе при помощи скрытой пружины. Или, (быть можетъ), это что-то въ родъ огромнаго часового механизма, движущагося дѣйствіемъ тяжести?... Только вы не знаете, кто повѣсилъ гири. О колесахъ и пружинахъ говоритъ вамъ разсудокъ, но вы не видите руки и ключа. — Если бъ съ твоихъ глазъ исчезло земное покрывало, ты увидѣлъ бы вокругъ себя не одну жизнь, одушевляющую мертвую глыбу міра.

(Dziady. Część IV.)

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Основы механическаго міропониманія.

Глава первая.

Общая картина міра въ механической философіи и ея необходимыя предпосылки.

Общая картина міра, которую мы находимъ въ механической философіи новаго времени, въ основныхъ чертахъ, совпадаетъ съ тою картиной, которую создали греческіе атомисты.

Такъ какъ основныя философскія концепціи выступаютъ у крупныхъ представителей античной мысли въ наиболѣе простой и естественной, ничѣмъ не осложненной формѣ, то мы прежде всего остановимся на древнемъ атомизмѣ, какъ на классическомъ прообразѣ механическаго міросозерцанія.

Исходнымъ пунктомъ для атомистическаго ученія послужили по компетентному свидѣтельству Аристотеля ¹⁾ выводы элейцевъ о природѣ сущаго.

„Сущее есть“, „несущаго нѣтъ“ поэтому сущее не можетъ ни возникать изъ несущаго, ни переходить въ него: оно едино и неизмѣнно. Но если это такъ, то всѣ реальныя процессы природы, предполагающіе прежде всего множественность вещей и ихъ движеніе, представляютъ собою не что иное, какъ иллюзію нашей чувственности,

1) *Περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς* I, 8.

принимающей на ряду съ „сущимъ“ или „полнымъ“ (τὸ πλέον) также „несущее“ или пустоту (τὸ κενόν) — таковъ общій результатъ элейской спекуляціи въ приложеніи къ конкретной дѣйствительности.

Атомисты поставили себѣ задачу, которую, въ концѣ концовъ, неизбѣжно должны преслѣдовать всѣ положительныя метафизическія ученія, — задачу примирить основное утвержденіе элейской школы о безусловной неизмѣнности сущаго съ наблюдаемой въ чувственномъ опытѣ множественностью, движеніемъ и измѣненіемъ вещей.

„Левкиппъ — говоритъ Теофрастъ — пріобшился философіи Парменида, но не пошелъ по (тому) пути, (по которому слѣдовали) Парменидъ и Ксенофанъ въ вопросѣ о сущемъ, а избралъ, повидимому, противоположный путь. Тогда какъ они обращали вселенную въ неподвижное, не возникшее и ограниченное единое, и не позволяли никоимъ образомъ искать несущаго, Левкиппъ принималъ безконечное количество вѣчно движущихся элементовъ, или атомовъ, (обладающихъ) безконечно-разнообразными формами Далѣе онъ признавалъ одинаковую наличность какъ сущаго, такъ и несущаго и считалъ какъ то, такъ и другое въ одинаковой мѣрѣ причинами всего, что совершается (въ мірѣ). Предполагая сущность атомовъ „плотною“ и полною, онъ утверждалъ, что они суть „сущее“ и носятъ въ пустотѣ, которую онъ называлъ „несущимъ“, признавая ее (въ то же время) не менѣе дѣйствительною, чѣмъ „сущее“ ¹⁾.

1) Diels. Fragmente der Vorsokratiker. II изд. т. I, стр. 344, 46—345, 8.

Λεύκιππος . . . κοινωνήσας Παρμενίδῃ τῆς φιλοσοφίας, οὐ τὴν αὐτὴν ἐβάδισε Παρμενίδῃ καὶ Ξενοφάνει περὶ τῶν ὄντων ὁδόν, ἀλλ' ὥς δοκεῖ τὴν ἐναντίαν. ἐκείνων γὰρ ἐν καὶ ἀκίνητον καὶ ἀγένητον καὶ πεπερασμένον ποιοῦντων τὸ πᾶν καὶ τὸ μὴ ὄν μὴδὲ ζητεῖν συγχοροῦντων, οὗτος ἄπειρα καὶ ἀεὶ κινούμενα ὑπέθετο στοιχεῖα τὰς ἀτόμους καὶ τῶν ἐν αὐτοῖς σχημάτων ἄπειρον τὸ πλῆθος . . . ἔτι δὲ οὐδὲν μᾶλλον τὸ ὄν ἢ τὸ μὴ ὄν ὑπάρχειν, καὶ αἷτια ὁμοίως εἶναι τοῖς γιγνομένοις ἄμφω. τὴν γὰρ τῶν ἀτόμων οὐσίαν νᾶσθῃ καὶ πλήρη ὑποτιθέμενος ὄν ἔλεγεν εἶναι καὶ ἐν τῷ κενῷ φέρεσθαι, ὅπερ μὴ ὄν ἐκάλεε καὶ οὐκ ἔλαττον τοῦ ὄντος εἶναι φησι.

Итакъ :

Сущность природы въ себѣ самой два заключаетъ начала :
Въ ней существуютъ тѣла, а равно и пустыя пространства,
Въ коихъ тѣла залегаютъ и двигаются могутъ различно

— — — — —
Еслибъ пространства и мѣста, что мы пустотой называемъ,
Не было вовсе, то негдѣ бы было тѣламъ помѣщаться.
Двигаться также тѣла не могли бѣ въ паправленіяхъ разныхъ ¹⁾.

Развившись изъ элейской концепціи дѣйствительности, атомизмъ приписываетъ элементамъ природы тѣ же признаки, которые Парменидъ приписывалъ своему „сущему“ : атомы не возникаютъ и не уничтожаются, они совершенно однородны, недѣлимы, не подвержены никакимъ внутреннимъ измѣненіямъ, вся ихъ природа исчерпывается тѣмъ, что они занимаютъ нѣкоторую опредѣленную часть пространства.

Если атомы представляютъ собою наполняющія пространство субстанціи, то имъ могутъ принадлежать только пространственныя опредѣленія : качественныя различія совершенно отсутствуютъ въ нихъ. „Сущее“, которое Парменидъ во второй части своей поэмы уподоблялъ совершенно однородной массѣ шара ²⁾, распалось на безконечное количество качественно однородныхъ частицъ, отличающихся

1) Цитирую по превосходному переводу И. Рачинскаго (Москва, 1913). Латинскій текстъ Карла Лахманна :

T. Lucreti Cari De rerum natura libri sex. Berolini 1850.

omnis, ut est, igitur per se natura duabus
constitit in rebus: nam corpora sunt et inane,
haec in quo sita sunt et qua diversa moventur.

— — — — —
tum porro locus ac spatium, quod inane vocamus,
si nullum foret, haut usquam sita corpora possent
esse neque omnino quoquam diversa meare

Lib. I. V. 419—421 и 426—4

2) Diels. Vorsokratiker I², 121, 3—4.

αὐτὰρ ἐπεὶ πείρας πύματος, τετελεσμένον ἐστὶ
πάντοθεν, εὐκύνκλον σφαίρης ἐναλλύχιον ὄγκω

другъ отъ друга лишь по формѣ, порядку и положенію въ пространствѣ ¹⁾).

Наибольшее значеніе древніе атомисты приписывали различію формъ (*σχῆμα*, *idéa*) атомовъ.

Такъ какъ вещей совокупность
Столь велика, что, какъ сказано, нѣтъ имъ числа и предѣловъ,
То и нельзя допустить, чтобъ зачатки ихъ всѣ были равны
По очертаньямъ своимъ, и по внѣшнему облику сходны ²⁾.

Разнообразіе формъ атомовъ объясняетъ, съ одной стороны, почему атомы образуютъ столь разнообразныя сочетанія, какія мы наблюдаемъ въ окружающей насъ природѣ, съ другой стороны, оно дѣлаетъ понятнымъ распаденіе этихъ сочетаній: одни изъ атомовъ сцѣпляются другъ съ другомъ своими зубцами, крючками или шероховатостями, другіе разрушаютъ эти сцѣпленія, проникая вслѣдствіе своей круглой и гладкой формы въ промежутки между плотными частицами вещества и отдѣляя ихъ другъ отъ друга.

Кромѣ пустого пространства и движущихся въ немъ съ непреложной необходимостью ³⁾ недѣлимыхъ частичекъ вещества, ничего реально не существуетъ. ⁴⁾

1) Aristoteles. *Metaphysica* I, 4 τὰς διαφορὰς . . . τρεῖς εἶναι λέγονται, σχῆμά τε καὶ τάξιν καὶ θέσιν.

Къ различію въ формѣ атомовъ сводится и различіе ихъ въ величинѣ и тяжести.

2) *Lucr.* II, 337—341.

. . . nam cum sit eorum copia tanta,
ut neque finis, uti docui, neque summa sit ulla,
debent, mirum, non omnibus omnia prorsum
esse pari filo similique adfecta figura.

3) οὐδὲν σχῆμα μάτην γίνεταί ἀλλὰ πάντα ἐκ λόγου καὶ ὑπ'ἀνάγκης.
(*Leukippos* B. 2. *Diels* I, S. 350, 5—6).

4) Нѣтъ такой вещи въ природѣ, о коей сказать мы могли бы,
Будто она съ пустотою различна, не будучи тѣломъ,
Будто она составляетъ какое-то третье начало.
(*Praeterea nil est quod possis dicere ab omni corpore seiunctum secretumque esee ab inani, quod quasi tertia sit numero natura reperta.*)

Lucr. I. 430—432.

Необходимость эта носить, въ концѣ концовъ, совершенно случайный характеръ, поскольку ни въ природѣ самихъ атомовъ, ни въ ихъ движеніи нельзя указать основаній для того, чтобы частицы вещества сочетались тѣмъ, а не инымъ образомъ. Разумное же начало, образующее изъ хаоса матеріальныхъ элементовъ стройный космосъ, атомисты рѣшительно отрицаютъ:

Истинно тѣльца первичныя всѣ при своихъ сочетаніяхъ
Твердымъ порядкомъ и яснымъ сознаньемъ не руководились
И не условились раньше, какое кому дать движеніе.
Многообразно мѣняясь во всемъ безконечномъ пространствѣ,
Пробуя всякіе роды движенія и сочетаній,
Силой ударовъ, толчковъ непрестанно они потрясались,
И, наконецъ, оказались въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыхъ
Вся совокупность вещей сотворенныхъ находится нынѣ¹⁾.

Такова общая картина міра, которую создали представители античнаго механическаго пониманія дѣйствительности. Нельзя отказать ей въ замѣчательной наглядности и простотѣ. Но эта наглядность соединяется съ крайней узостью и примитивностью міропониманія.

Неудивительно, поэтому, что атомизмъ въ древнемъ мірѣ представлялъ собою лишь второстепенное идейное теченіе, безсильное восторжествовать надъ общимъ античнымъ міропониманіемъ, въ основѣ котораго лежало представленіе о вселенной, какъ о законченномъ художественномъ цѣломъ, осуществляющемъ въ своей единой жизни господство верховнаго Разума.

1) nam certe neque consilio primordia rerum
ordine se suo quaeque sagaci mente locarunt
nec quos quaeque darent motus pepigere profecto,
sed, quia multa modis multis mutata per omne
ex infinito vexantur percita plagis,
omne genus motus et coetus experiundo
tandem deveniunt in talis disposituras,
qualibus haec rerum consistit summa creata.

Lucreti De rerum natura L. I, V. 1021—1028.

Что же позволило механическому міропониманію подчинить своей основной концепціи сознание новаго человѣчества? Какимъ образомъ утвердилось „представленіе о вселенной, какъ о системѣ пляшущихъ атомовъ и о жизни, какъ о результатѣ механическаго накопленія мельчайшихъ измѣненій вещества“¹⁾.

Общее представленіе о мірѣ, отъ котораго отправляется механическая философія новаго времени, измѣнилось со времени Демокрита лишь во второстепенныхъ подробностяхъ. Различіе древней и новой механической философіи заключается не въ измѣнившейся картинѣ міра, а въ той роли, которую играетъ эта картина въ научномъ творествѣ новаго времени.

Научныя изслѣдованія въ древнемъ мірѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ развивались въ тѣсной связи съ тѣмъ міропониманіемъ, которое принято называть античнымъ. Исходя изъ убѣжденія въ томъ, что въ основѣ всего существующаго лежитъ созидаящая дѣятельность божественнаго разума, античное міропониманіе усматривало мѣрило всѣхъ формъ природной жизни въ ихъ возможномъ совершенствѣ, то-есть въ ихъ соотвѣтствіи съ тѣмъ планомъ, который вытекаетъ изъ цѣлесообразной дѣятельности мірообразующей силы. Научныя изысканія руководились какъ разъ этимъ мѣриломъ, поэтому древняя наука носитъ отчетливо-выраженный телеологическій характеръ.

„Телеологія, объясненіе бытія вещей изъ ихъ качествъ и изъ качествъ дѣйствующихъ въ нихъ силъ, признаніе внутренней духовности жизни міра — даютъ основной тонъ всѣмъ древне-греческимъ теоріямъ, хотя и не съ одинаковой ясностью. Платонъ возвышалъ міровой разумъ надъ всѣми вещественными опредѣленіями, Гераклитъ сливалъ его съ матеріальною стихією и видѣлъ въ немъ всемірный огонь, Діогенъ Аполлонійскій отождествлялъ его съ возду-

1) В. Соловьевъ. Три разговора. (Сочиненія, II изд. Т. X, стр. 197.)

хомъ, — но для всѣхъ трехъ онъ все же оставался Божественнымъ творческимъ разумомъ“¹⁾).

Принято думать, что космологическія спекуляціи древнихъ мыслителей не имѣютъ никакого отношенія къ точнымъ естественно-научнымъ изслѣдованіямъ. Мы не можемъ входить здѣсь въ ближайшее разсмотрѣніе этого спеціальнаго вопроса; тѣхъ, кого онъ заинтересуетъ, мы позволимъ себѣ отослать къ обширному изслѣдованію одного изъ крупнѣйшихъ историковъ естествознанія Р. Duhem'a „Le système du monde. Histoire des doctrines cosmologiques de Platon à Copernic.“ Tome premier. „La cosmologie hellénique“. Paris 1911.

Разсматривая споръ о томъ, кто является создателемъ метода физическихъ наукъ, знаменитый изслѣдователь рѣшаетъ его не въ пользу Галилея и Декарта (L'attribution du titre de créateur de la méthode des sciences physiques a donné lieu à bien des querelles; les uns ont voulu le donner à Galilée, les autres à Descartes, d'autres encore à François Bacon, qui est mort sans avoir jamais rien compris à cette méthode)²⁾. „На самомъ дѣлѣ методъ физическихъ наукъ былъ установленъ Платономъ и пифагорейцами его времени съ отчетливостью (и) точностью, которыя не были (впослѣдствіи никѣмъ) превзойдены“. (En vérité la méthode des sciences physiques a été définie par Platon et par les Pythagoriciens de son temps avec une netteté, une précision qui n'ont pas été surpassées)³⁾.

Надъ этимъ замѣчаніемъ (Duhem подробно обосновываетъ его) стоило бы остановиться всѣмъ тѣмъ, которые считаютъ вопросъ о научномъ безплодіи античнаго идеализма окончательно рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ.

1) Лопатинъ. Декартъ, какъ основатель новаго философскаго и научнаго міросозерцанія. (Философскія характеристики и рѣчи. Изд. к-ва „Путь“. Москва 1911 г. Стр. 10.)

2) Стр. 129.

3) Ib.

• Къ механическому взгляду на міръ заставили обратиться новое время успѣхи математическаго естествознанія.

На поворотѣ отъ среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія къ новому времени человѣческій духъ, очарованный и ослѣпленный этими успѣхами, задался цѣлью перестроить всѣ свои представленія какъ о физическомъ, такъ и о психическомъ мірѣ сообразно съ тѣмъ идеаломъ точнаго и безусловно-достовернаго знанія, наиболѣе полное и совершенное осуществленіе котораго мы находимъ въ механикѣ.

Только то въ природѣ, что можетъ быть измѣрено и сосчитано и затѣмъ выражено въ точныхъ формулахъ, только это можетъ быть предметомъ полнаго и исчерпывающаго познанія.

Умъ естествоиспытателя, проникающаго въ „математическій порядокъ“ вселенной, подобенъ божественному уму, размышляющему о истинахъ, лежащихъ въ основѣ мірозданія. Разница заключается только въ томъ, что Богъ обнимаетъ въ одномъ актѣ интуиціи то, къ чему человѣческій умъ приближается медленно, шагъ за шагомъ, дискурсивнымъ путемъ. Наука имѣетъ дѣло съ божественнымъ откровеніемъ, записаннымъ въ книгѣ природы. Запись ведется при помощи математическихъ символовъ; раскрывая ихъ, мы проникаемъ во всѣ тайны мірозданья.

Такъ разсуждаетъ одинъ изъ родоначальниковъ новаго міропониманія Галилей, и съ нимъ соглашаются всѣ выдающіеся мыслители его эпохи.

„Міръ причастенъ количеству“ (*mundus participat quantitati*)¹⁾, математическія отношенія выражаютъ истинную, объективную природу вещей, все, что не укладывается въ математическія формулы, какъ, напримѣръ, качественное разнообразіе явленій, представляетъ лишь субъективное

1) Слова Кеплера..

созданіе нашей чувственности „Гдѣ матерія, тамъ и геометрія“ (*ubi materia, ibi geometria*)¹⁾.

Но, если истинное познаніе природы можетъ быть только математическимъ, то, очевидно, античный взглядъ на вселенную, объяснявшій всѣ вещи изъ ихъ качествъ, долженъ быть отвергнутъ; вѣдь качества, какъ таковыя, не поддаются количественнымъ опредѣленіямъ и не могутъ войти въ систему геометрическаго естествознанія.

Устраняя вопросъ о качественной сторонѣ дѣйствительности изъ области положительной науки, новый взглядъ на вселенную приобретаетъ „простоту и закономерную правильность“ (*simplicitas atque ordinata regularitas*)²⁾.

Элементы дѣйствительности должны быть качественно однородны, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ они могутъ войти въ систему математическаго естествознанія, и между ними не можетъ быть никакихъ иныхъ отношеній, кромѣ тѣхъ, которыя доступны точному измѣренію.

Но измѣрять мы можемъ, во-первыхъ, пространство, отдѣльныя части котораго занимаютъ тѣла, во-вторыхъ, движеніе, совершающееся въ пространствѣ.

Поэтому наука, устанавливающая законы движенія однородныхъ единицъ матеріи въ пространствѣ, объявляется прообразомъ всякаго объективнаго знанія о природѣ.

Представить всѣ частныя научныя дисциплины, какъ главы общей механики, этого „рая математическихъ наукъ“, какъ ее называетъ Леонардо да Винчи, — такова задача, которую упорно преслѣдуетъ новая европейская наука и философія.

Если общіе принципы механическаго естествознанія представляютъ собою не условныя „рабочія гипотезы“, а отвѣчаютъ истинной природѣ вещей, — а науки о природѣ вплоть до середины XIX столѣтія безъ какого бы то ни

1) Тоже слова Кеплера.

2) Опять слова Кеплера.

было колебанія приписываютъ своимъ предпосылкамъ онтологическій характеръ¹⁾ — то изъ этихъ принциповъ вытекаетъ вполнѣ опредѣленная картина міра.

И эта картина во всемъ существенномъ совпадаетъ со взглядомъ древнихъ атомистовъ на вселенную, какъ на совокупность мельчайшихъ частицъ вещества, движущихся въ безконечномъ пространствѣ, попутно вступающихъ въ безконечно разнообразныя сочетанія другъ съ другомъ, затѣмъ покидающихъ эти сочетанія, опять соединяющихся и такъ далѣе, до безконечности.

Мѣняется только представленіе о конечныхъ элементахъ вещественнаго міра, и это измѣненіе обусловливается всецѣло потребностями новаго математическаго естествознанія.

Единицы, изъ которыхъ состоитъ матеріальный міръ, должны быть абсолютно однородны.

Между тѣмъ, древніе атомисты приписывали атомамъ безконечно-разнообразныя формы²⁾, сохраняя въ этомъ разнообразіи послѣдній остатокъ качественной разнородности конкретнаго міра.

Это допущеніе дѣлало для нихъ понятнымъ чрезвычайное обиліе формъ, наблюдаемыхъ въ окружающей насъ природѣ. Для того чтобы представить чрезвычайное разнообразіе конкретныхъ явленій природы, естественнѣе всего было допустить безконечное разнообразіе формъ, принад-

1) La physique traditionnelle, jusqu'au milieu du XIX siècle, postulait que la physique n'avait qu'à se prolonger pour être une métaphysique de la matière . . . Ce n'était pas une expression hypothétique de l'expérience; c'était un dogme.

Rey. La théorie de la physique chez les physiciens contemporains. Paris 1907. P. 16.

2) Cicero de deor. nat. I. 24, 66 ista enim flagitia Democriti, sive etiam ante Leucippi, esse corpuscula quaedam levia, alia aspera, rutunda alia, partim autem angulata, hamata quaedam et quasi aduuea, ex iis effectum esse caelum atque terram nullo cogente natura, sed concursu quodam fortuito.

Diels I², 345, 30—33.

лежащихъ элементамъ, которые лежатъ въ основѣ всѣхъ явленій внѣшняго міра.

Нагляднымъ представленіемъ о вселенной и довольствовались представители древней механической философіи.

Новое естествознаніе стремится прежде всего къ тому, чтобы выразить законы всѣхъ явленій природы въ точныхъ математическихъ формулахъ.

Все, что препятствуетъ точности измѣренія и счета, заранѣе изгоняется изъ области научнаго изслѣдованія, поэтому элементы физическаго міра объявляются абсолютно однородными во всѣхъ отношеніяхъ. Прежде чѣмъ выразить въ формулахъ и уравненіяхъ математики все, что происходитъ во внѣшнемъ мірѣ, необходимо „свести всѣ процессы природы къ движеніямъ субстанціально-безразличнаго и, слѣдовательно, безкачественнаго субстрата того, что намъ является въ формѣ разнородной матеріи“¹⁾.

Древніе атомисты принимали на ряду съ непроницаемыми частицами матеріи также пустоту.

Часть представителей новаго естествознанія съ Гассенди и Робертомъ Бойлемъ во главѣ, присоединилась къ этому взгляду.

Другіе сторонники механическаго міропониманіе (Декартъ, Гоббесъ, Спиноза) въ своемъ увлеченіи математикой пришли къ отрицанію какого бы то ни было различія между матеріей и пространствомъ, между тѣломъ геометрическимъ и физическимъ.

Пространство, какъ таковое, дѣлимо до безконечности. Если вся сущность тѣла исчерпывается его протяженностью, то нельзя указать границъ его дѣлимости.

1) „Ehe die Differentialgleichungen der Weltformel angesetzt werden könnten, müssten alle Naturvorgänge auf Bewegungen eines substantiell unterschiedslosen, mithin eigenschaftslosen Substrats dessen zurückgeführt sein, was uns als verschiedenartige Materie erscheint“. Du Bois-Reymond Die Grenzen des Naturerkennens (Reden I. S. 108, 109).

Невозможно — доказывает Декартъ¹⁾ — чтобы существовали атомы, или частицы вещества, недѣлимые по своей природѣ. Какъ бы малы ни были частицы вещества, онѣ все же протяженны, и, слѣдовательно, мы можемъ, по крайней мѣрѣ, принципиально дѣлить ихъ до бесконечности. Поэтому сторонники корпускулярной теоріи принимаютъ только фактическую, а не принципиальную недѣлимость вещества²⁾.

И въ самомъ дѣлѣ, въ протяженности тѣлѣ нельзя найти оснований для его недѣлимости³⁾; признать послѣднюю составляютъ насъ другія свойства тѣлѣ, какъ непроницаемость, удѣльный вѣсъ и т. д. Но на эти свойства механическое естествознаніе, вдохновляемое идеаломъ геометрическаго пониманія дѣйствительности, первоначально обращаетъ мало вниманія.

Во всякомъ случаѣ, для цѣлей механическаго истолкованія явленій обѣ теоріи — корпускулярная Декарта и атомистическая Гассенди — оказались приблизительно одинаково пригодными: какъ та, такъ и другая насчитываетъ цѣлый рядъ крупныхъ представителей вплоть до нашихъ дней.

Такъ какъ различіе этихъ теоріи для общаго міропониманія имѣетъ второстепенное значеніе, то мы не будемъ больше останавливаться на нихъ.

Мельчайшія частицы вещества непрерывно мѣняютъ свое положеніе въ бесконечномъ пространствѣ. Древняя

1) Principia philosophiae. II 20. (Oeuvres publiées par Ch. Adam et P. Tannery. Vol. VIII, P. 51.)

Cognoscimus etiam fieri non posse ut aliquae atomi . . . existant. Cum enim, si quae sint, necessario debeant esse extensae, quantumvis parvae fungantur, possumus adhuc unamquamque ex ipsis in duas aut plures minores cogitatione dividere, ac proinde agnoscere esse divisibiles.

2) Atomus materialis (dicitur), quod in se divisibile, sed cui dividendo non sufficiunt aliquae causae in rerum natura existentes.

Chr. Wolf.

3) Это хорошо понялъ Лейбницъ: все протяженное дѣлится до бесконечности, поэтому протяженные атомы немыслимы; недѣлимость можетъ принадлежать лишь простымъ духовнымъ существамъ монадамъ.

атомистика довольствовалась этимъ нагляднымъ образомъ, не заботясь о томъ чтобы сдѣлать его орудіемъ научнаго изслѣдованія — движеніе, какъ основной процессъ, лежащій въ основѣ всѣхъ явленій природы, не подвергалось спеціальному изученію¹⁾.

Напротивъ новое естествознаніе ставитъ изученіе законовъ, господствующихъ надъ движеніемъ атомовъ, своей основной задачей.

„Послѣдовательное проведеніе корпускулярной теоріи — говоритъ извѣстный изслѣдователь исторіи атомистическихъ ученій Kurd Lasswitz — требуетъ не только количественнаго постоянства вещества въ пространствѣ но и того, чтобы измѣненіе въ пространствѣ, (то есть) движеніе было понято, какъ величина, подверженная доступнымъ изслѣдованію законамъ“²⁾.

Научная механика сообщаетъ поэтому атомистической теоріи новыя силы. Упадокъ древней атомистики былъ обусловленъ ея неспособностью выразить причинную связь атомовъ въ точныхъ формулахъ науки. И какъ разъ рѣшеніе этой задачи обезпечило за новымъ естествознаніемъ его прочное господство надъ научными и философскими теоріями новаго времени³⁾.

1) Въ связи съ этимъ находится и то обстоятельство, что столь характерный для новаго механическаго естествознанія союзъ съ математикой совершенно чуждъ древней атомистикѣ. Въ древнемъ мірѣ математика развилась главнымъ образомъ въ платонически-пифагорейскихъ кругахъ.

2) Geschichte der Atomistik. (Hamburg 1890) I, Bd., стр. 358. Eine consequente Durchführung der Corpusculartheorie erfordert freilich, dass nicht bloss die quantitative Constanz des Körperlichen im Raume erkannt, sondern auch die Veränderung im Raume, die Bewegung, als eine Grösse, welche erforschbaren Gesetzen unterworfen ist, dem Bewusstsein fassbar werde. Daher kann die Corpusculartheorie erst mit der Ausbildung einer wissenschaftlichen Mechanik zu höherer Vollendung gelangen.

3) „Die antike Atomistik hatte an der sinnlichen Erscheinung den Begriff der unveränderlichen Atome als die beharrenden Substanzen gelöst;

Основоположенія новаго механическаго пониманія природы окончательно установились въ періодъ отъ Кеплера и Галилея до Декарта и Ньютона.¹⁾

Рядъ характерныхъ выдержекъ изъ произведеній крупнейшихъ представителей его убѣдить насъ въ этомъ и дать намъ въ то же время возможность полнѣе и отчетливѣе сформулировать основные принципы занимающаго насъ миropониманія.

Родоначальникъ новой философіи — Декартъ слѣдую-

sie hatte in der räumlichen Ansammlung und Scheidung derselben die kausale Erklärung der Phänomene versucht. Trotzdem war sie von der Theorie der substanzialen Formen besiegt und aus dem wissenschaftlichen Bewusstsein verdrängt worden. Wenn jetzt ihrerseits die korpuskulare Theorie der Materie sich anschickte, die Lehre von den substanzialen Formen zu beseitigen und durch Besseres zu ersetzen, wenn dies in der modernen Naturwissenschaft in der That gelang, so muss es im Beginn der neuen Epoche des wissenschaftlichen Denkens einen Faktor geben, welcher im Alterthum fehlte. Eine neue That des Denkens, zu welcher auch die grössten Geister des Altertums sich nicht aufzuschwingen vermochten, musste geschehen, um das Werk Demokrits zu vollenden und über das des Aristoteles zu erheben. Diese That war die Schöpfung einer neuen Wissenschaft, der Mechanik, als der Wissenschaft von der Energie der Bewegung.

Der Grund, weshalb die antike Atomistik unterlegen war, beruhte auf ihrer Unfähigkeit, den causalen Zusammenhang der Atome wissenschaftlich darzustellen: (Ib. Bd. II. S. 3).

Die gesamte Bewegungslehre des Altertums ist ihrem Wesen nach phoronomisch; die räumliche Bewegung ist lediglich Ortsveränderung und hat keinen intensiven Charakter. Allerdings sollen die Atome Demokrits Wirkung ausüben, sie stossen aufeinander und erzeugen dadurch die Wirbel der Weltentstehung. Aber diese Wirkung tritt aus dem Charakter des Phoronomischen nicht heraus, sie bleibt lediglich Ortsveränderung der Substanzen in dem ideellen Anschauungsfelde eines stillschweigend hinzugedachten Zuschauers. Die Realität wird gegründet auf die Substanzialität der unveränderlich gedachten Atome, nicht auf die Gesetzmässigkeit der Bewegung.... Dass der bewegte Körper sich von dem ruhenden noch durch etwas andres unterscheidet, als durch den Wechsel der Lage, dass in ihm jene intensive Realität steckt, welche in der Empfindung des Andrangs sinnlich wahrgenommen wird, scheint dem Altertum nicht zum wissenschaftlichen Bewusstsein gekommen zu sein. (Стр. 4).

1) Со времени Декарта и Ньютона и до нашихъ дней, „картина міра въ общемъ не мѣняется, мѣняются только комментаріи къ ней“. (Лопатинъ. Философскія характеристики и рѣчи. Стр. 9.)

щимъ образомъ выражаетъ главныя положенія механической концепціи природы — объ однородности вещества и о движеніи, какъ основѣ всѣхъ безъ исключенія физическихъ процессовъ:

„Земля и небо созданы изъ одной и той же матеріи“.

„Всѣ различія существующія въ матеріи зависятъ отъ движенія ея частей“¹⁾.

Ту же самую мысль высказываетъ Гоббесъ: „Необходимо признать, что измѣненіе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, кромѣ движенія частей измѣняющагося тѣла“²⁾.

Что всѣ отношенія въ тѣлесномъ мірѣ сводятся всецѣло къ движенію, эту мысль рѣзко и отчетливо высказываетъ Лейбницъ въ письмѣ къ Clarke'у:

„Un corps n'est jamais mu naturellement, que par un autre corps qui le pousse en le touchant; et après cela il continue jusqu'à ce qu'il soit empêché par un autre corps qui le touche. Toute autre opération sur le corps est ou miraculeuse ou imaginaire“³⁾.

Утвержденіе это кажется создателю исчисленія безконечныхъ настолько достовѣрнымъ, что онъ настаиваетъ на умозрительномъ, не опытномъ происхожденіи его:

„... tout se fait mécaniquement dans la nature, principe, qu'on peut rendre certain par la seule raison et jamais par les expériences, quelque nombre qu'on en fasse“⁴⁾.

Изъ крупныхъ представителей механическаго естество-

1) Заглавія 22 и 23 параграфовъ II части „Principes de la philosophie“. Que la terre et les Cieux ne sont faits que d'une même matière... Que toutes les variétés qui sont en la matière... dépendent du mouvement de ses parties.

2) Necesse est ut mutatio aliud non sit praeter partium corporis mutati motum.

3) Lettres entre Leibniz et Clarke V-ème réplique de M. Leibniz. Вольфъ выражаетъ это положеніе въ краткой формулѣ:

Corpus non agit in alterum, nisi dum in ipsum impingit.

4) Nouveaux essais. Liv. IV, Chap. XII § 13.

знанія въ прошломъ столѣтіи мы прежде всего обратимся къ великому Лапласу, этому „Ньютону девятнадцатаго вѣка“¹⁾.

Въ введеніи въ свою „Аналитическую теорію вѣроятностей“ знаменитый ученый въ слѣдующихъ яркихъ чертахъ рисуе́тъ идеаль математическаго познанія природы:

„Мы должны смотрѣть на настоящее состояніе вселенной, какъ на результатъ ея предшествующаго состоянія и какъ на причину того, которое наступитъ (въ будущемъ). Разумъ, который въ данный моментъ знаетъ бы всѣ силы, которыя одушевляютъ природу и относительное положеніе существъ, которыя ее составляютъ, если-бъ къ тому же онъ былъ достаточно всеобъемлющъ, чтобы подвергнуть эти данныя анализу, (такой разумъ) обнялъ бы въ одной формулѣ движенія какъ величайшихъ тѣлъ вселенной, такъ и самаго легкаго атома: для него не существовало бы ничего неизвѣстнаго и будущее точно такъ же, какъ и прошедшее раскрылось бы передъ его глазами. — Человѣческій разумъ въ томъ совершенствѣ, которое онъ сумѣлъ сообщить астрономіи, представляетъ собою лишь слабое подобіе этого разума. Открытія его въ (области) механики и геометріи, вмѣстѣ съ открытіемъ всемірнаго тяготѣнія дали ему возможность обнять въ тѣхъ же аналитическихъ выраженіяхъ (какъ) прошлыя, (такъ) и будущія состоянія системы міра. Примѣняя тотъ же методъ къ нѣкоторымъ другимъ предметамъ своихъ познаній, онъ оказался въ состояніи свести къ общимъ законамъ наблюдаемыя явленія и предвидѣть тѣ, къ которымъ должны привести данныя обстоятельства. Всѣ его усилія въ разысканіи истины направлены къ тому, чтобы приближаться непрерывно къ Разуму, который мы только-что

1) Laplace, правда, родился въ половинѣ XVIII вѣка, но всѣ его крупнѣйшія произведенія вышли въ свѣтъ въ началѣ XIX вѣка. (Mécanique céleste 1799—1825, Théorie analytique des probabilités 1812) Исключеніе составляетъ „Exposition du système du monde“, вышедшее въ 1796 году.

начали постигать, но отъ котораго человѣческій разумъ останется всегда безконечно далекимъ.“

(Nous devons . . . envisager l'état présent de l'univers, comme l'effet de son état antérieur et comme la cause de celui qui va suivre. Une intelligence qui pour un instant donné, connaîtrait toutes les forces dont la nature est animée, et la situation respective des êtres qui la composent, si d'ailleurs elle était assez vaste pour soumettre ces données à l'analyse, embrasserait dans la même formule, les mouvemens des plus grands corps de l'univers et ceux du plus léger atome; rien ne serait incertain pour elle, et l'avenir comme le passé, serait présent à ses yeux. L'esprit humain offre dans la perfection qu'il a su donner à l'Astronomie, une faible esquisse de cette intelligence. Ses découvertes en Mécanique et en Géométrie, jointes à celle de la pesanteur universelle, l'ont mis à portée de comprendre dans les mêmes expressions analytiques, les états passés et futurs du système du monde. En appliquant la même méthode à quelques autres objets de ses connaissances, il est parvenu à ramener à des lois générales, les phénomènes observés, et à prévoir ceux que des circonstances données doivent faire éclore. Tous ses efforts dans la recherche de la vérité, tendent à le rapprocher sans cesse de l'intelligence que nous venons de concevoir, mais dont il restera toujours infiniment éloigné)¹).

Черезъ шестьдесятъ лѣтъ ту же мысль въ сходныхъ выраженіяхъ формулируетъ другой знаменитый представитель механическаго естествознанія Emil Du Bois-Reymond.

„Представимъ себѣ, что всѣ измѣненія въ тѣлесномъ мірѣ сведены къ движеніямъ атомовъ, обусловленнымъ (дѣйствіемъ) ихъ постоянныхъ центральныхъ силъ, — въ такомъ случаѣ вселенная была бы научно познана . . . Даже больше, можно представить себѣ такую ступень въ познаніи природы,

1) Théorie analytique des probabilités. III Éd. P. II et III. (Paris. éd. Coursier 1820).

на которой весь міровой процессъ былъ бы выраженъ въ одной математической формулѣ, при помощи колоссальной системы совмѣстныхъ дифференціальныхъ уравненій, изъ которой вытекало бы положеніе, направленіе движенія и скорость каждаго атома въ мірозданіи для любого момента времени“.

(„Denken wir uns alle Veränderungen in der Körperwelt in Bewegungen von Atomen aufgelöst, die durch deren konstante Zentralkräfte bewirkt werden, so wäre das Weltall naturwissenschaftlich erkannt . . . Ja es lässt eine Stufe der Naturerkenntnis sich denken, auf welcher der ganze Weltvorgang durch Eine mathematische Formel vorgestellt würde, durch Ein unermessliches System simultaner Differentialgleichungen, aus dem sich Ort, Bewegungsrichtung und Geschwindigkeit jedes Atoms im Weltall zu jeder Zeit ergäbe“) ¹⁾.

„Познаніе природы — выражаясь точнѣе, естественно-научное познаніе, или познаніе тѣлеснаго міра съ помощью и въ духѣ теоретическаго естествознанія — заключается въ сведеніи всѣхъ измѣненій, (совершающихся) въ тѣлесномъ мірѣ, къ движеніямъ атомовъ, обусловленнымъ дѣйствіемъ ихъ независимыхъ отъ времени центральныхъ силъ, или въ разрѣшеніи всѣхъ процессовъ природы въ механику атомовъ . . . Положенія механики могутъ быть выражены математически и отличаются той же аподиктической достовѣрностью, которая присуща положеніямъ математики. Поскольку (всѣ) измѣненія въ тѣлесномъ мірѣ сводятся къ постоянной суммѣ силъ напряженія и живыхъ силъ, или потенціальной и кинетической энергіи, связанной съ постояннымъ количествомъ матеріи, въ самихъ этихъ измѣненіяхъ не остается ничего необъясненнаго“.

(„Naturerkennen — genauer gesagt, naturwissenschaft-

1) Über die Grenzen des Naturerkennens. (Первое изданіе вышло въ 1872 году.) (Reden. Erste Folge. Leipzig 1886. S. 106, 107)

liches Erkennen oder Erkennen der Körperwelt mit Hilfe und im Sinne der theoretischen Naturwissenschaft — ist Zurückführen der Veränderungen in der Körperwelt auf Bewegungen von Atomen, die durch deren von der Zeit unabhängige Centralkräfte bewirkt werden, oder Auflösen der Naturvorgänge in Mechanik der Atome . . . Die Sätze der Mechanik sind mathematisch darstellbar, und tragen in sich dieselbe apodiktische Gewissheit, wie die Sätze der Mathematik. Indem die Veränderungen in der Körperwelt auf eine constante Summe von Spannkraften und lebendigen Kräften, oder von potentieller und kinetischer Energie zurückgeführt werden, welche einer constanten Menge von Materie anhaftet, bleibt in diesen Veränderungen selber nichts zu erklären übrig)¹⁾.

„Если — говорить Helmholtz — всѣ элементарныя субстанции неизмѣнны по своимъ качествамъ, а измѣняется только ихъ смѣшеніе, ихъ агрегація, то есть ихъ распредѣленіе въ пространствѣ, то всякое измѣненіе въ мірѣ заключается въ перемѣнѣ пространственнаго распредѣленія элементарныхъ частицъ вещества и осуществляется, въ концѣ концовъ, путемъ движенія. — Но, если движеніе является измѣненіемъ, лежащимъ въ основѣ всѣхъ другихъ измѣненій въ мірѣ, то всѣ элементарныя силы представляютъ собою силы движенія, и конечная цѣль естественныхъ наукъ заключается въ томъ, чтобы найти лежащая въ основѣ всѣхъ измѣненій движенія и вызывающія ихъ силы (и), такимъ образомъ, разрѣшиться въ механику“.

(„Sind . . . alle elementaren Substanzen unveränderlich nach ihren Eigenschaften und nur veränderlich nach ihrer Mischung, nach ihrer Aggregation, das heisst nach ihrer Vertheilung im Raume, so ist alle Veränderung in der Welt Änderung der räumlichen Verteilung der elementaren Stoffe und kommt in letzter Instanz zu Stande durch Bewegung.

1) Тамъ же. Стр. 105, 106.

— Ist aber Bewegung die Urveränderung, welche allen anderen Veränderungen in der Welt zu Grunde liegt, so sind alle elementaren Kräfte Bewegungskräfte, und das Endziel der Naturwissenschaften ist, die allen anderen Veränderungen zu Grunde liegenden Bewegungen und deren Triebkräfte zu finden, also sich in Mechanik aufzulösen“) ¹⁾.

Приведенные нами выдержки из произведений крупнейших представителей нового естествознания дают, как нам кажется, достаточно ясное и отчетливое представление о общей картинѣ міра въ механической филозофiи.

Разумѣется, этой картинѣ можно приписывать лишь эвристическое значеніе, видѣть въ ней только наглядную основу для того метода изслѣдованія, специально-научная цѣнность котораго засвидѣтельствована въ достаточной степени исторіей точныхъ наукъ за послѣднія три столѣтія.

Но, въ такомъ слѣчаѣ, мы имѣемъ дѣло уже не съ механическимъ міропониманіемъ, а съ опредѣленной „рабочей гипотезой“, примѣняемой съ огромнымъ успѣхомъ въ различныхъ областяхъ теоретическаго естествознанія.

Наше же изслѣдованіе посвящено механическому міропониманію, какъ опредѣленной онтологической концепціи и только съ нею и съ ея предпосылками мы будемъ имѣть дѣло.

Каковы же основныя и неустранимыя предпосылки механической онтологіи?

Элементарныя частицы матеріи ²⁾ движутся въ пространствѣ, послѣдовательно занимая различныя его части. Движеніе каждая частица начинаетъ не отъ себя, а получаетъ его непремѣнно отъ какой нибудь другой частицы, та, въ

1) Vorträge und Reden. Bd. I, (1884) S. 345 (Eröffnungsrede für die Naturforscherversammlung zu Innsbruck, 1869: Über das Ziel und die Fortschritte der Naturwissenschaft).

2) При этомъ безразлично, считаемъ ли мы элементами физическаго міра абсолютно-недѣлимые атомы или фактически-недѣлимые корпускулы.

свою очередь, от третьей и такъ далѣе, до бесконечности. Бесконечная передача движеній отъ одного атома къ другому составляетъ единственный реальный процессъ въ физическомъ мірѣ.

Процессъ этотъ предполагаетъ, во-первыхъ, неподвижное, однородное, абсолютное пространство, по отношенію къ которому опредѣляется абсолютное мѣсто или положеніе, занимаемое каждымъ атомомъ, и абсолютное движеніе, совершаемое имъ; во-вторыхъ, однородное, протекающее абсолютно-равномѣрно время, къ которому относятся послѣдовательные моменты всѣхъ физическихъ процессовъ, совершающихся въ мірѣ¹⁾.

Именно такъ опредѣляетъ въ своихъ „*Philosophiae naturalis principia mathematica*“ необходимыя предпосылки механическаго пониманія природы Ньютонъ.

„Времени, пространства, мѣста и движенія, — говоритъ онъ въ схолиі къ восьмому опредѣленію — какъ (понятій) хорошо извѣстныхъ всѣмъ, я не опредѣляю. Необходимо, однако, замѣтить, что толпа разсматриваетъ ихъ не иначе, какъ по отношенію къ вещамъ, даннымъ въ чувственномъ опытѣ, и отсюда возникаютъ нѣкоторыя заблужденія, для устраненія которыхъ слѣдуетъ раздѣлить (время, пространство, мѣсто и движеніе) на абсолютное и относительное, истинное и кажущееся, математическое и вульгарное“.

1) P. Duhem слѣдующимъ образомъ резюмируетъ основныя предположенія „геометрическаго“ пониманія природы:

„En la réalité extérieure à notre pensée il y a . . . un espace illimité, qu'ils (сторонники геометрическаго міропониманія — philosophes-géomètres) nomment l'espace absolu. Les corps que nous percevons occupent certaines portions de cet espace, et ces portions d'espace sont les lieux de ces corps . . . De même qu'il existe un espace absolu, il existe un temps absolu dont la réalité ne dépend ni de notre pensée ni de l'existence des corps et de leurs changements. — Aux divers instants d'une même durée absolue, un corps peut demeurer au même lieu de l'espace absolu; ce corps est alors en repos absolu; un corps peut, au contraire, occuper des lieux différents à des instants différents; il est alors en mouvement absolu. (Le système du monde. T. I, P. 34).

(„Tempus, Spatium, Locum et Motum, ut omnibus notissima, non definio. Notandum tamen, quod vulgus quantitates hasce non aliter quam ex relatione ad sensibilia concipiat. Et inde oriuntur praejudicia quaedam, quibus tollendis convenit easdem in absolutas et relativas, veras et apparentes, mathematicas et vulgares distingui¹⁾).

I. Абсолютное Время, истинное и математическое, само по себѣ и по своей природѣ, безъ всякаго отношенія къ чему бы то ни было внѣшнему, протекаетъ равномерно и называется иначе длительностью²⁾: относительное, кажущееся и вульгарное представляетъ собою чувственную и внѣшнюю мѣру . . . длительности, (относимой) къ движенію; ею-то пользуется толпа вмѣсто истиннаго времени, (говоря) о часѣ, днѣ, мѣсяцѣ, годѣ“.

(I. Tempus Absolutum, verum et mathematicum, in se et natura sua sine relatione ad externum quodvis, aequabiliter fluit, alioque nomine dicitur Duratio: Relativum, apparens, et vulgare est sensibilis et externa quaevis Durationis per motum mensura . . . qua vulgus vice veri temporis utitur; ut Hora, Dies, Mensis, Annus³⁾).

II. „Абсолютное Пространство, по своей природѣ не имѣющее никакого отношенія къ чему бы то ни было внѣшнему, всегда остается однороднымъ и неподвижнымъ: относительное есть мѣра этого пространства или нѣкоторая подвижная часть его, которую чувства опредѣляютъ по ея отношенію къ тѣламъ и (которую) толпа ошибочно принимаетъ за неподвижное пространство“.

(II. Spatium Absolutum, natura sua sine relatione ad externum quodvis, semper manet simile et immobile: Rela-

1) Philosophiae naturalis principia mathematica. Tomus I. Genevae, 1739. P. 11, 12.

2) Характерно, что въ наши дни посредствомъ этого термина (durée) Бергсонъ обозначаетъ какъ разъ психологическое время.

3) Ib. стр. 12.

tivum est spatii huius mensura seu dimensio quaelibet mobilis, quae a sensibus nostris per situm suum ad corpora definitur, et a vulgo pro spatio immobili usurpatur.¹⁾

III. „Мѣсто есть часть пространства, которую занимает (данное) тѣло; по (своему) отношенію къ пространству оно можетъ быть или абсолютнымъ или относительнымъ“.

(III. Locus est pars spatii, quam corpus occupat, estque pro ratione spatii vel Absolutus vel Relativus.²⁾

IV. Абсолютное Движеніе есть перемѣщеніе тѣла съ (одного) абсолютнаго мѣста въ (другое) абсолютное мѣсто, относительное — съ относительнаго въ относительное.

(IV. Motus Absolutus est translatio corporis de loco absoluto in locum absolutum, Relativus de relativo in relativum.³⁾

Итакъ, механическое міропониманіе предполагаетъ въ качествѣ своихъ необходимыхъ предпосылокъ абсолютное время, абсолютное пространство, абсолютное движеніе.

Намъ могутъ возразить на это, что многочисленные философы, которыхъ принято считать сторонниками механическаго взгляда на дѣйствительность, отказываются то отъ одной, то отъ другой изъ этихъ посылокъ.

Такъ, напримѣръ, послѣдователи Канта считаютъ время и пространство субъективными формами познанія, приложимыми только къ феноменальному міру, — это не мѣшаетъ имъ, однако, признавать механическое толкованіе явленій единственно-правильнымъ.

Механическое міропониманіе мы разсматриваемъ въ его типическихъ особенностяхъ, не считаясь съ тѣми или иными субъективными отклоненіями у различныхъ его представителей. Наша критика различныхъ рѣшеній проблемы сущаго „имѣетъ въ виду не какія-нибудь исторически данныя

1) Ib. стр. 12.

2) Ib. стр. 12.

3) Ib. стр. 13.

теоріи, въ ихъ индивидуальной сложности и нерѣдко случайности состава, она разсматриваетъ общія и основныя точки зрѣнія въ этой области, во всей полнотѣ ихъ логическихъ послѣдствій, — такъ сказать, типическія рѣшенія изучаемой проблемы во внутренней логикѣ признаваемыхъ ими началъ. Отдѣльныя ученія отдѣльныхъ мыслителей являются (для насъ) въ этомъ случаѣ лишь наглядными иллюстраціями правильности сдѣланной оцѣнки, которыя, однако, далеко не во всѣхъ своихъ частностяхъ и не по всѣмъ пунктамъ соотвѣтствуютъ чистотѣ изслѣдуемыхъ типовъ¹⁾.

Остаться до конца вѣрнымъ механической концепціи не удалось никому изъ философовъ.

Рано или поздно каждому изъ сторонниковъ занимающаго насъ міросозерцанія приходится дѣлать болѣе или менѣе далеко идущія уступки, вытекающія изъ принципиальной философской несостоятельности механическаго ученія.

Но сложное зданіе не разрушается сразу, немедленно вслѣдъ за разрушеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей его. Живущіе въ немъ порою долго не рѣшаются окончательно разобрать его, а ограничиваются частичными перестройками, лишь незначительно измѣняющими общій планъ и устройство дома.

Естествоиспытатели послѣднихъ трехъ столѣтій живутъ и работаютъ въ домѣ, возведенномъ усиліями великихъ философовъ и ученыхъ семнадцатаго вѣка.

Съ тѣхъ поръ домъ успѣлъ сильно обветшать, потребовались значительныя перестройки почти во всѣхъ его частяхъ, кое-гдѣ пришлось поставить подпоры и положить новый фундаментъ, но все-таки это осталось то же зданіе,

1) Мы воспользовались для опредѣленія того метода, которому мы слѣдуемъ въ нашей критикѣ, чрезвычайно удачной формулировкой его у Л. М. Лопатина въ „Положительныхъ задачахъ философіи“ (Ч. I. Изд. II. Стр. VIII).

надъ возведеніемъ котораго трудились Галилей и Ньютонъ, Декартъ и Лейбницъ.

Возвращаясь къ предложенному намъ возраженію: какъ согласовать наше утвержденіе о необходимыхъ предпосылкахъ механическаго міропониманія съ существованіемъ вліятельной школы, настаивающей на механическомъ характерѣ всего происходящаго въ природѣ и въ то же время признающей субъективность пространства и времени, этихъ двухъ важныхъ предпосылокъ механической концепціи, — мы можемъ отвѣтить слѣдующее.

Поскольку кантіанцы остаются вѣрными ученію о абсолютной непознаваемости міра вещей въ себѣ, постольку они являются сторонниками не механическаго, а скептическаго міропониманія.

Однако значительное большинство ихъ или скоро забываетъ о мірѣ ноуменальномъ и обращается всецѣло къ міру явленій, или же отказывается отъ самой мысли о дѣйствительности, недоступной нашему познанію, и приходитъ къ тому убѣжденію, что никакого иного міра, кромѣ того, который данъ въ нашемъ чувственномъ опытѣ, не существуетъ — и въ такомъ случаѣ механическое міропониманіе оказывается возстановленнымъ во всѣхъ своихъ правахъ, даже больше: разившимся и окрѣпшимъ въ вынесенной имъ борьбѣ: вѣдь механическое толкованіе явленій по Канту вытекаетъ изъ самой природы нашего разума, являясь, такимъ образомъ, единственно-научнымъ и необходимымъ. А вмѣстѣ съ общимъ міропониманіемъ возвращаются и его необходимыя предпосылки.

Итакъ, механическое пониманіе дѣйствительности предполагаетъ въ качествѣ своихъ неустранимыхъ предпосылокъ реальность времени, реальность пространства и реальность движенія. Намъ предстоитъ, поэтому, перейти къ детальному критическому разсмотрѣнію этихъ предпосылокъ.

Прежде, однако, чѣмъ разсуждать о реальности чего

бы то ни было, очевидно, необходимо выяснить вопросъ, какое содержаніе вкладываемъ мы въ понятіе реальнаго, или подлинно-сущаго.

Всякая наука предполагаетъ бытіе, или существованіе того предмета, который она изслѣдуетъ. Однако, что такое бытіе и на какомъ основаніи оно приписывается изслѣдуемому ею предмету — на этотъ вопросъ ни одна изъ частныхъ научныхъ дисциплинъ не въ состояніи дать отвѣта. Именно поэтому всѣ науки въ самомъ своемъ корнѣ условны: первыя ихъ основанія, безъ которыхъ онѣ не могли бы сдѣлать ни шагу впередъ, принимаются ими готовыми и не подлежащими спору; относятся ли, однако, эти первыя основанія въ той или иной сторонѣ подлинной дѣйствительности или же они имѣютъ чисто условный характеръ, это для частной области научнаго изслѣдованія по существу безразлично.

Напротивъ, метафизика съ первыхъ же шаговъ своего развитія сосредоточиваетъ свои усилія на рѣшеніи проблемы истинно-сущаго: среди всѣхъ проблемъ, волнующихъ человеческую мысль, проблемъ этой по праву принадлежитъ первое мѣсто.

I. Понятія сущаго и бытія.

Изучая развитіе той или иной философской идеи въ рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ системъ, мы невольно поражаемся своеобразной внутренней логикой, господствующей надъ этимъ развитіемъ.

Одна и та же идея проходитъ у отдѣльныхъ мыслителей послѣдовательный рядъ моментовъ, въ которыхъ она раскрывается со все большей полнотою. Высшій моментъ оказывается какъ завершеніемъ всего развитія, такъ и цѣлью, къ которой оно было направлено и которая, такимъ образомъ, сообщаетъ смыслъ всему процессу.

Но эта внутренняя цѣлесообразность, присущая посту-

пательному движенію умозрительныхъ идей, осознается обыкновенно только на высшей ступени, когда процессъ развитія относительно уже закончился; пока онъ еще только совершается, пробѣгая свои послѣдовательные моменты въ системахъ отдѣльныхъ крупныхъ мыслителей, никто обыкновенно не улавливаетъ его направленія.

Особенно характерна при этомъ иллюзія тѣхъ философовъ, у которыхъ данная идея раскрылась съ той или иной новой стороны; эта сторона чаще всего въ такой степени затемняетъ въ сознаніи ихъ творцовъ всѣ другіе возможные моменты въ раскрытіи данной идеи, что они склонны считать ее единственнымъ и исключительнымъ выраженіемъ истины¹⁾.

Въ противопоставленіи одного момента въ развитіи той или иной отвлеченной идеи всѣмъ другимъ какъ уже осуществившимся, такъ и только возможнымъ моментамъ и заключается источникъ односторонности, присущей большинству отвлеченныхъ теорій. Напротивъ, лучшимъ показателемъ универсальности даннаго ученія является гармоническое примиреніе всѣхъ относительно равноправныхъ моментовъ въ развитіи его основной идеи, примиреніе, въ которомъ высшій моментъ не упраздняетъ низшихъ, а сочетаетъ ихъ въ своемъ единствѣ.

Къ этой цѣли и стремится развитіе философской мысли²⁾.

1) „Историческая послѣдовательность философскихъ ученій представляетъ рядъ смѣняющихся точекъ зрѣнія на одни и тѣ же вопросы. Каждая система считаетъ свои заключенія за безусловно-вѣрныя и въ извѣстномъ смыслѣ она права: ея выводы изъ основныхъ предположеній обыкновенно бываютъ логически совершенно правильны. Но самыя предположенія искажаютъ истину, потому что они недостаточны; они высказываютъ лишь одну, какую нибудь сторону истины, а не всю ее“. (Лопатинъ. Положительныя задачи философіи, Часть I. Изд. II. Стр. 352, 353.)

2) Разумѣется, это еще не значитъ, что всякая послѣдующая философская система дѣлаетъ шагъ впередъ въ сравненіи съ предыдущими. Очень часто философія безпомощно топчется на одномъ мѣстѣ или примыкаетъ къ ступенямъ, давно пройденнымъ подлиннымъ развитіемъ философской мысли. Дѣйствительное историческое значеніе принад-

Что же сообщает ему опредѣленное направлѣніе, благодаря которому его отдѣльные моменты образуютъ нѣкоторый связанный рядъ?

Мы встрѣчаемъ тутъ чрезвычайно трудную проблему, путь къ рѣшенію которой однако уже указанъ намъ величайшимъ философскимъ гениемъ древности — Платономъ.

Душа человѣческая — учитъ Платонъ — до своего воплощенія созерцала вѣчные прообразы сущаго — идеи. Вслѣдствіе грѣхопаденія она утратила свою связь съ ними и только путемъ глубокаго внутренняго перерожденія она можетъ опять приобщиться имъ. Разумное познаніе и заключается въ томъ, что душа со все большею отчетливостью „вспоминаетъ“ то, что она созерцала въ мірѣ идей.

Разумъ по самой своей природѣ причастенъ истинѣ, потенціально она дана въ немъ во всей своей полнотѣ, но въ началѣ разумъ сознаетъ ее только смутно, затѣмъ усваиваетъ только ея отдѣльныя стороны, далѣе синтезируетъ эти стороны и этимъ достигаетъ болѣе полного выраженія ея. На всѣхъ этихъ ступеняхъ имъ руководятъ не впечатлѣнія, получаемыя отъ внѣшней дѣйствительности, — сами по себѣ эти впечатлѣнія не могутъ дать никакого связаннаго

лежитъ очень немногимъ системамъ. Въдѣ исторія предполагаетъ процессъ внутренняго творческаго роста, расширения стараго и органическаго присоединенія къ нему новаго. Дѣятельно участвуютъ въ этомъ процессѣ только очень немногіе избранные умы, и только къ нимъ можетъ быть примѣнено глубокое замѣчаніе Шопенгауэра, утверждающаго, что всѣ настоящіе мыслители въ сущности согласны другъ съ другомъ и что различіе ихъ взглядовъ зависитъ исключительно отъ тѣхъ угловъ зрѣнія, подъ которыми они разсматриваютъ одну и ту же дѣйствительность:

„Zu einem Selbstdenker verhält sich der gewöhnliche Bücherphilosoph, wie zu einem Augenzeugen ein Geschichtsforscher. Jener redet aus eigener, unmittelbarer Auffassung der Sache. Daher stimmen alle Selbstdenker im Grunde doch überein, und ihre Verschiedenheit entspringt nur aus der des Standpunktes: wo aber dieser nichts ändert, sagen sie alle dasselbe“.

Parerga und Paralipomena. II Bd. § 263.

Sämmtl. Werke hersgb. v. E. Grisebach Bd. V. S. 523.

знанія о чемъ бы то ни было — но та идеальная норма истины, которая составляетъ его изначальное достояніе.

Раскрытіе этого достоянія во всей его полнотѣ и составляетъ ту, быть можетъ, безконечно-далекую задачу, которую духъ выполняетъ, развиваясь въ различныхъ областяхъ человѣческаго творчества.

Попытаемся примѣнить эти краткія и высказанныя по необходимости въ догматической формѣ соображенія (намъ предстоитъ въ послѣдствіи подробно развить и обосновать ихъ) къ центральной метафизической проблемѣ — проблемѣ истинно-сущаго.

Наивный реализмъ.

Исходнымъ пунктомъ въ философскомъ развитіи какъ всего человѣчества, такъ и cadaго изъ насъ въ отдѣльности является то представленіе о мірѣ, которое принято называть наивнымъ реализмомъ.

На этой ступени противоположность между объективно и независимо отъ насъ существующимъ и тѣмъ, что дано намъ только въ нашемъ сознаніи, еще не играетъ той роли, которую она приобретаетъ въ послѣдствіи для болѣе развитого философскаго мышленія. За рѣдкими исключеніями мы относимся съ безусловнымъ довѣріемъ къ показаніямъ нашихъ чувствъ: мы не сомнѣваемся въ томъ, что предметы внѣшней дѣйствительности ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ образовъ, которые мы находимъ въ нашемъ сознаніи, да и сама двойственность образа и вызывающаго его предмета первоначально сознается нами довольно смутно.

Скоро, однако, многочисленные обманы нашихъ чувствъ начинаютъ колебать наше довѣріе къ ихъ показаніямъ, мы устанавливаемъ различіе между тѣмъ, что „есть на самомъ дѣлѣ“ и что „намъ только кажется“. Въ первый разрядъ мы относимъ предметы внѣшней дѣйствительности, съ кото-

рыми мы встрѣчаемся въ чувственномъ опытѣ и въ нашей практической дѣятельности, во второй — тѣ наши переживанія, которыя непосредственно не связаны съ предметами внѣшняго опыта.

Однако, проведя это искусственное, имѣющее только узко-практическій смыслъ, различіе, мы скоро начинаемъ испытывать новое затрудненіе.

Въ природѣ все подвержено непрерывному измѣненію. Относительная неизмѣнность нѣкоторыхъ матеріальныхъ предметовъ, заставляющая насъ имъ по преимуществу приписывать объективную реальность, оказывается раньше или позже призрачной. То, что есть сегодня, того не было вчера и не будетъ завтра.

Этотъ преходящій характеръ всего существующаго очень рано поражаетъ умъ человѣка: съ первыхъ же своихъ шаговъ философская мысль настойчиво ставитъ вопросъ о неизмѣненномъ и пребывающемъ бытіи въ противоположность измѣнчивому и преходящему и стремится тѣмъ или инымъ путемъ свести послѣднее къ первому.

Іоническая натурфилософія.

Если мы обратимся къ греческой философіи, которой принадлежитъ то важное преимущество передъ философіей среднихъ вѣковъ или новаго времени, что въ ней основные типы умозрѣнія выступаютъ въ наиболѣе простой и естественной, ничѣмъ не осложненной формѣ, то у самаго ея порога насъ встрѣтятъ космогоническія гипотезы іоническихъ натурфилософовъ.

Ставя вопросъ о происхожденіи многообразныхъ міровыхъ формъ изъ первоначальнаго простого состояніи матеріи, и опредѣляя его затѣмъ то какъ воду, то какъ воздухъ, то какъ „безграничное“, родоначальники европейской спекуляціи противопоставляютъ это первоначальное простое бытіе на-

блюдаемой нами конкретной действительности въ качествѣ ея абсолютной основы¹⁾.

Въ этомъ противоположеніи измѣнчиваго міра явленій его неизмѣнной основѣ вся заслуга іонійцевъ предъ исторіей философской мысли.

П а р м е н и д ъ.

Идея неизмѣннаго сущаго, только намѣчающаяся въ іонійской натурфилософіи выступаетъ съ удивительною ясностью и отчетливостью у Парменида и его продолжателей.

Въ лицѣ Парменида мы имѣемъ перваго неуклонно-послѣдовательнаго и смѣлаго представителя раціонализма въ теоріи знанія.

И съ первыхъ же шаговъ приложеніе предпосылокъ послѣдняго къ вопросу о подлинно-сущемъ приводитъ къ совершенно новому отвлеченно-идеалистическому, или панлогистическому міропониманію.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что у Парменида мы находимъ не первые неясные зародыши этого міропониманія — напротивъ, его система представляетъ собою классическую форму панлогизма какъ по своему происхожденію, такъ и по своему составу.

Свою основную проблему эта система заимствуетъ изъ религіозной спекуляціи.

1) Такъ какъ наши свѣдѣнія о Милетской школѣ основываются почти всецѣло на доксографическомъ матеріалѣ, то трудно рѣшить, насколько ясно и отчетливо выступаетъ у самихъ ея представителей идея неизмѣннаго подлинно-сущаго, лежащаго въ основѣ всякой дѣйствительности. Если обратиться къ самому компетентному свидѣтелю въ этомъ вопросѣ Аристотелю, то тѣ опредѣленія „перваго начала“ раннихъ греческихъ физиковъ, которыя мы у него находимъ (безначальное, не возникающее и не уничтожающееся, всеобъемлющее и всѣмъ управляющее, божественное, безсмертное и неразрушимое — Phys. 4, 203 В: *τοῦ ἀπείρου οὐκ ἔστιν ἀρχή, ἀγένητον καὶ ἀφθαρτον, περιέχειν πάντα καὶ πάντα κυβερνᾶν, τὸ θεῖον, ἀθάνατον καὶ ἀνώλεθρον*) даютъ намъ полное право усмотрѣть, по крайней мѣрѣ первые зародыши этой важнѣйшей метафизической идеи у милетскихъ философовъ.

Парменидъ непосредственно примыкаетъ къ Ксенофану, онъ продолжаетъ отвлеченныя изысканія своего учителя о подлинно-сущемъ, но въ то же время придаетъ имъ такой характеръ и направленіе, что общей у обѣихъ системъ остается только основная проблема, рѣшеніе же ея приводитъ въ значительной степени къ прямо противоположнымъ результатамъ.

Уже въ этомъ отношеніи ученіе Парменида является прообразомъ всѣхъ позднѣйшихъ видоизмѣненій панлогизма.

Въ качествѣ своего исходнаго пункта панлогизмъ непремѣнно предполагаетъ результатъ высшаго расцвѣта религіознаго сознанія — монотеистическое ученіе. И такъ же неизбѣжно послѣдовательное развитіе предпосылокъ, съ которыми работаетъ панлогизмъ, приводитъ къ отказу отъ исходнаго пункта его и къ переходу на совершенно иную и своеобразную точку зрѣнія.

Какимъ же образомъ совершается этотъ переходъ?

Въ основѣ его, какъ мы указывали, лежитъ прежде всего ультра-раціоналистическая теорія знанія. Отождествленіе отвлеченной мысли и подлиннаго сущаго возможно только тамъ, гдѣ уже совершилось противопоставленіе самодовлѣющей мысли, какъ единственнаго источника подлиннаго знанія, дѣйствительности, съ одной стороны, и чувственнаго опыта, съ другой. Истина познается исключительно чистой мыслью, возвышающейся и отвлеченной отъ какого бы то ни было конкретнаго содержанія. Подлинное знаніе должно вытекать изъ анализа понятій, которыя въ самихъ себѣ носятъ ручательство за реальность своихъ объектовъ и за безусловное соотвѣтствіе съ ними.

У Ксенофана подлинная дѣйствительность принадлежитъ единой разумной, цѣлесообразно-дѣйствующей, возвышающейся надъ всѣми конечными опредѣленіями основѣ всего существующаго. Ученіе о природѣ сущаго представляетъ у него сложный продуктъ критики вульгарнаго антро-

поморфизма, требованій нравственнаго сознанія и, наконецъ, глубокой религіозно-мистической интуиціи ¹⁾).

Какъ во всѣхъ великихъ созданіяхъ религіознаго творчества, въ монотеистическомъ ученіи участвуютъ и гармонически сочетаются всѣ силы человѣческаго духа.

Въ цѣлостномъ религіозномъ сознаніи отвлеченная мысль занимаетъ не центръ, а периферію и ужъ во всякомъ случаѣ она не претендуетъ на то, чтобы устранить всѣ остальные силы, дѣйствующія въ немъ, и встать самой на ихъ мѣсто.

Но какъ разъ на такой путь вступаетъ въ лицѣ Парменида панлогизмъ, опирающійся на ультра-раціоналистическую теорію знанія.

Вся истина — въ отвлеченныхъ созданіяхъ нашей мысли; единственный путь къ ней ведетъ черезъ сосредоточеніе на ихъ самодовлѣющемъ содержаніи. Подлинныя признаки сущаго должны представлять аналитически выводимыя слѣдствія понятія о немъ, путь мистическій къ познанію его природы долженъ смѣниться путемъ всецѣло раціоналистическимъ.

Слѣдуя по этому пути, мы должны принципиально и разъ навсегда отказаться отъ какихъ бы то ни было заимствованій изъ внѣшняго и внутренняго опыта, отъ какихъ бы то ни было привнесеній со стороны интуиціи.

И Парменидъ на самомъ дѣлѣ выполняетъ эти требованія. Вся его система представляетъ не что иное, какъ отвлеченный анализъ понятія сущаго; границы этого анализа — границы системы.

„Сущее есть“ — таково верховное положеніе доктрины. „Сущее есть и невозможно, чтобы его не было... несущаго

¹⁾ Ср. Аристотель. *Metaph.* I, 5, p. 986 В. 24 и Секстъ Эмпирикъ, *Pyrrh.* I, 224.

нѣтъ... (оно) не можетъ быть предметомъ познанія.... и о немъ нельзя (вообще) ничего утверждать“ (Фрагментъ 4)¹⁾.

Въ этихъ утвержденіяхъ, или точнѣе въ этомъ утвержденіи (такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ варіаціями одной мысли), часто видѣли простую тавтологію. Въ извѣстномъ отношеніи такой оцѣнкѣ нельзя отказать въ правильности: панлогизмъ, въ самомъ дѣлѣ, покоится на тавтологіи, не слѣдуетъ только упускать изъ виду, что въ ней заключено въ скрытомъ видѣ метафизическое предположеніе исключительной важности.

Утвержденіе „сущее есть“ по своему содержанію тождественно съ утвержденіемъ: „сущему принадлежитъ въ качествѣ его предиката бытіе“ или „бытіе есть предикатъ сущаго“. Если въ это положеніе не привносить никакихъ специальныхъ посылокъ, если имѣть въ виду лишь его непосредственный смыслъ, то изъ него нельзя сдѣлать никакихъ онтологическихъ выводовъ.

Что „сущее“ есть, это очевидно изъ его понятія; о его внутренней природѣ, каковъ самъ въ себѣ тотъ субъектъ, которому принадлежитъ предикатъ бытія, наше утвержденіе не говоритъ ничего. И если Парменидъ строить на немъ цѣлую систему, притомъ чрезвычайно послѣдовательную и остроумную, то это возможно лишь благодаря скрытой послылкѣ, которая постоянно присутствуетъ въ выводахъ нашего философа, но которая непосредственно въ исходномъ положеніи его доктрины никакъ не содержится.

1) Diels. Fragmente der Vorsokratiker. T. I, 1. Изд. 2. Стр. 116; 16—26.

*εἰ δ' ἄν' ἐγὼν ἐρέω, κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας,
αἴπερ' ὁδοὶ μοῦναι διζήσιός εἰσι νοῆσαι·
ἢ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὥς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι,
Πειθοῦς ἐστι κέλευθος (Ἀληθείῃ γὰρ ὁπῶδει),
ἢ δ' ὥς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὥς χρεὼν ἐστι μὴ εἶναι,
τὴν δὴ τοι φράξω παναπενθέα ἔμμεν ἀταρπόν.
οὔτε γὰρ ἂν γνῶις τό γε μὴ ἔδν (οὐ γὰρ ἀνυστόν)
οὔτε φράσαις.*

Этой скрытой посылкой панлогизма Парменида, а, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, и всякаго панлогизма, является отождествленіе бытія и сущаго.

Для Парменида предикатъ бытія выражаетъ собою всю природу сущаго. Всѣ признаки послѣдняго суть лишь аналитическіе выводы изъ понятія сущаго, какъ бытія. Только въ томъ случаѣ, если понятіе сущаго совершенно совпадаетъ съ понятіемъ бытія, аналитическое раскрытіе послѣдняго ведетъ также къ адекватному познанію природы сущаго.

Въ теистическомъ міропониманіи безусловному началу дѣйствительности на ряду съ предикатомъ (необходимаго) бытія принадлежитъ рядъ другихъ предикатовъ, какъ-то: разумность, всемогущество, вѣчность, неизмѣнность и т. д.

Парменидъ находитъ всѣ эти предикаты подлинно-сущаго у своего учителя Ксенофана, но, задавшись цѣлью строго-раціоналистическаго вывода всѣхъ признаковъ сущаго изъ отвлеченнаго понятія о немъ, онъ устраняетъ изъ числа ихъ тѣ, которые такому выведенію не поддаются.

Такъ разумность и цѣлесообразная дѣятельность безусловнаго начала вовсе не вытекаютъ изъ отвлеченнаго понятія о сущемъ, разъ вся его природа исчерпывается предикатомъ бытія, — напротивъ такіе признаки, какъ единство, неизмѣнность и вѣчность выводятся, какъ мы увидимъ, чисто отвлеченнымъ путемъ.

Итакъ, Парменидъ, взявъ изъ монотеистическаго міропониманія его основную проблему о подлинномъ началѣ существующаго, пытается рѣшить ее, опираясь при этомъ на ультра-раціоналистическую теорію знанія. Теорія эта требуетъ строго дедуктивнаго вывода признаковъ подлинно-сущаго изъ отвлеченнаго понятія о немъ. Съ этою цѣлью Парменидъ отождествляетъ сущее съ принадлежащимъ ему предикатомъ бытія и этимъ путемъ получаетъ верховное опредѣленіе, адекватно выражающее природу сущаго.

Всѣ дальнѣйшіе признаки его должны логически вытекать изъ этого верховнаго опредѣленія.

Намѣтимъ вкратцѣ путь, по которому движется мысль Парменида.

Сущее не могло ни возникнуть, ни исчезнуть. Изъ сущаго оно не можетъ возникнуть, потому что оно само сущее, изъ „несущаго“ оно не можетъ произойти потому, что его вовсе нѣтъ. Тѣ же основанія говорятъ противъ возможности исчезновенія сущаго.

Возвышаясь, въ силу своего понятія надъ процессомъ становленія, сущее неизмѣнно и вѣчно.

„Сущее едино“. Нашъ опытъ имѣетъ дѣло съ множественностью объектовъ, но, если мы припишемъ эту множественность подлинной дѣйствительности, то мы признаемъ, что на ряду съ „сущимъ“ и внѣ его даны другія „сущія“. Но то, что существуетъ внѣ „сущаго“, есть „несущее“, „несущаго“ же нѣтъ вовсе, слѣдовательно, сущее одно.

Единство подлинной дѣйствительности доказывается путемъ очень несложнаго силлогизма:

То, что (существуетъ) внѣ сущаго, есть несущее.

Несущаго вовсе нѣтъ.

Сущее одно.¹⁾

Совершенно такимъ же путемъ выводятся и другіе признаки сущаго, его неподвижность и отсутствіе въ немъ частей.

Мы уже говорили о томъ, что, разсматривая міросозерцаніе Парменида, ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду его генетической связи съ монотеизмомъ Ксенофана.

Всѣ отвлеченныя опредѣленія сущаго, которыя мы находимъ у Парменида, выступаютъ и у его учителя, только путь

1) $\tau\acute{o} \pi\alpha\rho\acute{\alpha} \tau\acute{o} \delta\nu, \sigma\upsilon\chi \delta\nu$
 $\tau\acute{o} \sigma\upsilon\chi \delta\nu \sigma\upsilon\delta\delta\acute{\epsilon}\nu$

 $\xi\nu \acute{\alpha}\rho\alpha \tau\acute{o} \delta\nu.$

къ этимъ опредѣленіямъ у каждаго изъ мыслителей совершенно иной.

Въ то время, какъ Ксенофанъ приходитъ къ нимъ классическимъ ¹⁾ путемъ религіозной спекуляціи, Парменидъ беретъ ихъ готовыми у родоначальника элейской школы.

Онъ не создаетъ ихъ вновь, не продумываетъ тѣхъ основаній, которыя привели къ нимъ; внутреннія, движущія силы монотеистической концепціи ему совершенно чужды.

Взявъ конечный результатъ сложнаго духовнаго процесса, ученіе о единомъ Богѣ и Его свойствахъ, Парменидъ пытается реконструировать его на строго раціоналистической основѣ. Тѣ свойства Божества, которыя не поддаются отвлеченному выведенію, тѣмъ самымъ устраняются изъ системы.

Въ ученіи о подлинной основѣ дѣйствительности Парменидъ не открываетъ новыхъ путей, онъ не расширяетъ, а суживаетъ рамки доктрины.

Окончательный выводъ отвлеченныхъ изысканій Парменида о подлинно-сущемъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ.

Существуетъ только единая, не подлежащая опредѣленіямъ времени и пространства реальность, въ которой совершенно отсутствуютъ сложность и множественность, измѣненіе и движеніе.

Міръ нашего опыта, внутренняго и внѣшняго, къ которому какъ разъ приложимы всѣ эти категоріи, не болѣе, какъ призракъ нашей чувственности.

Подлинно-сущее не имѣетъ ничего общаго съ дробностью и неустойчивостью конкретной дѣйствительности, оно постигается единственно и исключительно чистой отвлеченной мыслью.

1) Классическимъ въ томъ смыслѣ, что мы находимъ его во всѣхъ религіяхъ, возвысившихся до монотеизма.

Но что же такое эта чистая мысль, въ какомъ отноше-
ніи находится она къ сущему?

Сущее — одно, на ряду съ нимъ не можетъ суще-
ствовать ничего иного; мысль не можетъ быть „другимъ
сущимъ“, и если все едино, то и наша чистая мысль, имѣю-
щая своимъ предметомъ единое сущее, составляетъ съ нимъ
одно и то же.

Истина о сущемъ есть само сущее, въ подлинномъ зна-
ніи мысль и его объектъ совершенно тождественны:

*ταὐτὸν ὃ ἐστὶ νοεῖν τε καὶ οὐκ ἐκὲν ἐστὶ νόημα*¹⁾.

Ученіе о тождествѣ сущаго и отвлеченной мысли пред-
ставляетъ собою завершеніе всей метафизики Парменида,
однако, при болѣе внимательномъ анализѣ ея становится
очевиднымъ, что конечный результатъ системы въ скрытомъ
видѣ уже содержался и подразумѣвался въ ея исходномъ
утвержденіи: отвлеченная спекуляція родоначальника пан-
логизма описываетъ совершенно законченный кругъ, начало
и конецъ ея совпадаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы уже говорили, изъ посылки
„сущее есть“ нельзя было бы сдѣлать никакихъ рѣшительно
выводовъ, если бы въ ней не подразумѣлось тождество
бытія, какъ предиката сущаго съ самимъ сущимъ.

Но что такое бытіе, которое въ качествѣ предиката
принадлежитъ сущему, въ себѣ самомъ никакой реальностью
не обладающему?

Что такое сущее, весь смыслъ котораго въ томъ, что
оно является субъектомъ бытія, и не имѣя никакой иной
дѣйствительности, совершенно тождественно съ своимъ
предикатомъ?

Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя чисто отрицательными
отвлеченностями, созданіями мысли, возвысившейся надъ
какимъ бы то ни было содержаніемъ и, слѣдовательно,

1) Parm. B. 8, 34 (Diels. I. 120, 13).

имѣющей своимъ объектомъ исключительно самое себя въ своей отвлеченности отъ всего.

Ясно, такимъ образомъ, что „сущее“ Парменида съ самаго начала не что иное, какъ чистая мысль.

Тождество сущаго и мысли не конечный результатъ системы, а ея основная предпосылка.

Но предпосылка эта заключаетъ въ себѣ логическую ошибку: мысль предполагаетъ то, что въ ней мыслится, предикатъ невозможенъ безъ субъекта; если предметомъ мысли является мысль, лишенная какого бы то ни было содержания, короче — мысль, въ которой ничего не мыслится, если предикатъ относится къ субъекту, который лишенъ всякой реальности и ничѣмъ отъ своего предиката не отличается, то все міросозерцаніе построено на понятіяхъ, заключающихъ въ себѣ логическое противорѣчіе.

Нельзя однако не признать, что, допустивъ это противорѣчіе въ самой основѣ системы, Парменидъ строить на ней дальнѣйшіе выводы съ неумолимой послѣдовательностью.

Отвлеченное единство исключаетъ конкретную множественность, сложность и измѣнчивость.

Конкретные процессы природы ни въ какомъ отношеніи къ „сущему“ не находятся, не объединены съ нимъ ни реальною, ни логическою связью; они представляютъ собою всецѣло призрачныя созданія нашей чувственности, и истинному познанію до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

Ни одно изъ позднѣйшихъ видоизмѣненій панлогизма не можетъ удержаться на такой абстрактной высотѣ.

Всѣ они тѣмъ или инымъ путемъ пытаются связать конкретную дѣйствительность, господствующіе въ ней законы и подчиненные имъ процессы, съ дѣйствительностью безусловной необходимою логическою связью, вывести первую изъ послѣдней.

Всѣ послѣдующіе представители панлогизма игнори-

рують важнѣйшее положительное приобрѣтеніе философіи Парменида, составляющее ея несомнѣнную и крупную заслугу передъ человѣческой мыслью: отъ абстрактнаго Еди-наго къ конкретному Многому нѣтъ и не можетъ быть перехода.

Исторія послѣпарменидовскаго панлогизма въ сущности не что иное, какъ рядъ попытокъ обойти этотъ выводъ.

Всѣ основные моменты ученія о абсолютно-сущемъ, какъ они выступаютъ у родоначальника панлогистической философіи, сохраняются и у его продолжателей, но на этой общей основѣ вырастаетъ рядъ системъ, устранивающихъ утвержденіе о безусловной замкнутости и непричастности подлинно-сущаго конкретной дѣйствительности.

Ядро концепціи остается неизмѣненнымъ на всемъ протяженіи ея многовѣкового развитія¹⁾, но около него послѣдовательно группируются различныя идейныя образованія, стремящіяся связать преходящій міръ нашего опыта съ неизмѣннымъ сущимъ, какъ его необходимымъ логическимъ основаніемъ.

Различныя пути къ установленію этой связи и образуютъ отдѣльныя стадіи развитія панлогистической концепціи. Съ полнымъ правомъ ихъ можно сравнить съ развѣтвленіями одного и того же дерева.

Мы потому такъ подробно остановились на философіи Парменида, что въ ней впервые за всю исторію человѣческой мысли выступаетъ панлогистическая концепція дѣйствительности.

1) Бытіе, какъ предикатъ подлинно-сущаго, полагающій всю его дѣйствительность, мы находимъ впослѣдствіи и въ „l'Être en général“ Мальбранша, и въ „ens, cuius essentia involvit existentiam“ Спинозы, и въ „das absolute Sein“ Гегеля, и въ „esse in communi“ Gioberti, Фабра, Ubaghs и другихъ представителей католическаго онтологизма въ прошломъ столѣтіи.

Изъ установленныхъ нами типическихъ формъ умозрѣнія панлогизмъ, такимъ образомъ, исторически предшествуетъ всѣмъ другимъ концепціямъ.

Парменидъ въ первой части своей поэмы послѣдовательно проводитъ отказъ отъ какихъ бы то ни было опредѣленій сущаго, основанныхъ на аналогіи съ матеріальнымъ міромъ: „сущее“ познается только чистою отвлеченною мыслью, и всѣ его опредѣленія вытекаютъ исключительно изъ понятія о немъ. Вставъ на эту точку зрѣнія, Парменидъ неизбежно приходитъ къ отождествленію сущаго и отвлеченной мысли. Однако, сдѣлавъ этотъ выводъ, родоначальникъ панлогизма самъ останавливается въ смущеніи передъ той абстрактной высотой, на которую поднялось его умозрѣніе.

Внезапно оставивъ путь строго-отвлеченнаго выведенія признаковъ сущаго, Парменидъ утверждаетъ, что оно „имѣетъ послѣднюю границу“ и „подобно массѣ шара“, части котораго абсолютно однородны, такъ какъ „нѣтъ никакого не-сущаго, которое могло бы помѣшать бытію достигнуть полной однородности и никакого сущаго, въ силу котораго въ одномъ мѣстѣ было бы больше сущаго, чѣмъ въ другомъ, ибо оно совершенно неприкосновенно. Повсюду равное себѣ, оно пребываетъ въ своихъ границахъ, какъ одно и то же“¹⁾.

Уже въ этомъ фрагментѣ отчетливо выступаетъ мысль, что сущее есть то же, что наполненіе пространства (τὸ πλεόν), несущее же не что иное, какъ пустота (τὸ κενόν).

1) Diels. Op. cit. I, стр. 121; 3—10 (Parm. B. 8, 42—49).

αὐτὰρ ἐπεὶ πείρας νόματον, τετελεσμένον ἐστὶ
πάντοθεν, εὐκύνκλον σφαίρης ἐναλίγκιον ὄγκῳ,
μεσσοῦθεν ἰσοπαλὲς πάντῃ· τὸ γὰρ οὔτε τι μεῖζον
οὔτε τι βαιότερον πελέναι χρεόν ἐστι τῇ ἢ τῇ.
οὔτε γὰρ οὐδ' ἔον ἐστι, τό κεν πάντοι μιν ἵκνεῖσθαι
εἰς ὁμόν, οὔτ' ἔον ἐστι, ὅπως εἴη κεν ἔντονος
τῇ μᾶλλον τῇ δ' ἥσσον, ἐπεὶ πᾶν ἐστὶν ἄσυκλον·
οἱ γὰρ πάντοθεν ἴσον, ὁμῶς ἐν πείρασι κύρει.

Если несущаго нѣтъ, то нѣтъ и пустого пространства; все наполнено безусловно однородной массой.

Съ этой точки зрѣнія отрицаніе множественности и реальныхъ измѣненій въ матеріи получаетъ новый смыслъ: въ массѣ, части которой ничѣмъ не различаются другъ отъ друга, сложность и движеніе совершенно невозможны.

Матеріалистическій уклонъ философіи Парменида¹⁾ чрезвычайно характеренъ для всѣхъ безъ исключенія представителей панлогизма.

Въ концѣ концовъ, ни одинъ изъ нихъ не удовлетворяется чисто-отвлеченнымъ пониманіемъ сущаго.

Надъ абстрактными построеніями раньше или позже торжествуетъ побѣду потребность въ наглядномъ представленіи всего мыслимаго: безплотныя созданія нашей отвлекающей способности облакаются въ нѣкоторую пластическую форму.

У Спинозы абсолютная основа дѣйствительности оказывается протяженной субстанціей (*Extensio attributum Dei est, sive Deus est res extensa*)²⁾.

Въ системѣ Гегеля подлинная основа всего существующаго, идея, переходя въ свое „инобытіе“, становится природой, при чемъ первымъ опредѣленіемъ ея признается чистое пространство, представляющее собою „абстрактную всеобщность ея внѣ-себя-бытія“³⁾.

Эмпедоклъ, Анаксагоръ, атомисты.

Если мы обратимся къ ближайшимъ къ Пармениду по времени философамъ, то мы увидимъ, что большинство ихъ,

1) Значеніе этого уклона не слѣдуетъ преувеличивать, какъ это дѣлаетъ англійскій историкъ философіи Burnet (*Early greek philosophy*), называющій Парменида первымъ матеріалистомъ.

2) *Eth.* II, 2.

3) Чрезвычайно характеренъ также совершившійся очень быстро и легко переходъ отъ идеализма Гегеля въ матеріализму его „лѣвыхъ“ послѣдователей (Фейербаха, Давида Штрауса, Карла Маркса и др.).

вполнѣ присоединяясь къ утвержденію элейскаго мудреца о томъ, что подлинно-сущее нельзя мыслить иначе, какъ неизмѣннымъ и вѣчнымъ, приписываетъ ему матеріальный характеръ, и эта общая матеріалистическая тенденція греческой философіи, господствующая въ ней вплоть до софистовъ, не позволяетъ развиваться элементамъ панлогизма, связаннымъ въ первой части поэмы Парменида въ стройное и законченное цѣлое.

Такъ, Эмпедоклъ, вслѣдъ за Парменидомъ, признаетъ началомъ всего полноту бытія; эта полнота имѣетъ видъ шарообразнаго тѣла (*σφαῖρος*) и ей присущи всѣ тѣ свойства, которыя Парменидъ приписывалъ своему сущему: Эмпедоклъ отрицаетъ возникновеніе и уничтоженіе (рожденіе и смерть) сущаго (*φύσις οὐδενός ἐστιν ἀπάντων θνητῶν, οὐδέ τις οὐλομένον θανάτοιο τελευτή*)¹⁾; къ полнотѣ сущаго ничто не можетъ прибавиться и ничто изъ нея не можетъ исчезнуть, поэтому пустоты совершенно не существуетъ²⁾.

Тѣмъ не менѣе сущее есть не только Единое, но и Многое.

Какимъ же образомъ осуществляется переходъ отъ единаго сущаго къ множественности конкретныхъ явленій?

Гераклитъ училъ, что надъ всѣми процессами вселенной господствуетъ вражда (*Πόλεμος πάντων μὲν πατήρ ἐστι*)³⁾. — (*Εἰδέναι δὲ χρή τὸν πόλεμον ἔοντα ξυνόν, καὶ δίκην ἔρειν, καὶ γινόμενα πάντα κατ'ἔρειν καὶ χρεώμενα*)⁴⁾.

Эмпедоклъ видитъ космическую силу не только во враждѣ (*νεῖκος*), но и въ любви (*φιλία*). Вражда раздробляетъ единое тѣло вселенной на отдѣльныя части, изъ этихъ

1) Empedocl. B. 8 (Diels I. 175; 15—16).

2) Ib. B. 13 (Diels I. 176; 31).

οὐδέ τι τοῦ παντός κενεὸν πέλει οὐδὲ περισσόν.

Ib. B. 14 (177, 2)

τοῦ παντός δ' οὐδὲν κενεόν· πόθεν οὖν τί κ' ἐπέλθοι.

3) Heracl. B. 53 (Diels I. 69, 19—20).

4) Heracl. B. 80 (Diels I. 73, 74).

частей, представляющихъ собою „корни всѣхъ вещей“ (*ρίζωματα τῶν πάντων*), ихъ вѣчные и неизмѣнные элементы, дѣйстви́емъ любви, преодолевающей вражду, образуется стройный космосъ до тѣхъ поръ, пока въ силу „вѣчной клятвы“ въ ритмѣ мірового процесса опять не получить преобладанія вражда, и вселенная не распадется на свои основныя стихіи.

Ученіе Эмпедокла, какъ видно изъ набросаннаго нами эскиза его, представляетъ собою попытку рѣшить проблему подлинно-сущаго, завѣщанную философіи Парменидомъ, на основѣ іоническаго гилозоизма и орфически-пифагорейской мистики.

Сходную попытку согласовать множественность и разнообразіе явленій конкретнаго міра съ неизмѣнностью подлинно-сущаго представляетъ и ученіе Анаксагора о „гомеомеріяхъ“.

Вслѣдъ за Парменидомъ и Эмпедокломъ Анаксагоръ рѣшительно отрицаетъ возникновеніе и уничтоженіе вещей въ собственномъ смыслѣ слова: возникновеніе есть не что иное, какъ соединеніе элементовъ, уничтоженіе — ихъ разъединеніе, или распаденіе¹⁾.

Ту роль, которую въ системѣ Эмпедокла играетъ вражда и любовь, въ философіи Анаксагора играетъ разумъ (*νοῦς*).

Точно такъ же, какъ у Эмпедокла въ представленіи о созидających и разрушающихъ міръ силахъ матеріальные признаки не отдѣляются отъ признаковъ духовныхъ (любовь агригентскій философъ отождествляетъ съ притягиваніемъ, вражду — съ отталкиваніемъ), такъ и у Анаксагора мірообразующій разумъ оказывается „самой тонкою и чистою изъ вещей“ (*ἔστι γὰρ λεπτότατόν τε πάντων χρημάτων*

1) „τὸ δὲ γίνεσθαι καὶ ἀπόλλυσθαι οὐκ ὁρθῶς νομίζουσιν οἱ Ἕλληνες· οὐδὲν γὰρ χρῆμα γίνεται οὐδὲ ἀπόλλυται, ἀλλ' ἀπὸ ἐόντων χρημάτων συμμίσγεται τε καὶ διακρίνεται. καὶ οὕτως ἂν ὁρθῶς καλοῖεν τὸ τε γίνεσθαι συμμίσγεσθαι καὶ τὸ ἀπόλλυσθαι διακρίνεσθαι.“ Anaxag. B. 17 (Diels I. 320, 321).

καὶ καθαρῶτατον)¹⁾, и все его значеніе въ жизни вселенной ограничивается тѣмъ, что онъ сообщаетъ ей первый толчокъ къ движенію²⁾.

Наивное смѣшеніе духовнаго и тѣлеснаго началъ дѣйствительности преодолевается въ атомистическомъ ученіи³⁾. Въ философіи Левкиппа и Демокрита пониманіе подлинно-сущаго, какъ абсолютной матеріи, достигаетъ высшей точки своего развитія: „стихія“ Эмпедокла, „гомеомерія“ Анаксагора, атомы Левкиппа означаютъ послѣдовательныя ступени въ развитіи матеріалистической концепціи сущаго; высшая ступень оказывается въ то же время крайней ступеню; въ атонизмъ матеріалистическое ученіе сказало свое послѣднее слово, всѣ позднѣйшія видоизмѣненія его возникаютъ исключительно путемъ болѣе или менѣе далеко идущихъ уступокъ другимъ отвлеченнымъ концепціямъ, а такія уступки всегда и неизбѣжно ведутъ къ упадку того міровоззрѣнія, которое ихъ допускаетъ.

Едва только матеріалистическая концепція сущаго успѣла развиться во всей своей полнотѣ, какъ софисты, примыкая къ различнымъ составнымъ моментамъ ея, безпощадно вскрываютъ ея внутреннія противорѣчія и этимъ доказываютъ ея совершенную несостоятельность.

Софисты.

Все, что мы знаемъ о дѣйствительности, основывается на показаніяхъ нашего чувственного опыта. „Знаніе есть

1) Анах. В. 12 (Diels I. 318, 13—14.)

2) По существу, упрекъ Платона Анаксатору въ томъ, что, введя въ философію понятіе о господствующемъ надъ всѣмъ существующимъ разумѣ (*νοῦς ἐστὶν ὁ διακοσμοῦν τε καὶ πάντων αἴτιος*. Phaed. 97 C.), онъ не знаетъ, что предпринять съ этимъ разумомъ (*ἄνδρα τῷ... νόῳ οὐδὲν χρώμενον οὐδέ τινας αἰτίας ἐπαιτιώμενον ἐκ τὸ διακοσμεῖν τὰ πράγματα*... — Ib. 98 B.) совершенно справедливъ.

3) На атомистической философіи и ея связи съ элейской онтологіей мы недавно имѣли случай подробно остановиться. (Стр. 61 и сл.)

воспріятіе“ и ничего больше¹⁾. „Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей, — существующихъ, что онѣ существуютъ, не существующихъ, что онѣ не существуютъ“²⁾.

Противъ этихъ утверженій греческіе физики ничего возразить не могли, даже больше — эти положенія представляютъ собою въ извѣстномъ смыслѣ совершенно закономѣрный выводъ изъ ихъ собственныхъ ученій.

Всѣ вещи находятся въ непрерывномъ движеніи. Воспринимаемые нами свойства вещей представляютъ собою продуктъ этого движенія: въ нашемъ сознаніи отражаются лишь отдѣльныя случайныя соотношенія движущихся предметовъ и ничего больше. Все, что мы можемъ утверждать о тѣхъ или иныхъ предметахъ внѣшняго міра, сводится къ тому, что въ данный моментъ они кажутся намъ такими, а не иными. Мы не въ состояніи возвыситься надъ „мнѣніями“, создаваемыми нашей чувственностью. То, что каждый изъ насъ въ данный моментъ представляетъ, то для него и истинно³⁾. Никакой иной истины нѣтъ и быть не можетъ.

Атомисты пришли къ тому выводу, что чувственные качества вещей существуютъ только субъективно, только въ процессѣ нашего воспріятія; — не распространяется ли, однако, эта субъективность и на пространственные опредѣленія вещей? На какомъ основаніи Левкиппъ и Демокритъ утверждаютъ, что форма атомовъ, ихъ порядокъ и положеніе въ пространствѣ принадлежать недѣлимымъ частицамъ вещества независимо отъ нашихъ воспріятій? Да и само

1) αἰσθησίς τε καὶ ἐπιστήμη ταῦτόν (Plato. Theaetet. 186 E).

2) „... πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπον εἶναι, τῶν μὲν ὄντων, ὡς ἔστι, τῶν δὲ μὴ ὄντων, ὡς οὐκ ἔστιν. (Ib. 152 A.)

3) οἷα αἰσθάνεται ἕκαστος, τοιαῦτα ἐκάστω καὶ κινδυνεύει εἶναι (Theaetet. 152 C).

τὰ φαινόμενα ἐκάστω ταῦτα καὶ εἶναι τοῦτο φ φαίνεται (Ib. 153 A).

τὰ δοκοῦντα πάντα ἐστὶν ἀληθῆ καὶ τὰ φαινόμενα. (Aristot. Metaph. IV, 5; 1009 A, 8.)

существованіе недоступныхъ воспріятію атомовъ не является ли совершенно произвольнымъ допущеніемъ?

Достаточно было отчетливо поставить проблему воспріятія, чтобы всѣ построенія физиковъ оказались разрушенными въ самомъ своемъ основаніи.

При этомъ, какъ говоритъ Ed. Hartmann, — крупнѣйшій изъ софистовъ „Протагоръ, по существу, лишь послѣдовательно развилъ то, чему учили его предшественники (Гераклитъ, Зенонъ, Эмпедоклъ, Анаксагоръ) о недостоверности, субъективности и относительности чувственного познанія“¹⁾.

„Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“. Принципъ этотъ привелъ Протагора къ рѣшительному отрицанію всякаго истиннаго знанія.

На самомъ дѣлѣ онъ означаетъ только крушеніе иллюзіи, будто опору для дѣйствительнаго познанія вещей мы можемъ найти гдѣ-то за предѣлами нашего сознанія; софистика представляетъ собою первый шагъ къ признанію той истины, что человѣческая мысль всегда и вездѣ отправляется отъ данныхъ нашей душевной жизни.

Желая найти точку опоры для нашего познанія гдѣ-нибудь внѣ послѣдней, мы уподобляемся тому путнику, который во что бы то ни стало хотѣлъ перепрыгнуть черезъ свою собственную тѣнь. Признаніе этой истины означаетъ чрезвычайно важный шагъ впередъ въ развитіи философской мысли²⁾. Основу достовернаго знанія человѣкъ долженъ искать въ себѣ, въ своемъ сознаніи, въ всестороннемъ истолкованіи его данныхъ: этимъ высказывается положеніе, около котораго вращаются всѣ дальнѣйшія

1) Protagoras zog nur die Konsequenz dessen, was seine Vorgänger (Heraklit, Zenon, Empedokles, Anaxagoras) über die Unzuverlässigkeit, Subjektivität und Relativität der sinnlichen Erkenntnis gelehrt hatten. (Geschichte der Metaphysik. Erster Theil. S. 22.)

2) Въ софистикѣ совершается разрывъ отвлеченной мысли съ эйдолизмомъ (см. стр. 45 и сл. настоящаго сочиненія) и переходъ ея на слѣдующую, высшую ступень.

усилія философіи постигнуть истину. (Es ist . . . hier der grosse Satz ausgesprochen, um den sich von nun an Alles dreht)¹⁾.

Самому Протагору это новое и плодотворное усмотрѣніе раскрылось только съ одной стороны.

„Познаніе есть воспріятіе“. Въ извѣстномъ смыслѣ утвержденіе это не подлежитъ спору: все, что мы знаемъ о такъ называемомъ „внѣшнемъ“ мірѣ, основывается, въ самомъ дѣлѣ, на данныхъ чувственного опыта.

Протагоръ сдѣлалъ отсюда скептическій выводъ: знать, о вещахъ, какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ, внѣ насъ, мы ничего не знаемъ и, слѣдовательно, всѣ наши познанія призрачны.

Не трудно замѣтить, что въ основѣ этого вывода межатъ два мотива.

Съ одной стороны, скептицизмъ Протагора, какъ и всѣ вообще философскія теоріи, отправляется отъ опредѣленнаго представленія о природѣ сущаго: на самомъ дѣлѣ существуютъ только ощущенія и ихъ многообразныя сочетанія, или, иными словами, ощущенія представляютъ собою единственную подлинную реальность.

Мы знаемъ, что эту мысль съ настойчивостью, хотя далеко не всегда съ достаточной опредѣленностью развиваетъ большинство представителей эмпиризма и сенсуализма въ новой философіи (съ наибольшей ясностью она проводится у Юма, который прямо называетъ ощущенія субстанціями)²⁾.

И если эмпирики при этомъ избѣгаютъ словъ „сущее“, „реальность“, „субстанція“, то происходитъ это только потому,

1) Hegel. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Herausgegeben von K. L. Michelet. II. Band. (Werke. Vollständige Ausgabe. XIV Bd. Berlin, 1833. Seite 31.)

2) Въ наши дни взглядъ на ощущенія, какъ на элементы, своими сочетаніями образующіе какъ „внѣшній“, такъ и „внутренній“ міръ, съ наибольшою опредѣленностью высказываетъ Махъ: Analyse der Empfindungen. Главы I, II, III и XV. — Erkenntnis und Irrtum (passim).

что ихъ смущаетъ явно-метафизическое происхожденіе этихъ терминовъ. Они предпочитаютъ, поэтому, обходиться безъ помянутыхъ терминовъ, не будучи въ то же время въ состояніи отказаться отъ соотвѣствующихъ понятій, которыя цѣликомъ сохраняются ими въ болѣе или менѣе тщательно замаскированной формѣ.

Что касается родоначальника эмпирической философіи, то, вставъ на точку зрѣнія сенсуалистической онтологіи (ощущенія, какъ единственная непосредственно-данная намъ реальность), онъ въ то же время не сумѣлъ отдѣлаться отъ обычнаго, наивно-реалистическаго взгляда, приписывающаго объективную реальность такъ называемому „внѣшнему“ міру. Поэтому выводъ, согласно которому на самомъ дѣлѣ мы знаемъ только наши ощущенія и ничего больше, означалъ для Протагора отказъ отъ всякаго истиннаго знанія. Его скептицизмъ представляетъ, такимъ образомъ, результатъ неполнаго преодоленія наивнаго реализма.

Знаменитый софистъ не замѣтилъ, что отказъ отъ познанія „внѣшняго“ міра не означаетъ еще отказа отъ всякаго познанія — напротивъ, если „внѣшній“ міръ закрытъ отъ насъ, то жизнь нашего сознанія доступна намъ непосредственно, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ; въ ней мы имѣемъ ту дѣйствительность, по отношенію къ которой всякія сомнѣнія неумѣстны; непосредственныя данныя нашего сознанія представляютъ собою точку опоры, отправляясь отъ которой мы можемъ прійти къ содержательному знанію о томъ, что существуетъ на самомъ дѣлѣ.

Но, разумѣется, для того чтобы притти къ такому познанію, необходимо отказаться отъ сенсуализма, составляющаго общую философскую основу софистическаго релятивизма.

Элементы чувственнаго опыта (*αἰσθησις*, *sensus*), взятые отвлеченно отъ того сознанія, въ которомъ они выступаютъ, не могутъ дать намъ содержательнаго знанія о чемъ бы то ни было — въ этомъ софисты совершенно правы.

Элементы эти доставляют матеріалъ для познанія, но они еще не есть само познаніе.

Чтобы проникнуть въ природу истиннаго знанія, необходимо обратиться къ другимъ сторонамъ нашей внутренней жизни, попытаться въ нихъ найти основу его.

Сократъ.

Изслѣдуя природу человѣческаго знанія, Сократъ нашелъ, что оно осуществляется посредствомъ понятій.

Понятія въ силу своей всеобщности обнимаютъ въ своемъ единствѣ неопредѣленное множество вещей.

Они устанавливаютъ то, что въ вещахъ есть общаго и что, слѣдовательно, не зависитъ отъ случайныхъ индивидуальных особенностей, принадлежащихъ отдѣльнымъ вещамъ.

Путь къ правильному познанію идетъ черезъ сравненіе отдѣльных частныхъ случаевъ къ усмотрѣнію того, что въ нихъ есть общаго.

Этотъ методъ „всеобщаго опредѣленія“ (*τὸ ἀρίσκειν καθόλου*) раскрываетъ передъ нами существенные и случайные признаки каждаго предмета, выясняетъ его понятіе, которымъ какъ разъ и опредѣляется сущность вещи.

Если въ понятіяхъ раскрывается сущность вещей, то не значитъ ли это, что между понятіями и вещами не существуетъ принципиальнаго различія, или, иными словами, что понятіе и отвлеченная сущность вещи совпадаютъ другъ съ другомъ?

Сократъ не сдѣлалъ этого вывода, потому что сознательно отказался отъ рѣшенія метафизическихъ вопросовъ: его интересовали исключительно „человѣческія дѣла“, истиннаго знанія онъ искалъ лишь постольку, поскольку оно вело къ добродѣтели. Поэтому онъ не построилъ онтологической системы, связанной съ открытой имъ діалектикой, — эту задачу взяли на себя его ученики.

Милетскіе натурфилософы искали неизмѣнной основы всего существующаго въ отдѣльныхъ конкретныхъ стихіяхъ вселенной: водѣ, воздухѣ, огнѣ и т. п.

Парменидъ установилъ необходимые признаки сущаго, какъ логическіе выводы изъ понятія о немъ. Онъ первый отождествилъ истинную природу сущаго съ его отвлеченнымъ предикатомъ, бытіемъ, или, иными словами, сущее съ понятіемъ о сущемъ.

Уступая, однако, „мнѣніямъ смертныхъ“, во второй части своей поэмы элейскій мудрецъ набросалъ картину міра, связанную съ основными утвержденіями его отвлеченнаго ученія о сущемъ лишь общимъ предположеніемъ о неизмѣнности подлинной дѣйствительности.

Въ первой части поэмы Парменида сущее есть не что иное, какъ чистая отвлеченная мысль, во второй — абсолютная, наполняющая пространство матерія.

Эти два въ извѣстномъ смыслѣ противоположныхъ пониманія сущаго даютъ начало двумъ различнымъ идейнымъ теченіямъ:

Матеріалистическое пониманіе сущаго, постепенно преодолевая элементы гилозоистическаго дуализма, играющіе такую огромную роль въ системахъ Эмпедокла и Анаксагора, завершается въ атомистической концепціи.

Глубокія внутреннія противорѣчія матеріалистическаго ученія ярко обнаруживаются при попыткѣ приложить его основныя предпосылки къ проблемѣ воспріятія.

Поставивъ ее, софисты показываютъ совершенную бездоказательность и произвольность теорій, созданныхъ греческими физиками.

Сами софисты приходятъ къ радикальному скептицизму, но какъ всякій скептицизмъ, такъ и скептицизмъ софистическій необходимо заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя скрытыя онтологическія предпосылки: утвержденіе Протагора „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“, по существу, содержитъ въ

себѣ основное положеніе сенсуалистической метафизики.

Въ борьбѣ съ опасными для общественной и индивидуальной морали выводами изъ софистическаго релятивизма Сократъ пытается установить путь къ истинному знанію. Онъ находитъ его въ понятіяхъ, опредѣляющихъ истинную сущность вещи.

Его величайшій ученикъ Платонъ объединяетъ діалектику Сократа съ отвлеченнымъ ученіемъ Парменида о сущемъ и на этой основѣ строить свою систему, представляющую собою грандіозное завершеніе всей предыдущей работы человѣческой мысли и, поистинѣ, самое прекрасное и удивительное созданіе умозрительнаго генія за всю исторію человѣческаго творчества.

Парменидъ и Платонъ.

Платоническое ученіе объ идеяхъ представляетъ собою продолженіе отвлеченныхъ изысканій Парменида о природѣ сущаго.

Система Парменида развила съ замѣчательною послѣдовательностью и законченностью всѣ основные моменты отвлеченнаго ученія о сущемъ въ немъ самомъ

Всѣ дальнѣйшія видоизмѣненія панлогистической концепціи не прибавляютъ къ нимъ ничего принципиально новаго: ядро панлогизма остается неизмѣннымъ на всемъ протяженіи человѣческой мысли.

Какіе же мотивы обусловливаютъ дальнѣйшее развитіе занимающаго насъ ученія?

Человѣческая мысль, даже при самомъ отвлеченномъ складѣ, не можетъ окончательно удовлетвориться рѣшительнымъ и безусловнымъ отрицаніемъ окружающей насъ конкретной дѣйствительности.

Дуализмъ „сущаго“ и „не-сущаго“ слишкомъ рѣзко противорѣчитъ нашей потребности въ единствѣ міропониманія.

Самъ Парменидъ не могъ удержаться отъ нѣкотораго объясненія природы и господствующихъ въ ней процессовъ¹⁾. Всѣ позднѣйшіе представители панлогистическаго міропониманія, начиная съ Платона, ставятъ своей важнѣйшей задачей цѣльный идейный синтезъ отвлеченнаго сущаго и конкретной дѣйствительности.

Различные способы осуществленія этого синтеза и образуютъ исторію панлогизма.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ ихъ ближайшему и непосредственному разсмотрѣнію, мы можемъ опредѣлить общія и безусловно необходимыя для всѣхъ видоизмѣненій панлогизма условія этого синтеза, поскольку они вытекаютъ изъ самаго существа задачи.

Первымъ условіемъ синтеза Единого и Многаго является отказъ отъ безусловной замкнутости сущаго. Этотъ отказъ вноситъ глубокій внутренний разладъ въ ученіе о сущемъ, какъ таковомъ. Но, пытаясь сохранить это ученіе въ его классической формѣ, философская мысль должна была бы въ самомъ началѣ отказаться отъ какихъ бы то ни было попытокъ поставить подлинно-сущее въ то или иное отношеніе къ конкретной дѣйствительности.

Развитіе панлогистической доктрины становится, такимъ образомъ, возможнымъ только послѣ нарушенія логической цѣльности ея основы.

1) Правда, онъ очень рѣзко отдѣляетъ область истиннаго знанія, совпадающую со строго отвлеченнымъ ученіемъ о сущемъ, отъ своей физики, въ которой онъ не видитъ ничего, кромѣ лишенныхъ истинной достовѣрности „миѣннй смертныхъ“, (*βροτῶν δόξας ταῖς οὐκ ἐν πλῆτις ἀληθείᾳ*. — Parm. B. 1, 30. Diels I. 115. 12).

Натурфилософія Парменида не нарушаетъ строгаго дуализма системы. „Единое“ и „Многое“ остаются у него безусловно чуждыми другъ другу, и какъ разъ это неуклонное проведеніе мысли о безусловной замкнутости „сущаго“ дѣлаетъ Парменида самымъ послѣдовательнымъ представителемъ панлогизма за всю его исторію.

Если первымъ условіемъ синтеза отвлеченнаго сущаго и нашей дѣйствительности является отказъ отъ одного изъ существеннѣйшихъ моментовъ ученія о подлинно-сущемъ, то вторымъ столь же необходимымъ условіемъ оказывается радикальная переработка нашихъ представленій о конкретной дѣйствительности на основѣ строго раціоналистической теоріи познанія, представляющей, вообще, путеводный маякъ для всѣхъ панлогистическихъ построеній.

Подлинное и условно-сущее должны быть поставлены для познающей мысли, такъ сказать, на одну плоскость: если подлинная дѣйствительность всецѣло раскрылась намъ въ отвлеченныхъ актахъ нашей мысли, то въ нихъ же должна раскрыть свою истинную природу и наша условная дѣйствительность; сведеніе ея къ отвлеченной системѣ понятій, раціонализированіе всего доступнаго нашему опыту и нашей мысли — такова вторая неизбѣжная предпосылка требуемаго синтеза.

Но и первая и вторая предпосылки имѣютъ, по существу, чисто отрицательный характеръ: онѣ опредѣляютъ собою тѣ условія, безъ которыхъ синтезъ Единаго и Многаго невозможенъ, но ничего не говорятъ намъ о томъ, какимъ именно образомъ этотъ синтезъ осуществляется, какое, именно, отношеніе объединяетъ абсолютное и условное.

Въ той отвлеченной системѣ понятій, съ которою, по существу, совпадаетъ панлогистическое міропониманіе, нельзя найти средствъ для требуемаго синтеза: панлогизмъ долженъ заимствовать ихъ извнѣ, изъ иного круга идей.

Онъ обращается опять къ тому же міросозерцанію, у котораго онъ взялъ исходный пунктъ всѣхъ своихъ построеній — понятіе подлинно-сущаго.

Въ монотеизмѣ Богъ разсматривается, какъ абсолютная творческая основа всякой дѣйствительности, міръ — какъ продуктъ божественной дѣятельности.

Формально панлогизмъ принимаетъ это отношеніе, но лишь затѣмъ, чтобы сообщить ему совершенно иной смыслъ.

Въ ученіи о сущемъ, въ немъ самомъ, Богъ, какъ полнота всякой реальности, сводится всецѣло къ отвлеченному предикату бытія; изъ ученія о Богѣ, какъ о Творцѣ вселенной, совершенно устраняются динамическіе моменты; зависимость міра отъ Бога получаетъ чисто отвлеченный характеръ.

Сведя внутреннюю дѣйствительность Божества къ одному ея абстрактному признаку, панлогизмъ замѣняетъ, затѣмъ, дѣятельное отношеніе творческой основы міра къ ея проявленіямъ логическимъ отношеніемъ обуславливающаго и обусловленнаго, основанія и его слѣдствія: вселенная — не произведеніе дѣятельности Бога, а слѣдствіе его отвлеченной сущности.

Столь характерное для всѣхъ видоизмѣненій панлогистической концепціи отождествленіе причины съ основаніемъ и дѣйствія со слѣдствіемъ дано, такимъ образомъ, уже въ переходѣ отъ перваго момента панлогистической концепціи (отвлеченное ученіе о сущемъ) къ ея второму моменту (сущее въ его отношеніи къ конкретной дѣйствительности) и составляетъ необходимую предпосылку этого перехода.

Только въ томъ случаѣ, если наша дѣйствительность цѣликомъ сведена къ понятіямъ и ихъ отношеніямъ, если господствующая надъ нею закономерность представлена, какъ закономерность, присущая понятіямъ, какъ таковымъ, — однимъ словомъ, только въ томъ случаѣ, если методъ отвлеченнаго построенія распространенъ и на міръ нашего опыта, можно пытаться установить то или иное отношеніе между отвлеченнымъ единствомъ и конкретной множественностью.

Сведеніе зависимости вещей къ зависимости понятій — мы еще разъ настаиваемъ на этомъ важномъ пунктѣ — не случайное достояніе той или иной системы, обязанное своимъ возникновеніемъ своеобразному теченію идей у того

или иного философа, но одинъ изъ важнѣйшихъ и безусловно необходимыхъ моментовъ панлогистическаго міропониманія во всѣхъ его разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ.

Это сведеніе происходитъ въ философіи Платона. Величайшій идеалистъ древности продолжаетъ, такимъ образомъ, дѣло Парменида. Зависимость эта была совершенно ясна для самого Платона — недаромъ же онъ вложилъ въ уста элейскаго мудреца самое глубокое и оригинальное изложеніе своихъ взглядовъ.

П л а т о н ъ.

Мы установили два момента въ развитіи панлогистической концепціи.

Первый изъ нихъ составляетъ отвлеченное ученіе о сущемъ, въ немъ самомъ, второй — ученіе о сущемъ, какъ безусловной основѣ конкретной дѣйствительности, связанной съ нею отношеніемъ основанія къ слѣдствію.

И первый и второй моменты генетически предполагаютъ ученіе о Богѣ, какъ о Творцѣ міра.

Но, пользуясь этимъ ученіемъ въ качествѣ исходнаго пункта для своихъ отвлеченныхъ построеній, панлогизмъ сохраняетъ изъ него исключительно абстрактную схему: Богъ изъ творческой основы міра превращается въ его логическое основаніе, при чемъ единственнымъ остаткомъ его абсолютности оказывается чисто отрицательный признакъ, заключающійся въ томъ, что его понятіе не обусловлено никакимъ другимъ понятіемъ.

Въ основѣ такого превращенія концепціи Бога, Творца міра, въ абстрактную схему обусловливающаго и обусловленнаго лежитъ прежде всего ультра-раціоналистическая теорія познанія.

Въ ней же кроется и необходимость сведенія всѣхъ формъ реальной причинности къ отвлеченной связи понятій, какъ таковыхъ.

Рационалистическая теорія познанія у Сократа является основой его этики: приложеніе ея онъ настойчиво ограничиваетъ „человѣческими дѣлами“. Платонъ расширяетъ міросозерцаніе своего учителя, сообщая его основоположеніямъ онтологическій характеръ. Онъ убѣжденъ, что тотъ же путь, который ведетъ насъ къ познанію „дѣлъ человѣческихъ“, позволяетъ намъ проникнуть и въ „дѣла божественныя“, постигнуть то, что есть на самомъ дѣлѣ.

Разумное познаніе возвышается надъ случайными предметами чувственного опыта, переходя отъ множества частныхъ явленій къ единому общему понятію (*εις μίαν ιδέαν συννοῶντα ἄγειν τὰ πολλαχῇ διασπαρμένα ἢν' ἕκαστον ὁρίζομενος δῆλον ποιῆν περὶ οὗ ἀεὶ διδάσκειν ἐθέλην*)¹⁾.

Благодаря діалектическому искусству философъ познаетъ чистыя, универсальныя понятія независимо отъ какой бы то ни было чувственной формы. Определеніе понятія не есть простое перечисленіе его признаковъ, а установленіе того общаго въ единичныхъ сходныхъ предметахъ, безъ котораго эти предметы совершенно не могли бы быть поняты.

Понятіе, устанавливая отличительные признаки даннаго предмета, его родъ и видъ (*εἶδος καὶ γένος*), тѣмъ самымъ опредѣляетъ его дѣйствительную сущность.

Исслѣдуя не только отдѣльныя общія понятія, но и ихъ взаимоотношенія, объединяющія всѣ понятія въ одно связное цѣлое, діалектика съ полнымъ правомъ требуетъ для себя первенствующаго положенія среди другихъ наукъ, рассматривающихъ или явленія измѣнчиваго и преходящаго міра (физика), или отправляющихся отъ условныхъ, заранѣе принятыхъ предположеній (математика).

Только діалектика познаетъ неизмѣнное, вѣчное и тождественное, поэтому она есть подлинная наука о истинно-

1) Theaet. 265 D.

сущемъ (*ἡ περὶ ὧντως ἐν ἐπιστήμῃ*), и только ея объекты обладают истинною реальностью.

Умопостигаемыя сущности, идеи, существуют независимо отъ отдѣльныхъ вещей конкретнаго міра, которыя единственно отъ нихъ получаютъ свои формы, свойства и логическія опредѣленія. Единичныя вещи, данныя въ чувственномъ опытѣ, реальны лишь постольку, поскольку онѣ причастны идеямъ, — но сами по себѣ идеи, обитающія въ „умномъ мѣстѣ“, не имѣютъ ничего общаго съ нашею дробною, преходящею дѣйствительностью.

Подлинное бытіе постигается только чистымъ умозрѣніемъ: мысль и дѣйствительность, по существу, совпадаютъ.

Развивая предпосылки сократической діалектики, Платонъ приходитъ, такимъ образомъ, къ выводу, тождественному съ основнымъ положеніемъ метафизики Парменида (*τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι*)¹⁾.

Мы познаемъ идеи въ соотвѣствующихъ имъ общихъ понятіяхъ, но сами въ себѣ идеи представляютъ не созданія нашей душевной дѣятельности (*νοήματα ψυχῆς*), а самодовлѣющія реальности.

Идеи Платона, — говоритъ кн. С. Н. Трубецкой, — „по своему происхожденію, . . . суть понятія, которыя превращаются въ сущности“²⁾.

Этотъ взглядъ пользуется среди историковъ философіи почти всеобщимъ признаніемъ³⁾. И нельзя не согласиться,

1) Parm. B. 5. Diels I². 117, 7.

2) Исторія древней философіи. Ч. II. Москва 1908. Стр. 23.

3) Ed. Zeller. Philosophie der Griechen. Bd. III, 1; III Aufl. S. 551. „ . . . die Ideen sind nichts anderes als die sokratischen Begriffe, aus Erkenntnisnormen zu metaphysischen Principien erhoben und auf die spekulativen Fragen nach dem Wesen und den Gründen des Seienden angewendet“.

Hartmann (Geschichte der Metaphysik Bd. I; S. 32):

„Ihrem ganzen Ursprung nach sind die Platonischen Ideen nichts als hypostasierte und zu einer transcendenten unräumlichen Existenz aus der Welt hinausprojizierte Begriffe, speciell Artbegriffe.“

что умозрительная система Платона построена прежде всего на объективированіи, или гипостазированіи, или, если угодно, проицированіи ¹⁾ въ независимую отъ насъ дѣйствительность нашихъ общихъ понятій.

Сводя всю нашу дѣйствительность къ отвлеченнымъ понятіямъ и ихъ взаимоотношеніямъ, ученіе Платона о идеяхъ прямо удовлетворяетъ второй необходимой предпосылкѣ синтеза — абсолютнаго и условнаго, Единаго и Многаго.

Какимъ же, именно, образомъ осуществляется этотъ синтезъ?

Выясненію необходимости его посвящены самые глубокіе діалоги Платона: Софистъ и Парменидъ, отчасти, Филебъ.

Нашъ философъ ставитъ своей задачей понять подлинно-сущее, не какъ отвлеченное единство, исключющее всякую множественность, но какъ живое единство, осуществляющееся въ логически-вытекающемъ изъ него множествѣ ²⁾.

C. A. Brandis. Geschichte der Entwicklungen der griechischen Philosophie etc. I, 313.

„Die Ideen sind . . . das Beharrliche im Wechsel der Erscheinungen, das sich selber Gleiche, welches der Mannichfaltigkeit ähnlicher Dinge und Wesen als Grund ihrer Zusammengehörigkeit vorauszusetzen ist . . . zunächst also das Allgemeine, oder die unveränderlichen Art- und Gattungsbegriffe . . .

1) Относительно значенія термина „проективизмъ“, „проицировать“ см. соч. проф. Я. Ф. Озе. „Персонализмъ и проективизмъ въ метафизикѣ Лотце“ (Юрьевъ, 1896) Стр. 278: „ . . . „проективизмъ“ обозначаетъ всѣ воззрѣнія, приписывающія самостоятельное бытіе тому, что при соответственномъ анализѣ оказывается или содержаніемъ или дѣятельностью „я“, какъ субстанціи“.

Идеалистическій проективизмъ Платона, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Озе, „формамъ мышленія приписываетъ транссубъективную дѣйствительность“ (стр. 34).

2) Жизнь всегда предполагаетъ множественность своихъ проявленій:

Kein Lebendiges ist ein Eins,
Immer ist's ein Vieles.

Но эта множественность не только не исключаетъ, но и прямо предполагаетъ проявляющееся въ ней единство:

Und es ist das ewig Eine,
Das sich vielfach offenbart. (Goethe.)

Путь къ выполнению этой задачи Платонъ находитъ въ ученіи о общности (*κοινωνία*) понятій. Если бы понятія не были связаны другъ съ другомъ, то ни одной вещи нельзя было бы приписать отличнаго отъ нея предиката: сущее было бы только сущимъ, и его единство исключало бы всякую множественность. Но наши понятія образуютъ единую систему: понятія съ меньшимъ объемомъ подчиняются и какъ бы обнимаются понятіями съ большимъ объемомъ. Послѣдовательно восходя отъ менѣе общихъ понятій къ понятіямъ болѣе общимъ, мы приходимъ, въ концѣ концовъ, къ самой общей идеѣ. Эта идея содержитъ въ своемъ единствѣ весь міръ идей, подчиненныхъ ей и развивающихся изъ нея.

Платонъ нашелъ, такимъ образомъ, рѣшеніе проблемы Единаго и Многаго въ логическомъ подчиненіи понятій другъ другу.

При послѣдовательномъ развитіи этой концепціи Платонъ долженъ былъ бы прійти къ отождествленію безусловнаго начала дѣйствительности съ идеей бытія, какъ самымъ общимъ и отвлеченнымъ понятіемъ¹⁾, возвышающимся и, слѣдовательно, господствующимъ надъ всѣми иными понятіями.

И если онъ не сдѣлалъ этого вывода, необходимо слѣдующаго изъ отвлеченно-идеалистической концепціи, лежащей въ основѣ его ученія о идеяхъ, то это можно объяснить только тѣмъ, что эта концепція далеко не исчерпывала его интимнаго міросозерцанія: геній Платона переросъ рамки панлогистической теоріи; въ его произведеніяхъ мы очень часто встрѣчаемся съ глубокими и геніально-смѣлыми усиліями создать совершенно новое и оригинальное міропониманіе, по отношенію къ которому панлогистическая доктрина представляетъ лишь предварительную, пропедевтическую ступень.

1) Такое именно рѣшеніе проблемы предлагаютъ болѣе развитыя формы панлогизма (См. стр. 122 и сл. настоящаго сочиненія).

И если эти усилія не привели къ законченной и цѣльной системѣ философіи, то виною этому тѣ отвлеченныя средства, которыми располагала античная мысль: въ ней отсутствовала возможность выразить динамическіе моменты спиритуалистической концепціи (именно поэтому древняя психологія игнорируетъ важнѣйшее проявленіе нашей душевной жизни — волю). Интеллектуализмъ и безусловный рационализмъ господствовали надъ философскимъ сознаніемъ древности и не позволяли развиваться тому міропониманію, которое предполагаетъ прежде всего преодоленіе этихъ одностороннихъ и своей односторонностью ложныхъ теорій.

Къ элементамъ конкретнаго идеализма въ міросозерцаніи Платона мы еще вернемся въ настоящей главѣ, прослѣживая историческія судьбы спиритуалистической концепціи. Здѣсь, возвращаясь къ разсмотрѣнію проблемы подлинно-сущаго въ его отношеніи къ конкретной дѣйствительности, мы отмѣтимъ, что Платонъ рѣшаетъ эту проблему далеко не въ духѣ послѣдовательнаго панлогизма: безусловное начало всѣхъ вещей для него не идея бытія, самое общее и отвлеченное понятіе, а идея блага, понятіе съ болѣе узкимъ объемомъ, чѣмъ идея бытія. „Ты, конечно, согласишься — говоритъ Сократъ Главкону, — что благодаря солнцу всѣ предметы не только становятся доступными зрѣнію, но и получаютъ отъ него и рожденіе, и ростъ, и пищу, хотя само солнце и не рождается. — Разумѣется. — Въ такомъ случаѣ ты долженъ признать, что (точно такъ же) и всему по-

1) Какъ разъ эти усилія и образуютъ самую цѣнную часть наслѣдія, оставленнаго философіи Платономъ. Они то сообщаютъ его произведеніямъ невыразимую прелесть и производятъ неизгладимое, единственное въ своемъ родѣ впечатлѣніе на всякаго, кто „рѣшилъ окунуться въ этотъ вѣчно-юный, неизсякающій родникъ неудержимо смѣлой и послѣдовательной, впервые себя осознавшей мысли.“ (Слова Владимира Соловьева въ предисловіи къ его переводу Платона. Не имѣя подъ руками этого перевода, цитирую по памяти).

знаваемому благо сообщает не только познаваемость, но и (самое) бытіе, (самую) сущность, хотя (само) благо не есть сущность, но по достоинству и могуществу выше сущности“¹⁾.

Признавъ началомъ всего идею блага, Платонъ сближаетъ ее какъ съ „сущимъ“ Парменида, такъ и съ мірообразующимъ разумомъ (*νοῦς διακοσμοῦν τὰ πάντα*) Анаксагора и Ксенофана (*ἀλλ' ἀπάνευθε πόνοιο (θεός) νόον φρενὶ πάντα κραδαίνει*)²⁾. Понятія абсолютнаго разума и блага чужды панлогистическому міропониманію и представляютъ собою отчасти заимствованія изъ религіозныхъ воззрѣній, отчасти предвосхищаютъ новое, спиритуалистическое міропониманіе.

Объединеніе важнѣйшихъ предыдущихъ концепцій подлинно-сущаго осуществляется, такимъ образомъ, у Платона не на почвѣ панлогистическаго міропониманія. Общее міросозерцаніе Платона нельзя разсматривать, какъ отвлеченный идеализмъ, хотя его ученіе о идеяхъ, какъ реальныхъ понятіяхъ, представляетъ собою, несомнѣнно, самый крупный этапъ въ развитіи панлогизма — неустранимое условіе второго момента его.

Іоаннъ Скотъ Эріугена.

Ученіе о идеяхъ, какъ реальныхъ общихъ понятіяхъ, выступаетъ у большинства представителей античнаго идеализма и почти у всѣхъ мыслителей патристическаго періода, восторженныхъ поклонниковъ „божественнаго Платона“³⁾.

1) Respubl. VI 509. В.: Πῶς; Τὸν ἥλιον τοῖς δοκωμένοις οὐ μόνον, οἶμαι, τὴν τοῦ δρᾶσθαι δύναμιν παρέχειν φήσεις, ἀλλὰ καὶ τὴν γένεσιν καὶ αὔξην καὶ τροφήν, οὐ γένεσιν αὐτὸν ὄντα. Πῶς γὰρ; Καὶ τοῖς γινωσκομένοις τοίνυν μὴ μόνον τὸ γινώσκεισθαι φάναι ὑπὸ τοῦ ἀγαθοῦ παρεῖναι, ἀλλὰ καὶ τὸ εἶναι τε καὶ τὴν οὐσίαν ὑπέκεινον αὐτοῖς προσεῖναι, οὐκ οὐσίας ὄντος τοῦ ἀγαθοῦ, ἀλλ' ἔτι ἐπέκεινα τῆς οὐσίας πρεσβεῖα καὶ δυνάμει ὑπερέρχοντος.

2) Xenoph. В. 25 (Diels I; 50, 20.)

3) Такъ называютъ родоначальника идеалистической философіи не только Плотинъ и Порфирій, но и Климентъ Александрійскій и Оригенъ, а за ними и большинство представителей святоотеческой эпохи.

Однако, наибольшого вліянія теорія идей досягаєть въ ранней схоластикѣ.

Уже въ девятомъ вѣкѣ мы встрѣчаемся съ системой Іоанна Скота Эріугены¹⁾, въ которой платоническое ученіе, развитое до крайнихъ предѣловъ, образуєть основу теоретической философіи.

Реально въ вещахъ то, что въ нихъ есть общаго; то, что мы называемъ вещью, есть не что иное, какъ нѣкоторое опредѣленное сочетаніе общихъ понятій. Матерія, какъ носитель свойствъ вещей, есть не что иное, какъ понятіе измѣнчивости. Эріугена преодолѣлъ античный дуализмъ формъ-идей, съ одной стороны, и матеріи, съ другой²⁾, сводя всю безъ остатка дѣйствительность къ общимъ понятіямъ.

Понятія тѣмъ „реальнѣе“, чѣмъ большее количество индивидовъ они обнимають: ступени общности совпадаютъ со ступенями реальности.

Общее въ своемъ отношеніи къ частному не есть продуктъ нашей мысли, а самодовлѣющая реальность, подлинная основа всѣхъ явленій (*Ac per hoc intelligitur, quod ars illa, quae dividit genera in species, et species in genera resolvit, quae *διαλεκτική* dicitur, non ab humanis machinationibus sit facta, sed in natura rerum, ab auctore omnium artium, quae vere artes sunt, condita, et a sapientibus inventa, et ad utilitatem solerti rerum indagine usitata*)³⁾).

1) Строго говоря, Эріугену нельзя считать представителемъ схоластики, истинными родоначальниками которой являются Ансельмъ Кентерберійскій и Абеляръ. Эріугена стоитъ на рубежѣ между святоотеческой эпохой и средними вѣками. По общему духу, оживляющему его міропониманіе онъ несомнѣнно ближе къ великимъ представителямъ патристики, чѣмъ къ философамъ схоластики.

2) Въ античномъ идеализмѣ идеи опредѣляются, какъ подлинно-сущее (*τὸ ὄντως ὄν*), матерія — какъ не-сущее (*μὴ ὄν*).

3) *De divisione naturae*. Цитирую по изданію H. I. Floss'a: *Ioannis Scoti Opera quae supersunt omnia*. 1853 [*Patrologiae latinae cursus completus*. Series II. Tomus CXXII]. Lib. IV, Cap. IV. P. 748, 9.

Логическая система понятій, расположенныхъ по ступенямъ убывающей логической общности, является какъ бы идеальнымъ прообразомъ творенія, заключающагося въ послѣдовательномъ нисхожденіи отъ единой божественной сущности къ множественности явленій конкретнаго міра.

Ученіе о Богѣ, Творцѣ вселенной, съ его рѣзко выраженнымъ динамическимъ характеромъ получаетъ чисто формальный смыслъ: идеи не производятся Богомъ, а логически вытекаютъ изъ его отвлеченной сущности. Богъ, какъ самое реальное и, слѣдовательно, самое общее и отвлеченное „сущее“, возвышается надъ всѣми возможными предикатами за исключеніемъ абстрактнаго предиката бытія. Абсолютное бытіе въ своемъ изначальномъ единствѣ содержитъ весь міръ идей, вытекающихъ и развивающихся изъ него по ступенямъ убывающей логической общности. (*Nil aliud esse video, in quo naturaliter inesse $\alpha\theta\epsilon\acute{o}\iota\alpha$ possit, nisi in generibus et speciebus, a summo usque deorsum descendentibus, h. e. a generalissimis usque ad specialissima, i. e. individua; seu reciprocitum sursum versus ab individuis ad generalissima. In his enim veluti naturalibus partibus universalis $\alpha\theta\epsilon\acute{o}\iota\alpha$ subsistit*)¹⁾.

Логическая зависимость понятій есть единственная реальная причинность, господствующая въ мірѣ, и, въ то же время, лучшее доказательство божественной мудрости, раскрывающейся прежде всего въ логическомъ дѣлѣніи всѣхъ вещей по родамъ, видамъ и т. д. (*Sapientem (divinam naturam) esse, ex divisionibus eorum (quae sunt), in essentias, in genera, in species. differentiasque, numerosque . . . rectae mentis contuitu Theologi scrutati sunt*)²⁾.

Уже самый общій эскизъ системы Эріугены отчетливо обнаруживаетъ ея панлогистическія предпосылки; міръ свя-

1) Lib. I. C. XXVI. P. 472.

2) Ib. Lib. I Cap. XIII. P. 455.

занъ съ Богомъ чисто логической связью, вся дѣйствительность разрѣшена въ отношенія понятій.

Если бы Эріугена сдѣлалъ еще одинъ шагъ — въ бытіи, какъ самомъ общемъ и отвлеченномъ предикатѣ Бога, усмотрѣлъ полное выраженіе Его природы, мы имѣли бы въ системѣ знаменитаго философа совершенно законченную форму панлогистическаго міропониманія, въ которой были бы отчетливо представлены оба необходимые момента этой концепціи: отвлеченное ученіе о Богѣ, или „сущемъ“ въ немъ самомъ и ученіе о мірѣ, какъ слѣдствіи логической сущности Бога.

Второй моментъ развитіи у Эріугены съ замѣчательною отчетливостью, дѣлающей его систему классическимъ прообразомъ дальнѣйшихъ видоизмѣненій панлогизма и ставящей ее въ этомъ отношеніи на ряду съ системой Парменида, какъ классическимъ выраженіемъ перваго момента этой концепціи.

Дѣло, однако, въ томъ, что у Эріугены ученіе о Богѣ, какъ самомъ общемъ и отвлеченномъ бытіи, не раскрываетъ, какъ у Парменида, всей Его природы¹⁾, а безъ этого допущенія нѣтъ панлогизма въ строгомъ смыслѣ.

Отождествить же въ Богѣ Его внутреннюю реальность и Его отвлеченный предикатъ (бытіе) препятствуетъ Эріугенѣ, какъ и всѣмъ представителямъ средневѣковой мысли, драгоценнѣйшее наслѣдіе неоплатонизма и патристики, „отрицательное богословіе“ (*θεολογία ἀποφατική*).

1) Ib. Lib. V. Cap. XXVI, P. 919 ... cognoscitur Deus esse et invenitur, non quid est, sed quia solummodo est, quoniam ipsa Dei natura nec dicitur nec intelligitur; superat namque omnem intellectum lux inaccessibilis.

Ib. Lib. I, Cap. XV, P. 463: Nulla categoria proprie Deum significare potest.

Ib. I, 66, P. 510: ... nil de Deo posse proprie dici, quoniam superat omnem intellectum, omnesque sensibiles intelligibilesque significationes.

Ib. I, 45, P. 487: *Ὁὐδὲν* per seipsam definire et dicere, quid sit, nemo potest.

„Второй Оригенъ“¹⁾, продолжатель Григорія Нисскаго, Максима Исповѣдника, восторженный поклонникъ и переводчикъ псевдо-діонисіевыхъ „Ареопагитикъ“ — не могъ, разумѣется, въ отвлеченныхъ построеніяхъ человѣческой мысли видѣть адекватнаго выраженія „сверхсущной и сверхразумной“ природы Бога, доступной намъ лишь „гадательно, въ неясномъ отраженіи, частично“ („in aenigmate, in speculo, ex parte“)²⁾.

Свое ученіе о Богѣ, какъ о самомъ общемъ, отвлеченномъ и, слѣдовательно, совершенно неопредѣленномъ бытіи, Эріугена прямо отождествляетъ съ ученіемъ „негативной теологіи“ о „непознаваемой и невыразимой сущности“ абсолютнаго начала вселенной. Все, что приписываетъ Богу въ переносномъ смыслѣ положительное богословіе, все это отвергаетъ въ собственномъ смыслѣ богословіе „отрицательное“ (*Et haec est cauta et salutaris et catholica de Deo praedicanda professio, ut prius de eo juxta catafaticam, i. e. affirmationem, omnia sive nominaliter, sive verbaliter praedicemus, non tamen proprie, sed translativè; deinde ut omnia, quae de eo praedicantur per catafaticam, eum esse negemus per apofaticam, i. e. negationem, non tamen translativè sed propriè*)³⁾.

Возвышенная и непостижимая природа Бога лучше выражается отрицаніемъ, чѣмъ утвержденіемъ (*In theologicis siquidem regulis ad investigandam divinae naturae sub-*

1) Такъ называетъ Эріугену одинъ изъ крупнѣйшихъ знатоковъ средневѣковой философіи Clemens Bäumker.

2) Слова апостола Павла въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ (XIII, 12), повторяющіяся безчисленное множество разъ въ патристической и схоластической литературѣ. Съ гениальной глубиной эта мысль развита въ такъ называемыхъ „Ареопагитикахъ“, принадлежащихъ неизвѣстному автору конца пятого и начала шестого вѣка. (Время ихъ написанія Stiglmayr и Н. Koch относятъ къ 485—515 гг.).

3) *De divis. nat.* I, 76, p. 522.

limitatem et incomprehensibilitatem plus negationis, quam affirmationis virtus valet.)¹⁾.

Не трудно замѣтить, что въ міросозерпаніи Эріугены борются двѣ противоположныя тенденціи: мистическая, въ ученіи о „сверхсущной и сверхразумной“ природѣ Бога, и рационалистическая — въ ученіи о мірѣ, какъ логическомъ слѣдствіи отвлеченной сущности Бога.

Первой изъ нихъ Эріугена примыкаетъ къ неоплатоническому теченію въ патристикѣ и предвосхищаетъ важнѣйшія идеи мистики викторинцевъ и Бонавентуры.

Въ этомъ отношеніи его система образуетъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ развитіи того теченія въ христіанствѣ, которое представлено именами Климента, Оригена и Григорія Нисскаго, съ одной стороны, — Баадера, Шеллинга и Владиміра Соловьева, съ другой.

1) Ib. III, 20 p. 684.

Ученія „негативной теологіи“ составляютъ интегральную часть христіанской, да и всякой, вообще, мистики.

Оригинальное выраженіе основной идеи, отъ которой отправляется отрицательное богословіе, мы находимъ у одного изъ величайшихъ поэтовъ мистики Іоганна Шеффлера (Angelus Silesius 1624—1677):

Je mehr du Gott erkennst, je mehr wirst du bekennen,
dass du je weniger ihn, was er ist, kannst nennen.

Cherubinischer Wandersmann V, 41.

Was Gott ist, weiss man nicht: er ist nicht Licht nicht Geist,
nicht Wonnigkeit, nicht Eins, nicht was man Gottheit heisst,
nicht Weisheit, nicht Verstand, nicht Wille, Liebe, Güte.

Kein Ding, kein Unding noch, kein Wesen, kein Gemüte,
er ist, was ich und du, und keine Creatur,
eh' wir geworden sind, was Er ist, nie erfuhr.

IV. 21.

Gott ist ein lauter Nichts: ihn rührt kein Nun noch Hier;
Je mehr du nach ihm greifst, je mehr entwid er dir.

Цитаты изъ Шеффлера воспроизводятся или по моимъ выпискамъ, за безусловную точность которыхъ я не могу ручаться, или по памяти (въ тѣхъ случаяхъ, когда я не указываю мѣста въ „Cherubinischer Wandersmann“, откуда взять приводимый мной отрывокъ). Достать же экземпляръ этой книги и по нему провѣрить цитаты — во время печатанія моего сочиненія мнѣ не удалось.

Другая, раціоналістическая тенденція приводить Эріугену къ теоріи логическаго реализма, которая, какъ мы пытались выяснитъ на предыдущихъ страницахъ, образуетъ важнѣйшій моментъ въ развитіи панлогистическаго міросозерцанія; съ этой стороны систему его можно разсматривать какъ одно изъ звеньевъ той цѣпи, въ продолженіе которой входятъ ученія Мальбранша, Спинозы, Гегеля и католическихъ онтологистовъ XIX вѣка.

Онтологическій аргументъ.

Логическій реализмъ Эріугены возрождается въ XI вѣкѣ у родоначальника схоластики въ строгомъ смыслѣ слова Ансельма Кентерберійскаго, автора знаменитаго „онтологическаго“¹⁾ доказательства бытія Божія.

Реализмъ Эріугены и Вильгельма Шампо является классическимъ прообразомъ втораго изъ двухъ основныхъ моментовъ панлогистическаго міросозерцанія (міръ, какъ слѣдствіе отвлеченной сущности Бога).

Общее религіозно-философское міропониманіе среднихъ вѣковъ препятствовало свободному развитію перваго момента всякаго панлогизма (отвлеченное ученіе о Богѣ, какъ слѣдствіе понятія о Немъ), поэтому въ рамкахъ этого міросозерцанія панлогизмъ по необходимости оставался незаконченнымъ и отрывочнымъ; ни у одного изъ мыслителей этого періода онъ не играетъ центральной и господствующей роли.

Въ средневѣковой философіи главнымъ препятствіемъ къ полному раскрытію началъ панлогистической концепціи является невозможность примирить отвлеченное ученіе о сущемъ съ господствующимъ богословіемъ.

Однако, потребность въ строго раціоналистическомъ пониманіи всей дѣйствительности выражается въ непрерывныхъ попыткахъ расширить область отвлеченныхъ построеній, при-

1) Терминъ этотъ принадлежитъ Канту.

чемъ эти попытки предпринимаются чаще всего съ цѣлью умозрительнаго обоснованія господствующей философіи¹⁾.

Въ своемъ знаменитомъ аргументѣ Ансельмъ видитъ простѣйшее средство сдѣлать существованіе Бога очевиднымъ для всякаго ума, обладающаго понятіемъ Бога.

„Никто, разумѣющій, что такое есть Богъ, не можетъ помыслить, что Бога нѣтъ“ („... nemo intelligens id quod Deus est, potest cogitare quia Deus non est ...“²⁾). Благочестивый авторъ и не подозреваетъ, что онъ создаетъ могущественнѣйшее орудіе для панлогизма, превращающаго природу Бога въ отвлеченіе нашей мысли.

Напомнимъ читателю содержаніе онтологическаго доказательства.

„То, совершеннѣе чего нельзя мыслить, не можетъ быть въ одномъ только интеллектѣ“ („... id, quo maius cogitari nequit, non potest esse in intellectu solo“³⁾). Въ этой формулѣ *implicite* данъ весь аргументъ: вторая и третья главы „*Proslogion*“ посвящены цѣликомъ раскрытію ея смысла. Богъ есть самое совершенное существо, „больше котораго нельзя мыслить“. То, что существуетъ и въ сознаніи (*in intellectu*), и въ дѣйствительности (*in re*), „больше“ того, что существуетъ только въ сознаніи. Допуская, что Богъ существуетъ только въ нашей мысли, мы вносимъ въ Его понятіе внутреннее противорѣчіе:

„Если... то, больше (совершеннѣе) котораго помыслено быть не можетъ, существуетъ въ одномъ только сознаніи,

1) Черта крайне поучительная: и у Спинозы вся система первоначально должна служить обоснованіемъ положенія: „Вещи... безъ Бога не могутъ ни существовать, ни быть поняты“ („res... sine Deo nec esse nec concipi possunt“).

Точно такъ же Гегель и правые гегельянцы склонны видѣть въ своей философіи рациональное оправданіе основоположеній протестантской теологіи.

2) *Proslogion* C. IV. *Patrol. lat.* Ser. II. T. CLVIII. P. 229.

3) *Ib.* C. II, p. 228.

(въ такомъ случаѣ) то самое, больше котораго ничего помыслено быть не можетъ, является такимъ, что можно помыслить нѣчто больше его. Но этого, очевидно, не можетъ быть (*Si ergo id, quo maius cogitari non potest, est in solo intellectu, idipsum, quo maius cogitari non potest, est quo maius cogitari potest: sed certe hoc esse non potest*). Остается, поэтому, заключить, что „существуетъ . . . вѣдѣ сомнѣнія нѣчто такое, больше котораго ничего помыслить нельзя, и въ сознаниі, и въ дѣйствительности“ (*Existit . . . procul dubio aliquid, quo maius cogitari non valet, et in intellectu, et in re*)¹⁾.

„Итакъ, — заканчиваетъ Ансельмъ свое обращеніе къ Вседержителю (доказательство ведется въ формѣ молитвы) — Ты воистину существуешь, Господи, такъ что Тебя даже помыслить нельзя несуществующимъ. Вѣдь если бы какой-нибудь разумъ могъ помыслить нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ Ты, то тварь поднялась бы выше Творца, . . . что является нелѣпостью“. (*Sic ergo vere es, Domine, Deus meus, ut nec cogitari possis non esse. Si enim aliqua mens posset cogitare aliquid melius te, ascenderet creatura super Creatorem, . . . quod valde est absurdum*)²⁾.

Значеніе аргумента Ансельма для панлогистической спекуляціи проще всего выяснить путемъ сравненія его выводовъ съ ученіемъ Парменида.

„Сущее есть“ — предикатъ бытія аналитически вытекаетъ здѣсь изъ понятія „сущаго“. Но то же самое, по существу, имѣемъ мы и у Ансельма: въ понятіи Бога, какъ существа самаго совершеннаго заключается въ качествѣ его признака, или предиката бытіе; достаточно простого анализа понятія существа, „больше котораго нельзя помыслить“ (*quo maius cogitari nequit*), чтобы открыть въ немъ этотъ признакъ.

1) Ib.

2) Prosl. Cap. III (p. 228).

Такимъ образомъ, онтологическое доказательство построено на той же основѣ, что и утверженіе Парменида о необходимомъ существованіи подлинно-сущаго. Оно представляетъ собою прямое приложеніе посылокъ логическаго реализма къ вопросу о абсолютной основѣ дѣйствительности¹⁾.

Выведеніемъ бытія изъ понятія истощивается то общее, что мы находимъ у элейскаго философа и у Кентерберійскаго епископа.

Ансельмъ не ставитъ знака равенства между подлинно-сущимъ и его отвлеченнымъ предикатомъ, не видитъ въ бытіи полного выраженія внутренней природы безусловнаго, но, несомнѣнно, онъ дѣлаетъ важный шагъ въ этомъ направленіи, и не даромъ развитія системы панлогизма берутъ онтологическій аргументъ въ качествѣ исходнаго пункта для своихъ отвлеченныхъ построений: такъ, у Спинозы въ основѣ всей системы лежитъ ученіе о существѣ, изъ отвлеченной природы котораго слѣдуетъ его существованіе (*ex cujus essentia sequitur existentia*)²⁾.

1) Именно въ такомъ логическомъ смыслѣ истолковываютъ занимающій насъ аргументъ большинство изслѣдователей исторіи средневѣковой философіи [Maurice De Wulf, (*Hist. de la philos. médiévale*), Baumecker (Witelo), Domet de Vorges (*Saint Anselme*), Grunwald (*Geschichte d. Gottesbeweise im M. A.*) и др.].

Нельзя, однако, не отмѣтить и психологическаго толкованія (какъ намъ кажется, искусственнаго): представленіе совершеннѣйшаго Существа въ нашемъ сознаніи можетъ быть объяснено только зависимостью этого представленія отъ объективнаго бытія совершеннѣйшаго Существа. Такъ, напримѣръ, понимаетъ онтологическій аргументъ Adlhoch.

2) Напомнимъ читателю, что и у Гегеля первоначальный моментъ объективнаго діалектическаго процесса образуетъ идея бытія. Свое же отношеніе къ аргументу Ансельма Гегеля выразилъ вполне опредѣленно въ слѣдующемъ мѣстѣ „Энциклопедіи“:

„Alles Vornehmthun gegen den sogenannten ontologischen Beweis und gegen die Anselmische Bestimmung des Vollkommenen hilft nichts, da sie in jedem unbefangenen Menschensinn ebenso sehr liegt, als in jeder Philosophie . . . und im Principe des unmittelbaren Glaubens zurückkehrt“. (Всякое отношеніе свысока къ такъ называемому онтологическому доказательству и къ ансельмовскому опредѣленію Всесовершеннаго ни къ чему не ведетъ, такъ какъ это опредѣленіе настолько же глубоко заложено

Значеніе онтологическаго аргумента для развитія панлогистической концепціи выступаетъ съ особенною отчетливостью, если вспомнить его судьбы въ новой философіи. Всѣ крупнѣйшіе представители докантовскаго раціонализма¹⁾ согласны въ томъ, „что можно съ полнымъ правомъ заключать, что Богъ существуетъ изъ того, что необходимое существованіе уже заключается въ нашемъ понятіи о Немъ“ (*Ex eo quod existentia necessaria in nostro de Deo conceptu contineatur, recte concludi Deum existere*)²⁾.

Но и критика Канта³⁾ не нанесла онтологическому доказательству окончательнаго удара, напротивъ, изъ его

жено во всякомъ непредубѣжденномъ человѣческомъ сознаніи, какъ и во всякомъ философскомъ міросозерцаніи . . . и выступаетъ наружу въ принципъ непосредственной вѣры).

Поэтому Гегель принимаетъ его и находитъ, что единственнымъ недостаткомъ аргументаціи Ансельма является отсутствіе усмотрѣнія безусловнаго единства мысли и бытія въ Безконечномъ. (*Dem Beweise, den Kant kritisirt, so wie es noch jetzt nach seiner Art gäng und gäbe ist, fehlt nur die Einsicht in die Einheit des Denkens und Seyns beim Unendlichen Werke. XV, 168*).

1) А догматическій раціонализмъ, при послѣдовательномъ развитіи его предпосылокъ, не можетъ привести ни къ какому иному міросозерцанію, кромѣ панлогистическаго.

2) *Cartesii Principia philosophiae. I, 14.*

Формула Декарта напоминаетъ формулу Александра Галесскаго. *Optimum est optimum* — доказываетъ *doctor irrefragabilis* — *Ergo optimum est, quia intellectu eius quod est „optimum“ intelligitur „esse“* („Совершеннѣйшее есть совершеннѣйшее . . . Слѣдовательно совершеннѣйшее существуетъ, ибо въ понятіи „совершеннѣйшаго“ уже заключается понятіе „существованія“).

3) Очень часто въ Кантѣ видятъ перваго протівника онтологическаго аргумента. Такъ Гегель въ своихъ лекціяхъ по исторіи философіи утверждаетъ, что аргументація Ансельма вплоть до Канта пользовалась всеобщимъ признаніемъ (*Die Argumentation hat bis auf Kant gegolten. Werke XV, 166*).

На самомъ дѣлѣ противъ выводовъ Ансельма выступилъ уже его современникъ Гауниловъ въ своемъ „*Liber pro Insipiente*“.

Изъ крупныхъ богослововъ XII вѣка, протівникомъ Ансельма является Рихардъ изъ Сонъ-Виктора.

Чрезвычайно остроумной и уничтожающей критикѣ подвергаетъ онтологическое доказательство Тома Аквинскій (*Summa Theolog.*,

школы вышелъ мыслитель, расширившій область, въ которой господствуетъ это доказательство, до крайнихъ предѣловъ.

Въ средневѣковой философіи время наибольшаго распространенія аргумента совпадаетъ съ эпохой высшаго расцвѣта схоластики (XIII вѣкъ).

Паденіе платоническаго реализма и торжество философіи Аристотеля не устранило, такимъ образомъ, изъ схоластики ученія, представляющаго собою кульминаціонный пунктъ въ развитіи средневѣковаго логическаго реализма.

Только Тома Аквинскій и Рихардъ Миддлетонъ рѣшительно отвергають аргументъ Ансельма.

Другіе же крупные представители разсматриваемаго періода (Вильгельмъ Оксеррскій, Александръ Галесскій, Бонавентура, Дунсъ Скотъ) присоединяются къ родоначальнику схоластики, внося лишь въ его аргументацію нѣкоторыя видоизмѣненія и дополненія¹⁾.

Нельзя не отмѣтить, что та поправка, которую внесъ въ онтологическій аргументъ Декарта Лейбницъ, была уже отчасти

Pars 1 Quaest. II, Art I; Summa contra gentiles Lib. I, Cap. X; Sentent. Lib. I Dist. III Quaest I Art II).

Блестящія возраженія противъ онтологическаго аргумента Декарта сдѣлалъ Гассенди (Cinquième objections . . . contre la troisième (et) contre la cinquième méditation).

1) Исторія онтологическаго доказательства до недавняго времени была изучена очень поверхностно, и это, разумѣется, обусловливало неправильную оцѣнку идейнаго и историческаго значенія знаменитаго аргумента.

Съ одной стороны, въ сочиненіяхъ, принадлежащихъ специалистамъ по новой философіи, среди которыхъ крайне рѣдко встрѣчаются хорошіе знатоки средневѣковой философіи, очень часто проводится взглядъ, что всѣ представители схоластики, были сторонниками Ансельма.

Съ другой стороны, такой превосходный специалистъ по исторіи схоластической мысли, какъ Stöckl, рѣшительно утверждаетъ, что „аргументъ Ансельма былъ отвергнутъ всей послѣдующей схоластикой“ (das Anselmianische Argument (wurde) von der ganzen folgenden Scholastik zurückgewiesen) (Lehrbuch d. Gesch. d. Philos. I³ S. 389).

И это заблужденіе очень распространено въ философской литературѣ.

Такъ, уже Лейбницъ утверждалъ, что всѣ схоластики отвергають онтологическій аргументъ (Les scolastiques sans excepter même leur

предвосхищена Бонавентурой; съ совершенной отчетливостью формулируетъ ее Дунсъ Скотъ, который „окрашиваетъ“ доказательство Ансельма (*potest colorari illa ratio Anselmi*):

Гаунилонъ, возражая противъ выводовъ Ансельма, указывалъ, что достаточно, слѣдую послылкамъ его аргумента, представить себѣ островъ, лучше или больше котораго нельзя вообразить, чтобы признать его реальное существованіе. Бонавентура (*De mysterio Trinitatis, Qu. 1, Art. I*) защищаетъ ученіе Ансельма слѣдующимъ образомъ. Понятіе самаго совершеннаго острова заключаетъ внутреннее противорѣчіе, такъ какъ островъ означаетъ существо несовершенное (*ens defectivum*) и, слѣдовательно, его предикатомъ не можетъ быть необходимое существованіе. Напротивъ, „когда я говорю о существѣ, больше котораго нельзя ничего помыслить, то нѣтъ здѣсь никакого противорѣчія между субъектомъ и его предикатомъ, и, поэтому, существо это можетъ быть мыслимо вполне рационально“ (*cum dico ens, quo nihil maius cogitari potest, hic nulla est repugnantia inter subiectum et implicationem; et ideo rationabiliter potest cogitari*).

Точно также Дунсъ Скотъ, выяснивъ отсутствіе внутреннего противорѣчія въ понятіи *ens, quo maius cogitari non potest*, заключаетъ: „Если Богъ возможенъ, (Онъ) существуетъ“ („*Si Deus est possibilis, est*“).

Docteur Angélique ont méprisé cet argument et l'ont fait passer pour un paralogisme, en quoi ils ont eu grand tort. — Nouveaux Essais Liv. IV, Ch. X, § 7 (éd. Erdmann P. 374, 375.)

Устраненіе подобныхъ недоразумѣній составляетъ серьезную задачу Clemens'a Bäumker'a и руководимыхъ имъ сообща съ Baumgartner'омъ и Hertling'омъ „*Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters*“. Самъ Bäumker подвергъ внимательному разсмотрѣнію онтологическій аргументъ въ своемъ соч.: „*Witelo, ein Philosoph des XIII Jahrhunderts*“ (*Beiträge etc. III, 2*) и далъ толчокъ къ его основанному на первоисточникахъ изученію въ сочиненіяхъ G. Grunwald'a „*Geschichte der Gottesbeweise im Mittelalter bis zum Ausgange der Hochscholastik*“ (*Ib. VI, 3*) и A. Daniels'a „*Quellenbeiträge und Untersuchungen zur Geschichte der Gottesbeweise im XIII Jahrhundert mit besonderer Berücksichtigung des Argumentes im Proslgion des Hl. Anselm*“ (*Ib. VIII 1—2*).

Лейбницъ, присоединяясь, въ общемъ, къ Ансельму и Декарту, находить, что ихъ доказательство бытія Божія нуждается въ дополненіи (. . . celle (démonstration) que Mr Descartes a empruntée d'Anselme Archevêque de Cantorbery est très-belle et très-ingénieuse à là vérité, mais . . . il y a encore un vide à remplir). „Это доказательство не совершенно, оно предполагаетъ то, что еще нуждается въ доказательствахъ“. Его скрытой предпосылкой является допущеніе, что идея всесовершеннаго существа возможна и не заключаетъ никакого внутренняго противорѣчія (c'est une démonstration imparfaite, qui suppose quelque chose qu'il falloit encore prouver, pour le rendre d'une évidence mathématique, c'est qu'on suppose tacitement que cette idée de l'Être tout grand, ou tout parfait, est possible et n'implique point de contradiction) (Nouveaux Essais Liv. IV Chap. X. Éd. Erdmann P. 374, 375).

„Одному только Богу, или необходимому Существому принадлежить то преимущество, что онъ существуетъ, если онъ возможенъ. И такъ какъ ничто не можетъ помѣшать возможности того, что не заключаетъ въ себѣ никакихъ границъ, никакого отрицанія и, слѣдовательно, никакого противорѣчія, то этого одного достаточно, чтобы признать Существованіе Бога a priori“ („Ainsi Dieu seul (ou l'Être Nécessaire) a ce privilège, qu'il faut qu'il existe, s'il est possible. Et comme rien ne peut empêcher la possibilité de ce qui n'enferme aucunes bornes, aucune négation et par conséquence aucune contradiction, cela seul suffit pour connoître l'Existence de Dieu a priori.) (Monadologie § 45).

Онтологическій аргументъ во всѣхъ своихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ является однимъ изъ лучшихъ подтвержденій той мысли, что приложеніе предпосылокъ раціоналистической теоріи знанія къ проблемѣ безусловнаго начала вещей неизбѣжно приводитъ къ отвлеченно-идеалистической концепціи сущаго.

Внутренняя несостоятельность этой концепціи обнаруживается уже въ томъ, что, въ концѣ концовъ, ни одинъ изъ ея представителей не удовлетворяется однимъ только отвлеченнымъ опредѣленіемъ природы безусловнаго:

Парменидъ приписываетъ сущему матеріальные признаки, уподобляя его „однородной массѣ шара“.

Платонъ усматриваетъ начало всего существующаго въ идеѣ блага, тождественной съ идеей прекраснаго и истиннаго, и это абсолютно-истинное, благое и прекрасное начало вселенной онъ возвышаетъ надъ идеей бытія, въ которой строгій панлогизмъ какъ разъ и долженъ видѣть единственную подлинную реальность.

„Въ знаменитомъ произведеніи — говоритъ Charles Secrétan¹⁾ — въ которомъ Платонъ опредѣленно ставитъ себѣ задачу выяснить, какимъ образомъ всѣ вещи слѣдуютъ изъ перваго основанія, онъ помѣщаетъ въ началѣ не Единство Парменида, но Бога, къ которому не могла привести его диалектика, — разумное и дѣятельное начало вселенной, совершеннаго устроителя предсуществующей матеріи“.

Такъ же, въ сущности, поступаютъ представители панлогистическаго теченія въ патристикѣ и въ средневѣковой философіи. Отъ крайнихъ выводовъ изъ отвлеченнаго ученія о сущемъ ихъ удерживаетъ или „отрицательное богословіе“, или общее религіозное міропониманіе съ его рѣзко-выраженнымъ динамическимъ характеромъ.

Среди доказательствъ бытія Божія, занимающихъ въ

1) La philosophie de la liberté. L'Idée. II Éd. (1866) P. 64: ... dans l'ouvrage célèbre où Platon se propose expressément de dire comment toutes choses procèdent du premier principe, il ne place point au commencement l'Unité de Parménide, mais un Dieu que sa dialectique ne lui a pas fourni, un Dieu qui réfléchit et délibère, un Dieu qui agit et qui se meut, un *δημιουργός*, excellent ordonnateur d'une matière préexistante.

(Буквальный русскій переводъ этого отрывка вышелъ бы очень тяжелымъ — въ виду этого я позволялъ себѣ нѣкоторыя отступленія отъ оригинальнаго текста, не искажающія, впрочемъ, его общаго смысла).

схоластикъ такое видное мѣсто, онтологическій аргументъ играетъ лишь второстепенную роль: онъ или сочетается, или даже уступаетъ свое мѣсто другимъ аргументамъ. Самые важные изъ этихъ аргументовъ, космологическій и телеологическій¹⁾, ведутъ къ признанію всеблагой личной силы, являющейся единственнымъ источникомъ гармоніи и цѣлесообразности во вселенной. А это признаніе уже заключаетъ въ себѣ зародышъ спиритуалистическаго міропониманія, которое объединено съ христіанствомъ нерасторжимой внутренней связью²⁾.

1) Справедливость требуетъ отмѣтить, что эти аргументы мы находимъ уже въ браманизмѣ (См. Deussen. *Das System der Vedanta*. I Th., Cap. VIII: *Beweise für das Dasein Gottes*. §§ 2 и 3. — II изд. 1906 г. Стр. 133—135).

2) Крупнѣйшій представитель спиритуалистической философіи въ прошломъ столѣтіи Gustav Teichmüller настаиваетъ на внутреннемъ родствѣ христіанскаго и спиритуалистическаго (или персоналистическаго) міропониманій: „Nur das Christenthum verliess den Pfad der perspectivischen Weltbetrachtung und rief uns zum Wachen, indem es die Person, das Ich zur Geltung brachte, und deshalb historisch und nicht mythologisch verfuhr. Das Christenthum offenbarte einen wirklichen d. h. einen persönlichen Gott, nicht eine Idee gleich Nichts; es wandte sich an den Menschen, als die Zeit erfüllt war, d. h. in historisch und wirklich geordneter Reihe der Thätigkeiten und des Geschehens; es forderte von dem Menschen das Herz und die Überzeugung (*πίστις*) und erkannte ihn damit als ein selbständiges Wesen an. Das einzelne Ich war nicht mehr eine flüchtige, werthlose Erscheinung, sondern ein unsterbliches und historisch eingeordnetes Glied der wirklichen ganzen Welt. Das Christenthum stellte sich auch nicht hin in die Welt, indem es den ersten Anfang der Dinge und das letzté Ende mit brahmanischem, buddhistischem, osirischem und Platonischem Nebel verdeckte und die Kantische Unendlichkeit oder die „schlechte Unendlichkeit“ Hegel's als Vorhang und Ausrede benutzte, sondern es zerriss diesen illusorischen Vorhang, zeigte den Schein der verweslichen Hülle des Leibes, zog das unverwesliche persönliche Ich daraus hervor und schloss das Ganze der wirklichen Welt mit der erhabensten Kühnheit in die feste historische Ordnung der Vorsehung ein, welche den Faden vom Anfang bis zum Ende in der Hand behält“. (Die wirkliche und die scheinbare Welt. S. 349).

Въ качествѣ историческаго аргумента въ пользу этого геніальнаго сближенія можно сослаться, между прочимъ, и на то обстоятельство, что величайшій мыслитель христіанства Августинъ является, въ то же время, родоначальникомъ спиритуалистической философіи.

Космологическое и телеологическое доказательства бытія Божія, отправляющіяся отъ созерцанія порядка, красоты и цѣлесообразности въ мірозданіи, носятъ явно апостериорный характеръ и въ этомъ отношеніи они прямо противоположны априорному онтологическому аргументу.

Путь къ познанію Божества идетъ отъ Творенія къ Творцу, ихъ внутренняя связь постигается умозрѣніемъ въ динамической категоріи свободного творческаго акта, а категорія эта имѣетъ смыслъ только въ спиритуалистическомъ міропониманіи, — въ отвлеченномъ идеализмѣ для нея просто нѣтъ мѣста.

Подводя итоги нашему бѣглому историческому обзору основныхъ моментовъ панлогизма въ древней и средневѣковой философіи, мы приходимъ къ тому выводу, что отвлеченный идеализмъ не въ состояніи собственными средствами рѣшить вопросъ объ отношеніи безусловной дѣйствительности къ міру конкретныхъ вещей: всѣ его упорныя усилія въ этомъ направленіи приводятъ лишь къ ряду заимствованій изъ того міросозерцанія, которое можетъ дать вполне удовлетворительное рѣшеніе этой основной философской проблемы.

Быть можетъ, однако, эта роковая необходимость заимствовать важнѣйшія идеи изъ чуждаго міропониманія тяготеетъ только надъ античнымъ и средневѣковымъ панлогизмомъ, а панлогизмъ въ новой философіи преодолеваетъ этотъ недостатокъ, превращаясь въ самостоятельное, не нуждающееся въ контрабандѣ, міропониманіе?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ дать лишь изученіе важнѣйшихъ панлогистическихъ системъ новаго времени.

Спиноза.

Если мы обратимся къ исторіи новой философіи, то мы убѣдимся, что и въ ней развитіе идеи сущаго подчиняется въ основныхъ чертахъ той же законмѣрности и послѣдо-

вательности, которую мы нашли въ исторіи древней и средне-вѣковой мысли.

Первой монистической системой, слѣдующей за дуалистической философіей Декарта, является система Спинозы.

Въ своемъ міросозерцаніи Спиноза объединяетъ, прежде всего, строгій раціонализмъ съ монотеистической концепціей дѣйствительности.

Какъ разъ объединеніе этихъ двухъ идейныхъ теченій лежитъ въ основѣ отвлеченнаго ученія о сущемъ у Парменида.

И какъ ни велико, въ концѣ концовъ, различіе системъ Спинозы и Парменида въ другихъ отношеніяхъ, концепція подлинно-сущаго совпадаетъ у обоихъ мыслителей во всѣхъ существенныхъ моментахъ.

Спиноза считаетъ основной задачей философіи познаніе природы высшаго блага и средствъ, ведущихъ къ нему. Единственное безусловное благо онъ усматриваетъ въ „познаніи связи, которая объединяетъ (нашъ) разумъ со всей природою“ (*cognitio unionis, quam mens cum tota natura habet*) ¹⁾.

Какимъ же путемъ можемъ мы прійти къ такому познанію?

Что оно вообще можетъ быть достигнуто, это Спиноза предполагаетъ съ самаго начала — возможность абсолютнаго познанія не составляетъ для него, какъ для представителя крайняго раціонализма, даже проблемы.

Весь вопросъ въ выборѣ средствъ для выполненія данной задачи, а не въ ея принципиальной выполнимости.

Познаніе осуществляется исключительно въ ясныхъ и отчетливыхъ понятіяхъ. Если абсолютное начало познаваемо до конца не только въ своихъ проявленіяхъ, но и въ своей внутренней сути, то въ немъ не можетъ быть ничего, что

1) *Tract. de intellectus emendatione*, II, 13.

бы принципиально выходило за предѣлы нашихъ понятій. Въ послѣднихъ дано все, что необходимо для абсолютнаго познанія: философъ находитъ въ нихъ всѣ средства для построения такой логической системы, которая представляла бы полное и адекватное воспроизведеніе объективнаго порядка дѣйствительности. Безусловная рациональность всего существующаго, какъ условіе адекватнаго познанія дѣйствительности, — такова главная предпосылка системы Спинозы.

Въ однихъ и тѣхъ же логическихъ актахъ мы обнимаемъ дѣйствительность условную, обосновывающую ее дѣйствительность абсолютную и ихъ внутреннюю связь. Имманентность Бога вселенной *implicite* уже дана въ предпосылкахъ міросозерцанія: если безусловное начало дѣйствительности трансцендентно міру, если оно „выше разума, выше бытія“ (*ὑπέρνοος, ὑπερούσιος* — Плотинъ), то путь, намѣченный нашимъ философомъ, очевидно, не ведетъ къ цѣли. Чтобы быть предметомъ адекватнаго познанія, Богъ долженъ составлять съ конкретно дѣйствительностью одно неразрывное цѣлое, вполне выразимое въ нашихъ логическихъ категорияхъ.

Какое же изъ нашихъ понятій мы вправѣ приложить къ Богу такимъ образомъ, чтобы оно адекватно выражало его истинную сущность?

Отношенія мыслимыя строго отвѣчаютъ отношеніямъ дѣйствительнымъ. „Первое“ въ дѣйствительномъ порядкѣ вещей должно быть также „первымъ“ для нашего мышленія. Какъ въ „порядкѣ дѣйствительности“ существуетъ начало, все собою обуславливающее и ничѣмъ необуславливаемое, такъ и въ „порядкѣ идей“ должно существовать такое понятіе, которое имѣетъ абсолютно первоначальный характеръ, возвышаясь надо всѣмъ, что можетъ быть предметомъ нашей мысли.

Абсолютное познаніе должно представлять собою систему понятій, развивающихся и вытекающихъ съ безусловною

необходимостью изъ одного основнаго, всеобъемлющаго понятія ¹⁾. Разъ такая система адекватно воспроизводитъ дѣйствительную связь вещей, то въ этой связи не можетъ быть ничего, что бы принципиально не укладывалось въ рамки чисто идеальныхъ отношеній. Если „порядокъ вещей“ (*ordo rerum*) совершенно тотъ же, что „порядокъ идей“ (*ordo idearum*), то между связью логической и связью реальною не можетъ быть никакого различія.

Съ этими предпосылками Спиноза подходитъ къ рѣшенію проблемы подлинно-сущаго.

Въ виду огромнаго значенія его идей для исторіи новой философіи намъ придется съ особымъ вниманіемъ остановиться на основныхъ частяхъ его системы.

Первыя же строки „Этики“ посвященныя опредѣленію основныхъ понятій, съ которыми оперируетъ это произведеніе, вводятъ насъ въ средоточіе міросозерцанія Спинозы.

„Подъ причиною самого себя я понимаю то, сущность чего заключаетъ (въ себѣ) существованіе, или то, природа чего не можетъ быть понята иначе, какъ существующею“ ²⁾.

„Подъ субстанціей я понимаю то, что въ себѣ есть и понимается черезъ себя, т. е. то, понятіе чего не нуждается въ понятіи никакой другой вещи“ ³⁾.

„Подъ Богомъ я понимаю сущность абсолютно безконечную, то-есть субстанцію, состоящую изъ безконечно

1) См. *Tractatus de intellectus emendatione* § 42.

2) *Per causam sui intelligo id, cuius essentia involvit existentiam; sive id, cuius natura non potest concipi nisi existens.* (*Eth. I Def. 1*).

3) *Per substantiam intelligo id, quod in se est, et per se concipitur: hoc est id, cuius conceptus non indiget conceptu alterius rei.* (*Ib. Def. 3*).

многихъ атрибутовъ, каждый изъ которыхъ выражаетъ вѣчную и безконечную сущность“¹⁾).

Для Спинозы истинное опредѣленіе адекватно выражаетъ природу опредѣляемой вещи, ея истинную сущность²⁾. Поэтому, только что приведенныя опредѣленія представляютъ собою фактическія утвержденія, предвосхищающія въ значительной степени содержаніе основныхъ частей системы.

У Парменида природу подлинно-сущаго опредѣляетъ предикатъ бытія, аналитически вытекающій изъ понятія сущаго.

Точно такъ же для Спинозы подлинное сущее есть „причина самаго себя“ (*causa sui*), изъ понятія которой слѣдуетъ (въ качествѣ ея предиката) существованіе (*cuius essentia involvit existentiam*). Весь сложный путь, ведущій сначала къ седьмой³⁾, а, затѣмъ, къ одиннадцатой теоремѣ⁴⁾ первой книги, для доказательства необходимаго существованія безусловнаго совершенно излишенъ, такъ какъ его результатъ данъ въ исходномъ пунктѣ,

Опредѣленіе сущности по существу выражаетъ то же, что и понятіе „причины самого себя“, именно логическую безусловность никакимъ инымъ понятіемъ (*id, cuius*

1) *Per Deum intelligo ens absolute infinitum, hoc est, substantiam constantem infinitis attributis, quorum unumquodque aeternam et infinitam essentiam exprimit* (Ib. Def. 6).

2) *Eth. I 8, Schol. 2: ... veram uniuscujusque rei definitionem nihil involvere neque exprimere praeter rei definitae naturam.*

De intell. emend. § 95: Definitio ut dicatur perfecta, debet intimam essentiam rei explicare.

Ib. § 94: ... recta invenieniendi via est ex data aliqua definitione cogitationes formare.

3) *Ad naturam substantiae pertinet existere* (Къ природѣ сущности относится существованіе).

4) *Deus, sive substantia constans infinitis attributis, quorum unumquodque aeternam et infinitam essentiam exprimit, necessario existit* (Богъ, или сущность, состоящая изъ безчисленныхъ атрибутовъ изъ которыхъ каждый выражаетъ вѣчную и безконечную сущность, существуетъ необходимо).

conceptus non indiget conceptu alterius rei, a quo formari debeat).

Наконецъ, опредѣленіе Бога, какъ „существа абсолютно-безконечнаго“ (*ens absolute infinitum*)¹⁾, по существу, ничѣмъ не отличается отъ опредѣленій „субстанціи“ и причины самого себя“.

Всѣ эти понятія выражаютъ лишь отвлеченный и чисто-отрицательный признакъ подлинно-сущаго — именно, его (логическую) безусловность.

Совершенно такъ же у Парменида природа сущаго исчерпывается самымъ общимъ и отвлеченнымъ предикатомъ бытія и выводимыми изъ этого предиката отрицательными признаками неизмѣнности, неподвижности и т. д.

Если бытіе „сущаго“ слѣдуетъ изъ его понятія, то къ нему, очевидно, неприменима категорія времени: отношеніе предиката къ субъекту носить сверхвременный характеръ и, слѣдовательно, сущее вѣчно.

Такъ совершенно правильно заключалъ Парменидъ.

„Подъ вѣчностью, — говоритъ Спиноза, — я понимаю само существованіе, поскольку оно необходимо слѣдуетъ изъ одного опредѣленія вѣчной вещи“¹⁾. Но существованіе слѣдуетъ изъ опредѣленія одного только безусловнаго начала²⁾, слѣдовательно, абсолютно-сущее — вѣчно.

Сущее безконечно. Ибо нѣтъ другого „сущаго“, которое бы его ограничивало, — такова въ сокращенномъ видѣ аргументація Парменида.

То же самое и такимъ же образомъ доказываетъ Спиноза:

Если бы субстанція не была безконечной, ее ограни-

1) Подъ „абсолютно безконечнымъ существомъ“ Спиноза понимаетъ то, сущность чего исключаетъ какое бы то ни было ограниченіе и отрицаніе.

1) *Per aeternitatem intelligo ipsam existentiam, quatenus ex sola rei aeternae definitione necessario sequi concipitur. Eth. I Def. 8.*

2) Напомнимъ читателю, что Спиноза опредѣляетъ безусловное (*causa sui*), какъ „*id, cuius essentia involvit existentiam*“ (*Def. I.*).

чивала бы другая субстанція одинакой съ первою природы¹⁾, но эту возможность Спиноза отрицаетъ, опираясь на теорему пятую, утверждающую, что „въ природѣ вещей не могутъ быть даны двѣ или больше субстанціи одной и той же природы“²⁾.

Почему „въ природѣ вещей не можетъ быть, двухъ или болѣе субстанцій одной и той же природы, или атрибута“?

Если бы существовали многія различныя субстанціи, то онѣ отличались бы другъ отъ друга или различными атрибутами или различными аффекціями. Положеніе это слѣдуетъ для нашего философа изъ анализа понятій субстанціи, атрибута и аффекцій (модусовъ): субстанція существуетъ въ себѣ, аффекціи существуютъ въ другомъ, но все, что существуетъ (по аксіомѣ первой), существуетъ или въ себѣ или въ другомъ, слѣдовательно, вещи не могутъ различаться ничѣмъ инымъ, „какъ субстанціями или, что то

1) Eth. I, 8. Dem. . . . deberet terminari ab alia eiusdem naturae.

2) In rerum natura non possunt dari duae aut plures substantiae ejusdem naturae sive attributi.

Самостоятельнаго значенія эта теорема не имѣетъ, но на ней построенъ рядъ другихъ утвержденій, между прочимъ, теоремы тринадцатая (о недѣлимости субстанціи) и четырнадцатая (субстанція существуетъ только одна). Мы считаемъ, поэтому, необходимымъ подробно передать доказательство этой теоремы: въ послѣдующемъ изложеніи намъ придется нѣсколько разъ возвращаться къ ней.

Любопытно отмѣтить, что съ формальной стороны занимающее насъ утвержденіе выражаетъ то же, что и „принципъ тождества неразличимыхъ“ (*principium identitatis indiscernibilium*) Лейбница: „Въ природѣ никогда не бываетъ двухъ существъ, которые были бы одно совершенно, какъ другое и въ которыхъ нельзя было бы найти различія внутренняго“. (*„Il n'y a jamais dans la nature, deux Êtres, qui soient parfaitement l'un comme l'autre et où il ne soit possible de trouver une différence interne, ou fondée sur une dénomination intrinsèque“*. — *Monadologie*. § 9). Лейбницъ настаиваетъ, такимъ образомъ, на невозможности одного только нумерическаго различія вещей, не сопровождаемаго никакими качественными различіями. Но онъ не дѣлаетъ отсюда вывода, что подлинное бытіе принадлежитъ только одной субстанціи, — напротивъ онъ принимаетъ безконечное множество простыхъ духовныхъ существъ (монадъ).

же, ихъ атрибутами и ихъ аффекціями¹⁾. Итакъ, если двѣ субстанціи различаются исключительно атрибутами, то ясно, что каждой субстанціи принадлежитъ отличный отъ другихъ атрибутъ, или, что существуетъ только одна субстанція съ однимъ и тѣмъ же атрибутомъ (*non dari nisi unam ejusdem attributi*)²⁾. Если же различіе субстанцій основано на различіи аффекцій (при одномъ и томъ же атрибутѣ), то вѣдь аффекціи или модусы не затрагиваютъ истинной природы субстанціи: субстанція первѣе своихъ аффекцій (что опять-таки вытекаетъ изъ ея понятія), поэтому, она должна разсматриваться въ себѣ самой (*in se considerata hoc est vere considerata*) и, разсматриваемая такимъ образомъ не можетъ быть отличной отъ другой и, слѣдовательно, существуетъ только одна субстанція съ однимъ и тѣмъ же атрибутомъ³⁾.

„Субстанція абсолютно-безконечная — недѣлима“⁴⁾. Если бы субстанція была дѣлимой, то части, получившіяся отъ этого дѣленія, или сохраняли бы природу

1) Eth. I 4, Dem.

2) Ib. 5, Dem.

3) Мы воспроизвели аргументацію Спинозы почти буквально и трудно не согласиться съ тѣмъ, что пресловутый „геометрический методъ“ безъ малѣйшей надобности усложняетъ ходъ аргументаціи, требуетъ постоянныхъ повтореній, утомляющихъ вниманіе, и дѣлаетъ изложеніе крайне однообразнымъ и безцвѣтнымъ. Къ тому же онъ далеко не предохраняетъ отъ возможности прямыхъ логическихъ ошибокъ, общій источникъ которыхъ въ томъ, что одностороннія абстрактныя опредѣленія не могутъ объять всей дѣйствительности съ ея многообразными отношеніями.

Такъ, въ воспроизведенной нами аргументаціи упущена изъ виду слѣдующая возможность: двумъ или болѣе субстанціямъ могутъ принадлежать въ одномъ отношеніи совершенно тождественные атрибуты и, въ то же время, въ другомъ отношеніи у каждой изъ нихъ могутъ быть различныя атрибуты. Выводъ Спинозы былъ бы правиленъ съ формальной стороны только въ томъ случаѣ, если бы природа субстанціи всецѣло исчерпывалась однимъ атрибутомъ, но этого, какъ извѣстно, не допускаетъ и самъ авторъ „Этики“.

4) *Substantia absolute infinita est indivisibilis.* (Eth. I, 13).

цѣлаго, или теряли бы ее. Въ первомъ случаѣ мы должны были бы признать существованіе многихъ субстанцій съ однимъ и тѣмъ же атрибутомъ, что, согласно теоремѣ пятой невозможно. Во второмъ случаѣ субстанція, распадаясь на части, лишенная ея природы, перестала бы существовать, но бытіе субстанціи есть ея необходимый предикать, вытекающій изъ ея отвлеченной сущности и, слѣдовательно, сдѣланное допущеніе ведетъ къ логическому противорѣчію.

Субстанція одна¹⁾. Ея абсолютно-безконечной сущности принадлежать всѣ атрибуты, какіе только существуютъ; если бы мы допустили кромѣ абсолютно-безконечнаго существа еще другія субстанціи, то атрибуты послѣднихъ совпадали бы съ атрибутами безконечной субстанціи, что противорѣчитъ теоремѣ пятой.

Выводъ этотъ могъ бы быть полученъ болѣе прямымъ путемъ. Сопоставьте съ аргументаціей Спинозы тотъ силлогизмъ, при посредствѣ котораго Парменидъ доказываетъ единство (или точнѣе единичность) сущаго²⁾ и вы, несомнѣнно, согласитесь съ замѣчаніемъ Гегеля: „Но (то утвержденіе, согласно которому) существуетъ только одна субстанція, заключается уже въ опредѣленіи субстанціи; доказательства представляютъ лишь формалистическія потуги мысли, которыя только затрудняютъ пониманіе Спинозы³⁾“.

Чтобы закончить нашъ общій обзоръ ученія Спинозы о подлинно-сущемъ въ немъ самомъ, мы укажемъ еще на

1) *Praeter Deum nulla dari neque concipi potest substantia* (Eth. I, 14). (Кромѣ Бога не можетъ ни существовать (быть данной), ни быть понятой ни одна субстанція).

2) То что (существуетъ) внѣ сущаго (есть) не-сущее :

Не-сущаго нѣтъ вовсе.

Сущее — одно.

3) „Dass aber nur eine Substanz ist, liegt schon in der Definition von Substanz; die Beweise sind nur formelle Quälereien, die nur das Verstehen Spinozas zu erschweren dienen“.

то, что неизмѣнность субстанціи выводится въ королларіи къ теоремѣ двадцатой¹⁾, какъ слѣдствіе тождества въ ней отвлеченной сущности (*essentia*) и бытія, или проще понятія и бытія. Тождество это подразумѣвается уже въ опредѣленіи *causa sui*, съ котораго начинается „Этика“, и, слѣдовательно весь утомительный путь, ведущій къ двадцатой теоремѣ, для доказательства ея второго королларія оказывается излишнимъ.

Приговоръ Гегеля справедливъ, такимъ образомъ, и по отношенію къ доказательству неизмѣнности подлинно-сущаго; съ полнымъ правомъ его можно распространить на все ученіе Спинозы объ абсолютно-бесконечной субстанціи въ ней самой. Отъ начала до конца мы имѣемъ въ этомъ ученіи рядъ отвлеченныхъ выводовъ о природѣ безусловнаго изъ его понятія — цѣпь силлогизмовъ, начинающихся съ понятія „причины самого себя, сущность которой заключаетъ въ себѣ существованіе“.

Способъ выведенія и результатъ его — мы еще разъ настаиваемъ на этомъ — принципиально одинаковы у Парменида и у Спинозы, только мысль перваго, не стѣсняемая требованіями „геометрическаго“ метода, движется по наиболѣе естественному и прямому пути, тогда какъ мысль второго повсюду выбираетъ окольный, извилистый и крайне утомительный путь: не желая, во что бы то ни стало, разстаться съ „геометрическимъ способомъ“ изложенія, Спиноза рѣшительно игнорируетъ ту истину геометріи, которая гласитъ, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками.

Послѣдовательно развивая ученіе о бытіи, какъ отвлеченномъ предикатѣ, слѣдующемъ изъ понятія Божества,

1) . . . *Deum sive omnia Dei attributa esse immutabilia* (XX, Cor. 2) (Богъ, или всѣ атрибуты Бога неизмѣнны).

Спиноза создаетъ первую и основную часть своей системы, которая во всемъ существенномъ совпадаетъ съ классическимъ выраженіемъ перваго момента панлогизма въ системѣ Парменида.

Представляетъ ли и дальнѣйшее развитіе его идей продолженіе того же отвлеченнаго пути, на который вступилъ нашъ философъ въ своемъ ученіи о Богѣ-субстанціи?

Основную задачу всей своей философской дѣятельности Спиноза видитъ въ „познаніи связи, которая объединяетъ нашъ разумъ со всею природою“. Связь эта не можетъ носить никакого иного характера, кромѣ чисто-логическаго: если подлинно-сущее понято, какъ отвлеченная, обуславливающая самое себя сущность, или, что то же, какъ понятіе, необусловленное никакимъ инымъ понятіемъ, то міръ конечныхъ вещей не можетъ быть представленъ иначе, какъ логическое слѣдствіе этого понятія.

Понятіе Бога имѣетъ абсолютно первоначальный характеръ, оно само отъ себя (т. е. не нуждаясь ни въ какомъ иномъ понятіи) полагаетъ дѣйствительность Божества; напротивъ, всѣ конечныя вещи имѣютъ производный характеръ, основа ихъ бытія не въ нихъ самихъ, а въ безусловно-сущемъ ¹⁾.

Какимъ же образомъ осуществляется у Спинозы синтезъ абсолютной основы всѣхъ вещей и міра конкретныхъ явленій?

Удастся ли ему выполнить задачу, на рѣшеніе которой потратили столько тщетныхъ усилій крупные представители панлогизма въ древности и въ средніе вѣка?

Прежде всего Спиноза сталкивается съ трудностью,

1) Богъ есть „вещь, которая въ себѣ есть и черезъ себя понимается“, („res quae in se est et per se concipitur“) конечныя же вещи суть модусы божественной субстанціи, которые „безъ субстанціи не могутъ ни существовать, ни быть поняты“ („sine substantia nec esse nec concipi possunt“) (Eth. I 15, Dem.).

которая неизбежно выступает при переходѣ отъ перваго момента панлогизма ко второму.

Подлинно-сущее у Спинозы, совершенно такъ же, какъ и у Парменида, абсолютно замкнуто въ себѣ; оно не можетъ быть ничьей причиной, такъ какъ причинное отношеніе предполагаетъ дѣятельное раскрытіе силы, а отвлеченное сущее абсолютно-бездѣйственно.

Панлогизмъ отождествляетъ причину съ основаніемъ, а реальное причиненіе — съ логическимъ слѣдованіемъ; однако, это отождествленіе не устраняетъ указанной трудности: слѣдствіе отлично отъ своего основанія, міръ, какъ слѣдствіе отвлеченнаго сущаго, существуетъ внѣ его; но сущее — одно, и внѣ его ничего существовать не можетъ; такимъ образомъ, взглядъ на сущее, какъ на основаніе міра вноситъ въ понятіе о сущемъ неустранимое логическое противорѣчіе, изъ котораго — одинъ только выходъ, именно безусловное отрицаніе всякой иной реальности, кромѣ реальности сущаго (элеатизмъ).

Къ такому же заключенію можемъ мы придти путемъ разсмотрѣнія тѣхъ признаковъ, которые Парменидъ и Спиноза приписываютъ сущему.

Всѣ они, какъ мы уже указывали, имѣютъ чисто отрицательный характеръ:

Первоначальныя опредѣленія сущаго у Спинозы (*causa sui; id, cuius conceptus non indiget conceptu alterius rei; ens absolute infinitum* и т. д.) выражаютъ лишь логическую необусловленность сущаго. Вѣчность сущаго означаетъ лишь неприложимость къ нему опредѣленій времени, единичность субстанции — лишь отсутствіе въ ней множественности; наконецъ, отрицательный характеръ такихъ опредѣленій, какъ недѣлимость и неизмѣнность, не требуетъ поясненій.

Если мы, затѣмъ, обратимся къ міру конечныхъ вещей, то, даже разрѣшивъ его въ систему отвлеченныхъ понятій, мы не можемъ не приписать его составнымъ частямъ нѣко-

тораго положительнаго характера: о каждой вещи, какъ бы ничтожна и преходяща она ни была, мы знаемъ, какіе признаки принадлежать ей въ отличіе отъ другихъ вещей.

Богъ и вселенная, производящая и произведенная природа (*natura naturans* и *natura naturata*) — говорятъ намъ дальше — образуютъ неразрывное единство, именно, единство основанія и слѣдствія. Но „знаніе слѣдствія зависитъ отъ знанія основанія“¹⁾. Если мы знаемъ только то, какіе признаки не принадлежатъ основанію, то какое положительное слѣдствіе можемъ мы изъ него вывести? Какъ отъ отрицательныхъ предикатовъ безусловной дѣйствительности найти переходъ къ положительнымъ предикатамъ дѣйствительности условной?

Спиноза не только не показалъ возможности такого перехода, но въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ идей пришелъ къ выводамъ, ярко освѣщающимъ внутреннія противорѣчія такой попытки.

Отъ а к о с м и з м а²⁾ первой общей части своей системы нашъ философъ переходитъ къ п а н т е и з м у³⁾ слѣдующей

1) *Effectus cognitio a cognitione causae dependet, et eandem involvit* (Eth. I Ax. 4). Effectus (дѣйствіе) Спиноза отождествляетъ со слѣдствіемъ, causa (причину) — съ основаніемъ; поэтому, передавая аксіому четвертую, мы для краткости изложенія прямо подставляемъ „слѣдствіе“ на мѣсто „дѣйствія“, и „основаніе“ на мѣсто „причины“.

2) Hegel (Werke XV, 373, 374), защищаетъ философію Спинозы отъ упрека въ атеизмъ, доказывая, что ее, напротивъ, слѣдуетъ признать а к о с м и з м о мъ: „Gott ist nur die Eine Substanz; die Natur, die Welt ist . . . nur Affektion, Modus der Substanz, nicht Substantielles. Der Spinozismus ist also A k o s m i s m u s . . . Das Gegentheil von allem dem ist wahr, was die behaupten, die ihm Atheismus Schuld geben; bei ihm ist zu viel Gott“. Гегель совершенно правъ, поскольку онъ имѣетъ въ виду только первую часть системы Спинозы, но этого утвержденія никакъ не слѣдуетъ распространять на все міросозерцаніе его, слагающееся изъ внутренне несвязанныхъ, порою даже прямо исключających другъ друга частей.

3) Терминомъ „пантеизмъ“ въ его противоположности „теизмъ“ очень часто злоупотребляютъ. Если отвлечься отъ нѣкоторыхъ признаковъ, принадлежащихъ только отдѣльнымъ частнымъ формамъ пантеистическаго міропониманія (безсознательность абсолютнаго начала

общей части, чтобы закончить рѣшительнымъ атеизмомъ въ специальныхъ частяхъ системы, обнимающихъ натурфилософію и психологію.

Въ ученіи о тѣлахъ, совпадающемъ съ господствовавшей въ его время корпускулярной теоріей, и въ теоріи душевной жизни, представляющей важное звено въ исторіи

дѣйствительности, утверждаемая въ нѣмецкомъ идеализмѣ, теорія эманациі неоплатониковъ и Каббалы и т. п.), то всѣ ходячія разграниченія пантеизма и теизма оказываются совершенно неудачными и приводятъ къ ряду весьма существенныхъ недоразумѣній. Пользуясь ходячими признаками пантеизма, можно очень легко причислить къ его сторонникамъ Августина, Эриугену, гностиковъ, Эккарта и Баадера, неизвѣстнаго автора такъ называемыхъ „Ареопагитикъ“ (конецъ V и начало VI вѣка) и многихъ другихъ крупнѣйшихъ представителей христіанской мысли. Въ то же время, такіе общіе и неясные признаки теизма, какъ личность абсолютнаго начала вселенной, даютъ полную возможность отнести къ его сторонникамъ Гассенди и Гоббеса, Вэкона и Вольтера. „Неужели, — говоритъ Лопатинъ, — мы имѣемъ здѣсь естественное дѣленіе системъ по ихъ внутренней однородности? Неужели . . . христіанскіе теологи сроднѣе по духу съ Гоббесомъ и Вольтеромъ, нежели съ Августиномъ и мистиками“. (Положительныя задачи философіи. Ч. I; Изд. 2, Стр. 281). Пантеистическими въ строгомъ смыслѣ слова являются исключительно тѣ системы, „которые утверждаютъ только логическое различіе между безусловнымъ и условнымъ, Богомъ и міромъ, и отрицаютъ различіе реальное, — для которыхъ Божество и вселенная въ самомъ дѣлѣ одна и та же вещь, только подъ двумя углами зрѣнія познающей мысли“. (Тамъ же стр. 289).

Именно такъ смотритъ на отношеніе Бога къ міру Спиноза, и, поэтому, вторая общая часть его системы (ученіе о Богѣ, какъ основѣ вселенной) должна быть признана пантеистической въ строгомъ и точномъ смыслѣ слова. Въ первой общей части (Ученіе о Богѣ въ немъ самомъ) нѣтъ и, по существу, не можетъ быть мѣста для міра, въ специальныхъ же частяхъ системы нѣтъ мѣста для Бога.

Выясненіе тождества послѣдовательнаго пантеизма и панлогизма принадлежитъ Л. М. Лопатину. (См. третью часть перваго тома „Положительныхъ задачъ философіи“, гдѣ новый взглядъ на взаимоотношеніе панлогизма и пантеизма оправданъ и развитъ на широкой историко-философской основѣ).

Ученикъ проф. Лопатина А. И. Огневъ въ своей прекрасной статьѣ „Пантеизмъ и панлогизмъ“, напечатанной въ юбилейномъ сборникѣ Московскаго Психологическаго общества, посвященномъ Л. М. Лопатину, (Москва, 1912. Стр. 147—180), развиваетъ и дополняетъ выводы своего учителя.

ассоциативной школы, Спиноза совершенно забывает о томъ, что „вещи безъ Бога не могутъ ни существовать, ни быть поняты“; ихъ дѣйствительность изъ условной превращается, въ извѣстномъ смыслѣ, въ дѣйствительность абсолютную и даже единственную, не нуждающуюся ни въ какомъ выведеніи и ни въ какой связи съ иною, высшей реальностью ¹⁾.

На первый взглядъ можетъ показаться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ вопиющимъ противорѣчіемъ: конецъ системы ничего не знаетъ о началѣ ея и никакъ отъ него не зависитъ.

Вглядитесь, однако, внимательнѣе въ развитіе идей Спинозы и вы убѣдитесь, что надъ этимъ развитіемъ господствуетъ своеобразная внутренняя логика.

Подлинно-сущее, вся дѣйствительность котораго полагается понятіемъ о немъ, но изъ котораго, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ міръ конечныхъ вещей, есть не что иное, какъ безсодержательная абстракція, мысль въ которой отсутствуетъ какое бы то ни было положительное содержаніе.

Поэтому, выведеніе изъ него конкретной дѣйствительности не можетъ свестись ни къ чему иному, кромѣ болѣе или менѣе остроумной игры отвлеченными опредѣленіями, не затрагивающей ни дѣйствительныхъ вещей, ни дѣйствительныхъ отношеній.

Конецъ системы только раскрываетъ то, что въ скрытомъ видѣ содержится въ ея началѣ, убѣдительно доказывая несостоятельность всякой попытки выйти за предѣлы понятія сущаго съ его чисто абстрактными и отрицательными предикатами.

Продуктъ крайняго отвлеченія отъ всякаго положительнаго содержанія, понятіе, имѣющее единственнымъ предметомъ само себя въ своей безусловной отвлеченности отъ

¹⁾ Вопросу „Объ атеизмѣ въ философіи Спинозы“ посвятилъ остроумное изслѣдованіе проф. А. И. Введенскій (въ журналѣ „Вопросы философіи и психологія“. Мартъ — Апрель 1897 г.).

всего, не может быть единственной основой вселенной и господствующих въ ней законовъ.

Такимъ образомъ, роковое противорѣчіе, выступающее при переходѣ отъ перваго момента панлогизма къ его второму моменту, цѣликомъ сохраняется и въ системѣ Спинозы.

Логическій реализмъ ранней схоластики, представляющій собою послѣдовательное развитіе ученія Платона объ идеяхъ, какъ реальныхъ понятіяхъ, сводитъ всю дѣйствительность къ системѣ, или — прибѣгнемъ къ наглядному образу — пирамидѣ понятій, расположенныхъ по ступенямъ убывающей логической общности. Логическій реализмъ гипостазируетъ въ обратномъ порядкѣ¹⁾ послѣдовательные акты нашей мысли, возвышающейся отъ понятій съ болѣе узкимъ объемомъ къ понятіямъ съ болѣе широкимъ объемомъ: ступени убывающей общности для него — ступени убывающей реальности. Высшая реальность принадлежитъ крайнему продукту отвлеченія, самой общей изъ всѣхъ идей — идеѣ бытія; къ ней сходятся и изъ нея вытекаютъ всѣ остальные идеи вплоть до понятій конкретныхъ вещей, занимающихъ какъ бы основаніе пирамиды.

Какимъ образомъ самое отвлеченное изъ нашихъ понятій можетъ быть основой, изъ которой слѣдуетъ все, что существуетъ? — На этотъ вопросъ логическій реализмъ, составляющій одну изъ начальныхъ формъ панлогизма, не можетъ дать никакого отвѣта, точно такъ же нашихъ сомнѣній не могутъ разрѣшить и болѣе развитыя формы этой концепціи.

Логическій реализмъ представляетъ собою классическій прообразъ второго момента всѣхъ дальнѣйшихъ видоизмѣненій панлогизма, подобно тому, какъ система Парменида является классическимъ выраженіемъ перваго момента его.

1) Естественный порядокъ ведетъ отъ понятій менѣе общихъ къ понятіямъ болѣе общимъ.

Однако, ихъ значеніе для развитія панлогистическаго міропониманія далеко не одинаково.

Парменидъ создалъ неустранимую основу всѣхъ видоизмѣненій панлогизма, не допускающую, по существу, никакихъ отклоненій.

Въ своей основѣ панлогизмъ — непремѣнно элеатизмъ (если онъ и не отрицаетъ конкретной множественности, то лишь потому, что не остается вѣрнымъ своимъ началамъ). Напротивъ, въ примѣненіи его идей къ конкретной дѣйствительности возможны существенныя колебанія.

Первый моментъ одинаковъ во всѣхъ панлогистическихъ системахъ, второй же моментъ принимаетъ различныя, хотя и внутренне родственныя¹⁾ формы эриугенизма, спинозизма, гегельянизма и католическаго онтологизма XIX вѣка.

Спиноза сохраняетъ ученіе о мірѣ, какъ о логическомъ слѣдствіи отвлеченной сущности Божества, но оставляетъ при этомъ путь онтологизированія іерархіи понятій.

Въ теоріи познанія нашъ философъ является сторонникомъ крайняго номинализма, онъ не можетъ, поэтому, прямо включить въ свою систему теорію, весь смыслъ которой въ признаніи логическаго и метафизическаго пріоритета за общими понятіями.

Міръ (логически) слѣдуетъ изъ Бога, — въ этомъ положеніи неустранимый постулатъ системы и ея движущій нервъ, — но это „слѣдованіе“ нельзя разсматривать какъ постепенное нисхождение отъ понятія наиболѣе общаго и отвлеченнаго (идея бытія) къ понятіямъ съ болѣе узкимъ объемомъ: міръ связанъ съ Богомъ, какъ свойства связаны съ вещью или, если воспользоваться аристотелевски-схоластической терминологіей, — какъ акциденціи съ субстанціей. Богъ

1) Это внутреннее родство замѣтилъ отчасти еще Bayle, называя логическій реализмъ Вильгельма Шампо „spinozisme non développé“ (не-развитымъ спинозизмомъ).

— основа міра въ томъ же смыслѣ, въ какомъ вещь — основа своихъ свойствъ¹⁾.

Чѣмъ реальнѣе та или иная сущность, тѣмъ у нея больше свойствъ²⁾. Абсолютно реальному существу (*ens realissimum*) должны, поэтому, принадлежать всѣ возможные свойства, — и Спиноза уже въ шестомъ опредѣленіи первой книги говоритъ о Богѣ какъ о субстанціи, „состоящей изъ безчисленныхъ атрибутовъ“. Богъ проявляется въ мірѣ, какъ вещь въ своихъ свойствахъ; категоріи вещи и свойства, субстанціи и акциденціи соотносительны, связь ихъ носитъ чисто логическій характеръ и, слѣдовательно, удовлетворяетъ основному требованію второго момента панлогистической концепціи.

Имѣемъ ли мы, однако, здѣсь дѣйствительное выведение міра изъ божественной сущности, подобно тому, какъ свойства выводятся изъ вещи, которой они принадлежать?

То, что мы называемъ вещью, есть нѣкоторое опредѣленное сочетаніе общихъ свойствъ или признаковъ. Мы

1) Предложенное Гегелемъ и усвоенное Эдуардомъ Эрмманомъ толкованіе ученія объ атрибутахъ (толкованіе это раздѣляетъ и Ulrici) (атрибуты, какъ наши субъективные углы зрѣнія на единую божественную субстанцію. — Эрмманъ называетъ это толкованіе „модалистическимъ“, Куно Фишеръ „формалистическимъ“. Erhardt „субъективистическимъ“) можетъ считаться въ настоящее время окончательно отвергнутымъ.

Наиболѣе же распространенное въ новѣйшей литературѣ о Спинозѣ толкованіе атрибутовъ, какъ силъ (*die in der Substanz wirkenden Kräfte, die einzelnen in ihr befassten Potenzen*. — Camerer) игнорируетъ отвлеченно-идеалистическій характеръ философіи Спинозы: въ міросозерцаніи, въ которомъ реальная причинная зависимость сведена всецѣло къ зависимости логической, нѣтъ мѣста для понятія силы и, если Спиноза то тутъ, то тамъ вводитъ его въ свою систему, то онъ впадаетъ этимъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою.

Толкованіе атрибутовъ, какъ свойствъ субстанціи, является наиболѣе простымъ и естественнымъ уже хотя бы въ виду несомнѣнной зависимости терминологіи Спинозы отъ аристотелевски-схоластической: терминамъ субстанція и атрибутъ отвѣчаютъ: *substantia* и *accidentia*, *ἡ οὐσία* и *τὰ συμβεβηκότα*, вещь и свойство.

2) *Eth. I 9: Quo plus realitatis aut esse unaquaeque res habet, eo plura attributa ipsi competunt.*

можемъ выдѣлять изъ этого сочетанія его элементы и противопоставлять ихъ цѣлому; если угодно, это выдѣленіе можно назвать выводеніемъ, очевидно, однако, что оно не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, чего требуетъ Спиноза. Выведенію свойствъ вещи изъ того комплекса свойствъ, который характеризуетъ данную вещь, предшествуетъ неизбѣжно подведеніе ихъ подъ категорію вещи: наша мысль исходитъ здѣсь изъ опытнаго матеріала и подчиняетъ его своимъ категоріямъ.

Спиноза же требуетъ какъ разъ обратнаго: міръ конкретныхъ вещей долженъ быть цѣликомъ выведенъ изъ отвлеченной сущности Божества, связанъ съ нею логическимъ отношеніемъ вещи и свойства, субстанціи и акциденціи, субъекта и предиката.

Невыполнимость этого требованія вытекаетъ уже изъ строго отвлеченнаго характера подлинно-сущаго: его единство исключаетъ всякую множественность, въ томъ числѣ и множественность свойствъ; изъ отвлеченной сущности Божества вытекаютъ одни лишь отрицательные признаки и, слѣдовательно, всякая попытка вывести изъ нея конкретную дѣйствительность съ ея положительными признаками сталкивается съ отвлеченнымъ ученіемъ о сущемъ, въ немъ самомъ¹⁾; однимъ словомъ, ученіе о атрибутахъ наталкивается на тѣ же трудности, которыя неизбѣжно возникаютъ при попыткѣ перейти отъ перваго момента панлогизма ко второму.

1) Такъ Спиноза приписываетъ божественной субстанціи атрибуты мышленія и протяженія. „Сущность абсолютно безконечная“ (*Ens absolute infinitum*) оказывается не только ничѣмъ не обусловленною, вѣчною, недѣлимою и неизмѣнною сущностью, но и мысляшею и протяженною субстанціей. Ясно, что послѣднія два опредѣленія субстанціи добыты совершенно инымъ путемъ, чѣмъ всѣ остальные. Въ то время, какъ признаки безусловности, недѣлимости, неизмѣнности носятъ чисто отрицательный характеръ, атрибуты мышленія и протяженія выражаютъ положительную природу субстанціи, никоимъ образомъ не слѣдующую изъ ея отвлеченной сущности.

Спиноза игнорируетъ эти трудности и совершенно не замѣчаетъ, что переходъ отъ первой части системы къ слѣдующимъ частямъ заключаетъ несомнѣнную *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*.

Богъ проявляется во вселенной, какъ вещь въ своихъ свойствахъ.

Каждый изъ атрибутовъ божественной субстанции выражаетъ нѣкоторую опредѣленную сторону ея безконечной сущности¹⁾. Въ каждомъ изъ нихъ субстанція проявляется во всей своей полнотѣ: Богъ, разсматриваемъ ли мы его подъ тѣмъ или инымъ атрибутомъ, — одинъ и тотъ же Богъ.

Но вѣдь каждый изъ атрибутовъ, выражая реальность или сущность субстанции²⁾, также неизмѣненъ и безконеченъ, какъ она.

Какимъ же образомъ изъ безконечныхъ свойствъ Божества слѣдуетъ міръ конечныхъ вещей?

Трудность удваивается.

Сначала подлинно-сущее, съ его строго отвлеченными и отрицательными признаками, объявляется субъектомъ безчисленныхъ и внутренне-безконечныхъ свойствъ или атрибутовъ, потомъ эти безконечные атрибуты оказываются логической основой конкретныхъ вещей.

Пока Спиноза остается въ области отвлеченныхъ построеній, онъ ничего не можетъ сказать намъ о томъ, каковы тѣ свойства, которыя выражаютъ безконечную сущность субстанции. Если бы онъ неуклонно слѣдовалъ по единственно законному съ точки зрѣнія панлогистической концепціи пути, онъ совершенно не могъ бы выйти изъ заколдованнаго круга отвлеченныхъ опредѣленій, которымъ нѣтъ никакого дѣла до конкретной дѣйствительности.

1) Per Deum intelligo... substantiam constantem infinitis attributis, quorum unumquodque aeternam et infinitam essentiam exprimit. (Eth. I. Def. 6).

2) Eth. I, 10 Dem.... realitatem sive esse substantiae.

Онъ переходитъ, поэтому, въ совершенно иную область, призываетъ себѣ на помощь міровоззрѣніе, не имѣющее съ панлогизмомъ ничего общаго и, воспользовавшись этимъ новымъ кругомъ идей, подводитъ его основныя утвержденія подъ свои онтологистическія конструкціи.

Изъ безчисленныхъ атрибутовъ субстанціи намъ извѣстны только два — протяженіе и мышленіе ¹⁾.

Что даетъ намъ право, именно, протяженіе и мышленіе считать свойствами Бога?

Очевидно, что самыя остроумныя и блестящія отвлеченныя операціи надъ понятіями „причина самого себя“, „абсолютно безконечная сущность“ и т. п. не подвинуть насъ въ этомъ направленіи ни на шагъ.

Спиноза обращается къ иному источнику или, точнѣе, къ инымъ источникамъ, объединеннымъ, впрочемъ, тѣсною внутреннею связью: корпускулярной физикѣ Галилея и Декарта и ассоціативной теоріи душевной жизни Гоббеса. Въ подведеніи этихъ двухъ идейныхъ теченій подъ отвлеченное ученіе о сущемъ (при чемъ подведенію придана видимость вывода) и заключается главнымъ образомъ оригинальность Спинозы ²⁾.

1) Замѣтимъ при этомъ, что Спиноза, утверждая, что изъ всѣхъ свойствъ Бога мы знаемъ только два, страннымъ образомъ не замѣчаетъ, что это утвержденіе противорѣчитъ требованію „адекватнаго познанія природы Бога“: вѣдь если всѣ свойства субстанціи, кромѣ двухъ, совершенно намъ неизвѣстны, то о какомъ же адекватномъ познаніи можетъ быть рѣчь?! Ультра-раціоналистическая система Спинозы въ самомъ началѣ допускаетъ безусловно ирраціональный моментъ.

2) Источники ученія Спинозы о Богѣ, какъ субстанціи, съ одной стороны, мыслящей, съ другой стороны, протяженной — чрезвычайно многочисленны. (Съ наибольшей полнотою и, въ то же время, съ удивительнымъ критическимъ тактомъ они рассмотрѣны въ крупнѣйшемъ, истинно-классическомъ произведеніи современной историко-философской литературы — книгѣ іезуита Станислава Дунина-Борковского: „Der junge de Spinoza. Leben und Werdegang im Lichte der Weltphilosophie“ Münster i. W., Druck und Verlag der Aschendorffschen Buchhandlung, 1910).

Здѣсь мы позволимъ себѣ попутно привести одно мѣсто изъ Давида

Въ его системѣ скрещиваются и многообразно сплетаются пути, съ одной стороны, средневѣковой онтологисти-

Динантскаго, представляющее чрезвычайно любопытную параллель къ ученію Спинозы о Богѣ, какъ протяженной и мыслящей субстанціи.

„Manifestum est unam solam substantiam esse, non tantum omnium corporum, sed etiam omnium animarum, et hanc nihil aliud esse quam ipsum Deum, quia substantia, de qua sunt corpora, dicitur hyle, substantia vero, de qua omnes sunt animae, dicitur ratio vel mens. . . . Patet igitur, quod Deus et hyle et mens una sola substantia est.

Главную роль въ системѣ Спинозы играетъ ученіе о протяженной субстанціи. Каковы бы ни были источники этой концепціи, значеніе ея въ міросозерцаніи Спинозы опредѣляется тѣмъ, что она служитъ связующимъ звеномъ между отвлеченнымъ ученіемъ о Богѣ-субстанціи и механической натурфилософіей. И какъ разъ эта связь съ механическимъ объясненіемъ природы дѣлаетъ для насъ понятнымъ, почему Спиноза такъ настаивалъ на отождествленіи Бога и протяженной субстанціи (*Deus sive substantia extensa*).

Механическая философія природы, господствовавшая въ его время, отождествляла тѣло физическое съ тѣломъ геометрическимъ, матерію — съ пространствомъ. Съ другой стороны, открытія Коперника, Кеплера и Галилея устранили античную теорію ограниченности мірозданія. Матерія оказывается при такомъ взглядѣ безконечной, неизмѣнной, вѣчной; реальныя измѣненія касаются лишь ея модификацій и совершенно не затрагиваютъ ея истинной природы, цѣликомъ исчерпывающейся предикатомъ протяженности. Новое естествоознаніе, замыкая всѣ физическіе процессы въ одинъ непрерывный рядъ и разсматривая ихъ, какъ модификаціи единого и неизмѣннаго субстрата, настаиваетъ на безусловной независимости послѣдняго отъ чего бы то ни было; оно приписываетъ матеріи тотъ же характеръ, который религиозное міропониманіе приписываетъ Божеству (схоластика обозначаетъ его терминомъ *aseitas*, а *se esse*). Въ этомъ „обожествленіи“ матеріи, столь характерномъ для механической натурфилософіи новаго времени, несомнѣнно, и заключается основа ученія Спинозы о Богѣ, какъ о матеріальной субстанціи.

Очевидно, однако, что мы имѣемъ тутъ дѣло не съ выведеніемъ атрибута протяженности изъ отвлеченной божественной сущности, а съ совершенно недопустимымъ съ точки зрѣнія панлогистическаго метода сближеніемъ двухъ идей, изъ которыхъ первая возникла строго апіорнымъ путемъ (дѣйствительность божества, какъ слѣдствіе понятія о немъ), вторая же выросла на почвѣ теоріи, ставящей своею задачею объясненіе конкретныхъ процессовъ природы и, слѣдовательно, обладаетъ апостериорнымъ характеромъ.

Vollends — говоритъ Herbart (*Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie* § 116. — *Sämtliche Werke* hrsgb. v. K. Kehrbach. IV Band S. 187.) — *die Ausdehnung . . . ist nicht mehr noch weniger als die gesamte Sinneswelt mit allen ihren Materien und allen ihrem Wechsel. So ist das*

ческой спекуляціи, выросшей на почвѣ античнаго логическаго реализма, и новаго, механическаго естествознанія, съ другой ¹⁾.

Мы прервемъ здѣсь наше изложеніе основныхъ частей философіи Спинозы, отчасти потому, что, какъ намъ кажется,

Endliche in das Unendliche, das absolute Werden in das absolute Seyn, Heraklit in den Parmenides ohne alle Umstände hineingeschoben, wodurch . . . Spinoza sichs freylich leicht gemacht hat, weiterhin folgerecht zu bleiben, nachdem die ärgste aller Inconsequenzen schon in das Princip selbst hineingelegt war.

1) Установленіе генетической зависимости различныхъ идейныхъ теченій прошлаго другъ отъ друга не входитъ въ число задачъ нашего изслѣдованія. Если мы и касаемся иногда относящихся сюда вопросовъ, то лишь вскользь и не придавая имъ сколько нибудь существеннаго значенія для нашей основной задачи. Отдѣльныя философскія системы интересуютъ насъ лишь въ мѣру своей типичности: замѣчая сходныя идейныя образованія у цѣлаго ряда мыслителей, подчасъ ничего не знающихъ другъ о другѣ (такіе случаи особенно для насъ цѣнны), мы пытаемся опредѣлить общую идейную основу, на которой они вырастаютъ, ищемъ въ нихъ проявленій дѣятельности философскаго ума, вставшаго по отношенію къ дѣйствительности на одну изъ тѣхъ немногихъ основныхъ точекъ зрѣнія, многообразное взаимодействіе и смѣна которыхъ образуетъ исторію человѣческой мысли.

Что касается Спинозы, то, разумѣется, въ его міросозерцанія сплетаются чрезвычайно многочисленныя и разнородныя вліянія, которыя въ большей или меньшей степени или отклоняютъ его мысль отъ ея основного панлогистическаго русла, или опять заставляютъ ее возвращаться къ нему. Мы не останавливаемся здѣсь на этихъ колебаніяхъ, ограничивая свою задачу изслѣдованіемъ основнаго теченія, а оно, какъ намъ кажется, у Спинозы выступаетъ съ достаточною опредѣленностью, позволяющей намъ разсматривать его систему, какъ одно изъ типическихъ видоизмѣненій отвлеченно-идеалистическаго міропониманія. Въ попыткѣ подчинить основной панлогистической концепціи всѣ составныя части системы и заключается вся оригинальность міросозерцанія Спинозы. Устраните ее — и что останется отъ его „системы“? Механическая философія природы? Ассоціативная психологія? Интеллектуалистическая этика? Всѣ эти ученія сами по себѣ ничего оригинальнаго и характернаго для Спинозы не содержатъ, они выступаютъ у многихъ предшественниковъ и современниковъ нашего философа. Безъ теоріи субстанціи, безъ ученія объ атрибутахъ (т. е. безъ тѣхъ частей, которыя имѣютъ отчетливо выраженный панлогистическій характеръ), занимающая насъ система была бы совершенно лишена внутренняго единства, и ея вліяніе на философскую мысль послѣднихъ двухъ столѣтій было бы какимъ-то страннымъ недоразумѣніемъ.

нашъ анализъ обнаружилъ въ достаточной степени безсиліе и этой формы панлогизма рѣшить проблему подлинно-сущаго въ его отношеніи къ конкретной дѣйствительности; отчасти также потому, что въ главѣ, посвященной механической теоріи душевной жизни, намъ еще придется внимательно остановиться на ученіи Спинозы о атрибутахъ, такъ какъ это ученіе легло въ основу самой вліятельной психологической теоріи новаго времени.

Отъ Спинозы къ Юму.

Мы уже останавливались на томъ, логически ничѣмъ не оправданномъ, уклонѣ мысли у Парменида, въ результатъ котораго подлинно-сущее съ его строго отвлеченными предикатами оказалось „массой своею подобнымъ совершенному шару, коего центръ отъ окружности всюду равно отстоитъ, части же всюду равны — ни больше, ни меньше другъ друга“¹⁾.

Аналогичный переходъ отъ отвлеченнаго сущаго къ сущему матеріальному, или протяженному находимъ мы и у Спинозы.

Разница между нимъ и Парменидомъ только та, что элейскій философъ приписываетъ своей физикѣ исключительно условный характеръ. Переходя къ ней отъ первой, онтологической части своей системы, онъ прямо предостерегаетъ читателя противъ смѣшенія „истины твердаго сердца въ кругѣ ея совершенномъ“ съ „мнѣніемъ смертныхъ людей, въ которомъ нѣтъ истинной правды“²⁾:

„Здѣсь я кончаю достовѣрное слово и думаю
Объ истинѣ. Смертное мнѣніе отсель познай,
Прикрасамъ обманчивымъ рѣчи моею твоимъ слухомъ внимая.
Повѣдаю нынѣ устройство вещей, которое кажется правдой,
Чтобы изъ мнѣнья людей ничто отъ тебя не укрылось“³⁾.

1) Орывокъ этотъ я заимствую изъ стихотворнаго перевода знаменитаго фрагмента въ „Исторіи древней философіи“ кн. С. Н. Трубецкого (Ч. I; Стр. 104).

2) Ib. Стр. 106.

3) Ib. Стр. 106.

Напротивъ, для Спинозы та часть системы, которая посвящена философіи природы, во всякомъ случаѣ не уступаетъ по значенію основной части, заключающей отвлеченное ученіе о Богѣ-субстанціи.

Механическая натурфилософія Спинозы и связанная съ нею новая теорія душевной жизни оказываетъ огромное вліяніе на дальнѣйшее развитіе человѣческой мысли. При этомъ многочисленные послѣдователи нашего философа въ большинствѣ случаевъ совершенно забываютъ о зависимости этихъ частей системы отъ основной, онтологической концепціи Спинозы, вспоминая о ней только въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ (какъ въ вопросѣ о связи между душой и тѣломъ) механическое міропониманіе упирается въ тупикъ, изъ котораго оно собственными силами выбраться не можетъ.

Мы видѣли далѣе, что историческое движеніе философской мысли послѣ Парменида выражается прежде всего въ усиліяхъ развитъ и обосновать матеріалистическое міропониманіе.

Точно такъ же на почвѣ механической натурфилософіи Декарта и Спинозы вырастаютъ два родственныхъ другъ другу идейныхъ теченія: сенсуализмъ Кондильяка и его послѣдователей, съ одной стороны, матеріализмъ Гельвеція, Ламеттри и Гольбаха — съ другой.

Подобно тому, какъ въ рукахъ Протагора сенсуализмъ становится могущественнымъ оружіемъ противъ матеріализма, такъ и у Юма на основныхъ предположеніяхъ сенсуалистической теоріи построена его сокрушительная критика матеріалистической метафизики. Правда, Юмъ отрицаетъ право на существованіе какихъ бы то ни было положительныхъ метафизическихъ ученій, но, несомнѣнно, самые тяжелые удары онъ наноситъ матеріалистическому міропониманію, и въ этомъ отношеніи его дѣло можно съ полнымъ правомъ сравнить съ дѣломъ Протагора.

Нѣмецкій идеализмъ.

Юмъ пробуждаетъ Канта „отъ догматическаго сна“. Но, подчинившись на нѣкоторое время вліянію идей великаго позитивиста, Кантъ отвергаетъ затѣмъ его релятивизмъ, разрушающій достовѣрность научнаго познанія.

Чтобы спасти эту достовѣрность, онъ создаетъ свое знаменитое ученіе о разумѣ, какъ законодатель природы. „Познающій субъектъ — такъ формулируетъ основное положеніе критической философіи Владимиръ Соловьевъ — кажется лишь свѣтлымъ пятномъ надъ огромной машиной мірозданья, но на самомъ дѣлѣ онъ, какъ солнце землю, не только освѣщаетъ ее, но и даетъ законы ея существованію“¹⁾; дѣйствительность представляетъ собою всецѣло созданіе нашего разума и исключительно въ немъ и для него существуетъ; наука раскрываетъ передъ разумомъ его собственную сущность, поскольку она проявляется въ организаціи внѣшнихъ впечатлѣній путемъ подведенія матеріала, доставляемаго опытомъ, подъ категоріи разсудка, — и это самопознаніе разума въ научномъ творествѣ отличается безусловной достовѣрностью.

Усилія Канта, направленные на то, чтобы ограничить область, надъ которою господствуетъ апріорное законодательство разума, однимъ только чувственнымъ опытомъ, и, слѣдовательно, разъ навсегда отнять какую бы то ни было почву у притязаній метафизики проникнуть въ царство ноуменовъ, или вещей въ себѣ, — эти усилія не имѣли и не могли имѣть продолжительнаго успѣха.

Какъ разъ крупнѣйшіе продолжатели дѣла, начатаго авторомъ „Критики чистаго разума“, сообщаютъ основному предположенію его теоріи познанія онтологическій характеръ.

Развитіе послѣкантовскаго идеализма, вдохновляемаго значительностью и оригинальностью замысла — перестроить

1) Сочиненія II изд. Т. X Стр. 306. (Статья: Гегель).

всѣ наши представленія о дѣйствительности на основѣ ученія о разумѣ, какъ творцѣ и законодателѣ природы, неуклонно ведутъ къ старому Парменидову отождествленію сущаго и отвлеченной мысли.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно было, развивая исходныя послылки философіи Канта, отказаться отъ предположенія о абсолютно непознаваемыхъ вещахъ въ себѣ, какъ явно противорѣчащаго этимъ послылкамъ, чтобы творческая дѣятельность разума оказалась единственною основой всякаго бытія, — безусловнымъ началомъ дѣйствительности.

Послѣкантизмъ проводитъ это убѣжденіе въ рядѣ смѣняющихся другъ друга системъ со все большею опредѣленностью и послѣдовательностью.

Полное раскрытіе основной идеи, одушевлявшей нѣмецкую идеалистическую философію, далъ Гегель¹⁾.

Отождествленіе сущаго и мысли такъ же старо, какъ и отвлеченное умозрѣніе, но до Гегеля никто не проводилъ его съ такой энергіей и настойчивостью, никто не далъ предпосылкамъ панлогистической концепціи такого всесторонняго, объемлющаго чуть ли не всѣ области человѣческаго творчества приложенія.

„У другихъ мыслителей — говоритъ Владимиръ Соловьевъ (Сочиненія X², 301, 302) — философія есть стараніе

1) Оригинальный и блестящій эскизъ основныхъ моментовъ нѣмецкаго идеализма даетъ Владимиръ Соловьевъ въ своей статьѣ о Гегелѣ: „... по Канту нашъ субъектъ со всѣмъ своимъ грандіознымъ законодательнымъ и регулятивнымъ аппаратомъ познанія безысходно, погруженъ въ безмѣрный и абсолютно темный для него океанъ непознаваемыхъ „вещей въ себѣ“. Онъ неподвластенъ, недоступенъ этимъ вещамъ, какъ и онѣ ему; онъ свободенъ отъ нихъ, но это есть свобода пустоты. Человѣческій духъ, окончательно освобожденный (въ теоріи, конечно) отъ власти внѣшнихъ предметовъ гениальнымъ продолжателемъ Канта — Фихте, требовалось теперь освободить отъ его собственной субъективности, отъ формальной пустоты его самосознанія. Это освобожденіе предпринялъ Шеллингъ и окончательно довершилъ (опять таки, конечно, въ теоріи) Гегель“. (Сочиненія. Томъ X; стр. 307.)

постигнуть смыслъ сущаго; у Гегеля, напротивъ, само сущее старается стать философіей, превратиться въ чистое мышленіе. Прочіе философы подчиняли свое умозрѣніе независимому отъ него объекту; для однихъ этотъ объектъ былъ Богъ, для другихъ — природа. Для Гегеля, напротивъ, самъ Богъ былъ лишь философствующій умъ, который только въ совершенной философіи достигаетъ и своего собственного совершенства; на природу же въ ея эмпирическихъ явленіяхъ Гегель смотрѣлъ какъ на чешую, которую сбрасываетъ въ своемъ движеніи змѣя абсолютной діалектики“.

Гегель.

Усматривая единственную подлинную дѣйствительность въ понятіяхъ, Гегель не выходитъ изъ идейныхъ рамокъ логическаго реализма. Въ этомъ отношеніи онъ остается вѣренъ классической концепціи Платона.

Однако, въ то время, какъ Платонъ и Эріугена искали рѣшенія основной метафизической проблемы объ отношеніи подлинно-сущаго къ конкретной дѣйствительности въ логическомъ подчиненіи понятій, расположенныхъ по ступенямъ убывающей общности, а Спиноза пытался рѣшить ту же проблему, гипостазирова логическое отношеніе субстанции къ ея атрибутамъ, или вещи къ ея свойствамъ, — Гегель объявилъ жизнь и движеніе присущими самому отвлеченному понятію: абсолютное понятіе, раскрываясь въ послѣдовательномъ рядѣ моментовъ діалектическаго движенія, создаетъ конкретную дѣйствительность, которая въ понятіи, и только въ немъ, одномъ имѣетъ источникъ какъ своего бытія, такъ и познаваемости.

Такимъ образомъ, то новое, что внесъ Гегель въ развитіе отвлеченно-идеалистической концепціи, заключается въ діалектическомъ движеніи понятій.

Античный и средневѣковый панлогизмъ пытались понять переходъ отъ дѣйствительности безусловной и беско-

нечной къ дѣйствительности условной и конечной, какъ послѣдовательное нисхожденіе отъ самаго общаго и отвлеченнаго понятія (идея бытія) къ понятіямъ менѣе общимъ и отвлеченнымъ, вплоть до понятій отдѣльныхъ конкретныхъ вещей¹⁾.

Какъ мы уже указывали²⁾, въ основѣ этой концепціи лежитъ гипотазированіе въ обратномъ порядкѣ процессовъ нашей мысли, восходящей отъ менѣе общихъ къ болѣе общимъ понятіямъ. Логическій процессъ, составляющій основу дѣйствительности, протекаетъ здѣсь въ порядкѣ, прямо противоположномъ логическому процессу, совершающемуся въ нашемъ сознаниі³⁾.

Поэтому, необходимость перехода отъ самаго общаго понятія къ понятіямъ со все болѣе узкимъ объемомъ не только не доказана, но и само это предположеніе прямо противорѣчитъ естественному движенію нашей обобщающей мысли.

Спиноза, рассматривая отношеніе абсолютной основы дѣйствительности къ ея конечнымъ проявленіямъ, какъ отношеніе вещи къ ея свойствамъ, слѣдующимъ изъ понятія вещи, признаетъ единственно-возможнымъ путемъ къ рѣшенію нашей проблемы путь аналитическій. Съ другой стороны, упорно (и, разумѣется, насильственно) подражая методу, принятому въ геометріи, онъ требуетъ, чтобы міръ былъ выведенъ изъ Бога, какъ изъ природы треугольника выводится равенство его угловъ двумъ прямымъ.

1) Какъ мы видѣли (Стр. 121 и сл.; 135 и сл.), попытки эти нигдѣ не были доведены до конца: Платонъ возвысилъ идею блага надъ отвлеченнымъ предикатомъ бытія, Эріугена и другіе представители неоплатоническаго теченія въ средневѣковой философіи подчинили отвлеченные выводы своей онтологіи ученію о „сверхразумной и сверхсущной“ природѣ Бога, познаваемой лучше въ утвержденіи, чѣмъ въ отрицаніи.

2) Стр. 153.

3) Прибѣгая къ терминологіи Гегеля, мы можемъ сказать, что въ средневѣковомъ логическомъ реализмѣ о б ъ е к т и в н ы й логическій процессъ противоположенъ процессу с у б ъ е к т и в н о м у.

Спиноза игнорируетъ при этомъ роль построения въ геометріи, безъ котораго мы не могли бы сдѣлать ни одного шагу впередъ: логическій анализъ опредѣленій и аксіомъ, отъ которыхъ отправляется геометрія, не вывелъ бы насъ за ихъ предѣлы, и этимъ путемъ мы не открыли бы ни одной геометрической теоремы.

Итакъ, аналитическій методъ, примѣненіе котораго всюду ограничено узкими рамками закона тождества, по существу, является безсильнымъ даже въ области математики, по образцу которой Спиноза хотѣлъ построить свою систему. Еще болѣе беспомощнымъ оказывается онъ въ области основныхъ метафизическихъ проблемъ.

Спиноза, какъ и всѣ безъ исключенія представители панлогизма, отправляется отъ самыхъ общихъ и бѣдныхъ содержаніемъ понятій, чтобы изъ нихъ строго отвлеченнымъ путемъ вывести фактически-существующую дѣйствительность.

Если бъ, однако, онъ остался вѣрнымъ аналитическому методу, то всѣ отвлеченныя операціи надъ основными понятіями его системы привели бы только къ пересказу тѣхъ же самыхъ понятій другими словами. Абсолютной основѣ міра, субстанціи, принадлежатъ признаки самопричинности, единичности, вѣчности, неизмѣнности и безконечности. Сколько бы мы ни анализировали эти понятія, на основаніи закона тождества мы — самое большее — нашли бы признаки, которые уже подразумѣваются въ этихъ понятіяхъ. Наше изслѣдованіе развивалось бы въ предѣлахъ данныхъ опредѣленій, и мы совершенно напрасно искали бы въ нихъ хоть отдаленный намекъ на конкретную дѣйствительность, которую какъ разъ философія и должна вывести изъ природы подлинно-сущаго.

Изъ этой роковой для панлогистической концепціи трудности есть только одинъ выходъ — внесеніе динамическаго момента въ само понятіе о безусловномъ началѣ вселенной.

Этотъ динамическій моментъ, по существу, совершенно чуждъ панлогизму, но мы уже видѣли ¹⁾, что панлогизмъ не боится позаимствованій изъ иныхъ идейныхъ круговъ, — напротивъ, ими онъ держится и живетъ.

Мы могли уже убѣдиться въ этомъ, разсматривая вопросъ, откуда беретъ отвлеченно-идеалистическое міровоззрѣніе свое исходное понятіе — понятіе подлинно-сущаго, и какимъ образомъ оно связываетъ это понятіе съ нашей условной дѣйствительностью.

Изученіе системы Гегеля убѣждаетъ насъ въ томъ, что и эта новая и чрезвычайно важная форма панлогизма, по существу, возникла путемъ искуснаго объединенія основныхъ предположеній отвлеченнаго идеализма съ идеями, имѣющими настоящій смыслъ только въ конкретно-идеалистическомъ міропониманіи.

Спиритуализмъ разсматриваетъ Безусловное, какъ начало самодѣятельное: Божество для него есть прежде всего безконечное самоутвержденіе. Если мы усвоимъ себѣ этотъ взглядъ, то мы убѣдимся, что первоначальныя, отвлеченныя опредѣленія Безусловнаго не исчерпываютъ его сущности: самоутвержденіе предполагаетъ, съ одной стороны, самоутверждающееся существо, какъ свою необходимую основу, — съ другой стороны, то, къ чему привело самораскрытіе этого существа, въ чемъ самоутверждающаяся основа вселенной получила дѣйствительность. Въ безусловномъ мы должны, слѣдовательно, различать два реально-различныхъ момента или „періода“ его бытія.

Но безусловное, какъ чистая самодѣятельность, проявившись въ осуществленномъ безконечномъ бытіи, очевидно, не прекращаетъ на этомъ творческаго процесса, который какъ разъ въ абсолютной самоутверждающейся основѣ дѣйствительности и находитъ свой никогда неизсякающій источникъ :

1) См. стр. 114 и сл., стр. 135 и сл.

единство самодѣтельнаго начала вселенной не исключаетъ, а прямо предполагаетъ множественность его проявленій; переходъ отъ „единого“ ко „многому“ данъ въ основномъ понятіи спиритуалистической онтологіи. Такимъ образомъ, спиритуалистическая концепція ¹⁾ въ самомъ началѣ преодоливаетъ основной недостатокъ панлогизма, заключающійся въ невозможности перехода отъ единой и неизмѣнной основы міра къ множественности непрерывно измѣняющихся проявленій ея.

Подлинно-сущее есть прежде всего начало самодѣтельное, абсолютное самоутвержденіе, непрерывно раскрывающее свои силы. Это раскрытіе совершается въ послѣдовательномъ рядѣ моментовъ бытія, первоначально, повидимому, взаимно исключających и отрицающихъ другъ друга — но это отрицаніе является не безусловнымъ, а относительнымъ: противоположные моменты бытія Абсолютнаго необходимо вытекаютъ одинъ изъ другого и, относясь къ одному и тому же началу, взаимно дополняютъ другъ друга, способствуя все болѣе полному и совершенному раскрытію того, что лежитъ въ ихъ основѣ.

Если мы теперь обратимся къ дѣятельности нашего познающаго ума, то въ ея наиболѣе важныхъ и жизненныхъ проявленіяхъ мы найдемъ, въ общемъ, ту же закономерность и послѣдовательность, что и въ чередованіи моментовъ самораскрывающейся основы дѣйствительности.

Наше умозрѣніе, обращаясь къ основнымъ метафизическимъ проблемамъ, по необходимости начинается съ самыхъ

1) Значительно раньше, чѣмъ спиритуализмъ успѣлъ развить свои основныя предположенія умозрительнымъ путемъ, проблему безусловнаго Единого и условнаго Многаго рѣшило религиозное творчество. Мы находимъ это рѣшеніе уже въ браманизмѣ (См. Deussen. *Das System der Vedanta*. X. *Das Brahman als kosmisches Princip*. SS. 156 ff.). Его же развиваетъ неоплатоническое теченіе въ христіанствѣ. Но мы уже настаивали на томъ, что религиозное творчество во всѣхъ своихъ крупнѣйшихъ проявленіяхъ создаетъ тѣ идеи, изъ которыхъ въ послѣдствіи, съ развитіемъ отвлеченной мысли, вырастаетъ спиритуалистическое міропониманіе.

отвлеченныхъ и исключительныхъ утвержденій; скоро, однако, оно начинаетъ сознать ихъ недостаточность и односторонность и сосредоточиваетъ свои усилія на томъ, чтобы перейти отъ абстрактнаго пониманія изслѣдуемаго предмета къ конкретному и всеобъемлющему пониманію его.

Этотъ переходъ выражается въ послѣдовательномъ преодолѣніи первоначальныхъ, одностороннихъ опредѣленій путемъ относительнаго отрицанія ихъ первоначальнаго пониманія или, что то же, усмотрѣнія того, что истина не вмѣщается въ нихъ всецѣло.

Процессъ мысли, въ которомъ совершается этотъ переходъ, со времени Платона получилъ названіе діалектическаго. Несомнѣнно, онъ играетъ первостепенную роль во всякомъ какъ научномъ, такъ и философскомъ творествѣ. Поэтому опредѣленіе природы діалектическаго процесса въ его зависимости отъ всей дѣятельности нашего сознанія представляетъ для философіи задачу исключительной важности.

„Необходимость діалектическихъ процессовъ ума — говорить Лопатинъ (Положительныя задачи философіи I² Стр. 365, 366). — основывается на томъ, что опредѣленія нашего разсудка всегда односторонни; иначе сказать, она опирается на неполноту соотвѣтствія между отвлеченнымъ и дѣйствительнымъ, или на то, что можно назвать ирраціональностью сущаго . . . Эта ирраціональность двоякая: 1) Конкретно сущее объединяетъ въ себѣ признаки, въ своей отвлеченности, повидимому, исключаютъ другъ друга. 2) Жизнь всего сущаго состоитъ въ смѣнѣ или послѣдовательномъ раскрытіи опредѣленій, необходимость котораго заключается въ самомъ понятіи дѣятельности, безъ которой немыслима истинная дѣйствительность . . . Естественная діалектика разума коренится въ многосмысленности и многосторонности существующаго, въ множественности и разнообразіи отношеній, которыя оно въ себѣ обнимаетъ; въ общемъ, она представляетъ отрицаніе конечности опре-

дѣленій ради безконечнаго содержанія, къ которому они прилагаются. — Изъ этого слѣдуетъ, что діалектическій процессъ предполагаетъ, какъ свое необходимое условіе, отношеніе мысли къ чему-нибудь ей данному, которое она стремится вмѣстить въ себѣ, къ чему-нибудь, что существуетъ независимо отъ нея и прежде нея. Безъ этого онъ не имѣлъ бы ни точки отправленія, ни необходимаго для его осуществленія матеріала“.

„По самому смыслу діалектическаго мышленія, противоположныя опредѣленія должны примиряться въ опредѣленіяхъ высшихъ; это примиреніе происходитъ само собою, когда точкою отправленія для мысли служить содержательная и жизненная идея какого-нибудь конкретнаго объекта, обнимающая въ себѣ полноту его дѣйствительности. Мышленіе, обращаясь къ такой идеѣ, съ самаго начала уже имѣетъ внутренне необходимое единство ея опредѣленій (хотя бы въ очертаніяхъ смутныхъ и сливающихся) и, обращаясь къ каждому изъ нихъ въ ихъ отдѣльности, тѣмъ самымъ уже угадываетъ ихъ односторонность и бѣдность“ (Стр. 368).

Послѣдовательное раскрытіе самоутверждающейся основы дѣйствительности въ рядѣ взаимно исключających и, въ то же время, взаимно дополняющихъ другъ друга моментовъ находить, такимъ образомъ, отраженіе въ діалектической дѣятельности нашего познанія; переходящаго отъ односторонняго къ всестороннему пониманію своего предмета: субъективный діалектическій процессъ воспроизводитъ идеально процессъ объективный.

Діалектическое движеніе нашей мысли заключается въ непрерывномъ расширеніи понятій путемъ послѣдовательнаго преодоленія ихъ первоначальной односторонности. Это преодоленіе первоначальныхъ исключительныхъ и безжизненныхъ опредѣленій и переходъ отъ нихъ къ опредѣленіямъ многостороннимъ и жизненнымъ предполагаетъ прежде всего нѣкоторую дѣйствительность, которой не исчерпываютъ перво-

начальныя опредѣленія — вѣдь только по отношенію къ такой дѣйствительности можно говорить объ односторонности и многосторонности тѣхъ или иныхъ опредѣленій: сами по себѣ, независимо отъ той дѣйствительности, опредѣленіями которой они служатъ, они не могутъ быть ни односторонними, ни многосторонними.

Съ другой стороны, діалектическій процессъ требуетъ не только опредѣленнаго предмета, который объединялъ бы въ себѣ отдѣльные и на первый взглядъ исключаютъ другъ друга моменты діалекческаго движенія понятій въ качествѣ своихъ опредѣленій: наше мышленіе должно возвыситься надъ ограниченностью и разрозненностью отдѣльныхъ опредѣленій, какъ таковыхъ, понять, что противоположность ихъ носитъ относительный характеръ, наконецъ, усмотрѣть ихъ необходимую внутреннюю связь и единство, какъ опредѣленій одного и того же предмета.

Безъ такого усмотрѣнія мы, очевидно, никогда бы не могли замѣтить несовпаденія между тѣми или иными односторонними опредѣленіями и дѣйствительностью, къ которой они относятся, а это усмотрѣніе какъ разъ и даетъ начало діалектическому движенію понятій.

Отдѣльныя опредѣленія дѣйствительности представляютъ собою произведенія нашихъ познавательныхъ актовъ, или дѣятельностей. Если бы жизнь нашего сознанія всецѣло исчерпывалась этими актами, то о ихъ внутренней необходимой связи, по существу, не могло бы быть и рѣчи — вѣдь всякая связь въ нашемъ сознаніи предполагаетъ не только то, что связывается (отдѣльныя содержанія нашей внутренней жизни), но и то, что связываетъ, то, что сообщаетъ единство этимъ содержаніямъ. Сами по себѣ ни содержанія, ни приводящія къ нимъ дѣятельности не могли бы выйти за свои узкіе предѣлы — связь между ними устанавливаетъ то сознаніе, которое, оставаясь единымъ, проявляется въ то же время въ безконечно многообразныхъ ак-

тахъ и ихъ произведеніяхъ и, слѣдовательно, содержитъ ихъ въ своемъ неразрывномъ, живомъ единствѣ.

Отдѣльныя утвержденія никогда не могли бы быть связаны другъ съ другомъ въ качествѣ моментовъ одного и того же діалектическаго процесса, если бы одни изъ нихъ принадлежали одному, другіе — другому сознанию. Точно такъ же, и въ одномъ сознаниі, ихъ связь ни въ какомъ случаѣ не могла бы осуществиться, если бы каждое изъ діалектически объединяемыхъ утвержденій довѣло себя, если бы въ нихъ отсутствовала единая дѣятельная основа, проявляющаяся въ бесконечно-разнообразныхъ относящихся актахъ нашего сознанія.

Такъ, опредѣленія подлинно-сущаго, какъ безусловнаго единства (Парменидъ) и какъ безусловнаго множества (Гераклитъ) оставались бы въ своей непримиримой противоположности, если бы умозрительная философія (въ лицѣ Платона) не возвысилась надъ этой противоположностью, усмотрѣвъ ея относительный характеръ и показавъ, что, напротивъ, живое единство и живое множество не только не исключаютъ, но и взаимно предполагаютъ другъ друга. Но такое примиреніе противоположныхъ отвлеченныхъ концепцій, составляющихъ одно изъ важнѣйшихъ условій поступательнаго движенія философскихъ идей, становится возможнымъ только тогда, когда въ единой познавательной дѣятельности того или иного крупнаго мыслителя выяснится какъ относительная истинность противоположныхъ концепцій, такъ и ихъ относительная ложность, и мысль создастъ такую новую концепцію, которая объединяетъ предыдущія концепціи, совмѣщая въ себѣ истинность и устраняя ложность каждой изъ нихъ.

Такое объединеніе предполагаетъ объединяющую дѣятельность сознанія, въ свою очередь эта дѣятельность была бы совершенно непонятной, если бы сознаніе не было реально-единымъ по своей природѣ, или, иными словами, если бы

въ основѣ всѣхъ его проявленій не лежала единая духовная субстанція.

Такимъ образомъ, только наше реально-единое „я“, проявляющееся въ бесконечно-разнообразныхъ актахъ и ихъ содержаніяхъ (составляющихъ произведеіе этихъ актовъ), даетъ намъ ключъ къ пониманію діалектическаго движенія понятій — единая дѣятельность нашего сознанія является неустранимой основой этого движенія, его первымъ и необходимымъ условіемъ.

Но если это такъ, то не только объективный, но и субъективный діалектическій процессъ нашей мысли неразрывно связанъ съ положеніемъ, на которомъ построено спиритуалистическое міропониманіе, — при попыткѣ связать его съ какимъ бы то ни было инымъ міросозерцаніемъ онъ теряетъ всякій смыслъ.

На первый взглядъ наше утвержденіе относительно прямой и безусловно необходимой внутренней зависимости діалектическаго метода отъ спиритуалистической концепціи дѣйствительности должно показаться крайне парадоксальнымъ.

Вѣдь мыслитель, которому главнымъ образомъ принадлежитъ заслуга установленія общихъ законовъ діалектическаго процесса и широчайшаго примѣненія его во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества, былъ сторонникомъ панлогизма, то-есть метафизической теоріи, приписывающей подлинную реальность однимъ только понятіямъ.

Панлогизмъ и діалектическій методъ неразрывно связаны другъ съ другомъ въ міропониманіи Гегеля. Какъ же можно говорить о ихъ принципиальной несовмѣстимости?

Чтобы оправдать и обосновать нашъ взглядъ, намъ придется перейти къ критическому разсмотрѣнію діалектики Гегеля въ ея отношеніи къ панлогистическимъ предпосылкамъ его философіи.

Это разсмотрѣніе можетъ привести насъ къ тремъ различнымъ выводамъ:

Прежде всего, мы можемъ предположить, что Гегеля неправильно относятъ къ сторонникамъ панлогистическаго міропониманія. Однако, это предположеніе рушится при первомъ же знакомствѣ съ произведеніями великаго философа: мы на каждомъ шагу сталкиваемся въ нихъ съ самыми недвусмысленными заявленіями о томъ, что никакой иной реальности, кромѣ реальности понятій, нѣтъ и быть не можетъ.

Мы можемъ, затѣмъ, сдѣлать предположеніе, что Гегелю удалось послѣдовательно объединить діалектическій методъ съ основными предпосылками своей философіи. Въ такомъ случаѣ намъ, разумѣется, пришлось бы отказаться отъ убѣжденія въ существованіи прямой и необходимой зависимости діалектическаго метода отъ спиритуалистическаго міропониманія.

Напротивъ, мы найдемъ новое подтвержденіе нашего взгляда, если намъ удастся показать, что на самомъ дѣлѣ діалектика Гегеля представляетъ собою рядъ чрезвычайно искусно скрытыхъ заимствованій изъ конкретно-идеалистической концепціи.

Итакъ, наше изслѣдованіе должно теперь сосредоточиться на вопросѣ: какимъ образомъ Гегель связываетъ діалектическое движеніе понятій съ основными предположеніями панлогизма?

Гегель выводитъ необходимость діалектическаго движенія понятій изъ самой природы нашей мысли, или точнѣе — изъ самой природы нашихъ отвлеченныхъ понятій, какъ таковыхъ:

„Логическое — говоритъ онъ — имѣетъ по своей формѣ три стороны: а) отвлеченную, или разсудочную, б) діалектическую, или отрицательно-разумную, в) спекулятивную, или положительно-разумную. — Эти три стороны со-

ставляют не три части логики, но являются моментами всего логически-реального, то-есть всякаго понятія или, вообще, всего, истиннаго. Онѣ могутъ быть всѣ подведены подъ первый моментъ — разсудочное, и, такимъ образомъ, разсматриваться разрозненно и отдѣльно другъ отъ друга, но это не есть постиженіе ихъ въ истинѣ¹⁾.

а) „Мышленіе, какъ разсудокъ, остается при неподвижной опредѣленности и различіи ея сравнительно со всякой другой опредѣленностью; такое ограниченное абстрактное является для разсудка независимымъ и для себя сущимъ“²⁾.

β) „Діалектическій моментъ есть саморазрѣшеніе такихъ конечныхъ опредѣленій и ихъ переходъ въ свою противоположность“³⁾,

γ) „Спекулятивное, или положительно разумное схватываетъ единство опредѣленій въ ихъ противоположности, — то утвердительное, что содержится въ ихъ разрѣшеніи и взаимномъ переходѣ“⁴⁾.

1) Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Erster Theil. Die Logik. § 79 (Werke VI, 146, 47): Das Logische hat der Form nach drei Seiten: α) die abstrakte oder verständige, β) die dialektische oder negativ-vernünftige, γ) die spekulative oder positiv-vernünftige.

Diese drei Seiten machen nicht drei Theile der Logik aus, sondern sind Momente jedes Logisch-Reellen, das ist jedes Begriffes oder jedes Wahren überhaupt. Sie können sämtlich unter das erste Moment, das Verständige, gesetzt, und dadurch abgesondert auseinander gehalten werden, aber so werden sie nicht in Wahrheit betrachtet.

2) Encycl. § 80; S. 147: α) Das Denken als Verstand bleibt bei der festen Bestimmtheit und der Unterschiedenheit derselben gegen andere stehen; ein solches beschränktes Abstraktes gilt ihm als für sich bestehend und seyend. ~

3) Encycl. § 81; S. 151: β) Das dialektische Moment ist das eigene Sich-Aufheben solcher endlichen Bestimmungen und ihr Uebergehen in ihre entgegengesetzte.

4) Encycl. § 82; S. 157: γ) Das Spekulative oder Positiv-Vernünftige fasst die Einheit der Bestimmungen in ihrer Entgegensetzung auf, das Affirmative, das in ihrer Auflösung und ihrem Uebergehen enthalten ist.

„Діалектика приходитъ къ положительному результату, потому что она обладаетъ опредѣленнымъ содержаніемъ, или потому что ея результатъ, на самомъ дѣлѣ, не есть пустое, абстрактное ничто, но отрицаніе извѣстныхъ опредѣленій, которое, именно, потому содержится въ результатѣ, что онъ есть не непосредственное ничто, но результатъ. Хотя это разумное въ качествѣ мыслимаго является также абстрактнымъ, но въ то же время оно есть нѣчто конкретное, такъ какъ представляетъ собою не простое формальное единство, но единство различаемыхъ другъ отъ друга опредѣленій. Поэтому, философія никогда не имѣетъ дѣла съ чистыми абстракціями или одними формальными мыслями. Ея настоящій предметъ составляютъ исключительно конкретныя мысли“¹⁾).

Такимъ образомъ, Гегель различаетъ какъ бы три ступени нашей мысли. На первой изъ нихъ мысль ограничивается односторонними разсудочными опредѣленіями, лишенными какой бы то ни было живой связи съ другими опредѣленіями. На слѣдующей ступени мысль отказывается отъ своихъ первоначальныхъ одностороннихъ опредѣленій и переходитъ къ опредѣленіямъ противоположнымъ. Наконецъ, на высшей, спекулятивной, или положительно-разумной ступени она схватываетъ единство опредѣленій въ ихъ противоположности и взаимномъ переходѣ.

1) Ib.: Die Dialektik hat ein positives Resultat, weil sie einen bestimmten Inhalt hat, oder weil ihr Resultat wahrhaft nicht das leere, abstrakte Nichts, sondern die Negation von gewissen Bestimmungen ist, welche im Resultate eben deswegen enthalten sind, weil diess nicht ein unmittelbares Nichts, sondern ein Resultat ist. Diess Vernünftige ist daher, ob wohl ein gedachtes auch abstraktes, zugleich ein Konkretes, weil es nicht einfache, formelle Einheit, sondern Einheit unterschiedener Bestimmungen ist. Mit blossen Abstraktionen oder formellen Gedanken hat es darum überhaupt die Philosophie ganz und gar nicht zu thun, sondern allein mit konkreten Gedanken.

Уже въ первыхъ основныхъ утвержденіяхъ Гегеля мы наталкиваемся на неясность, которая потомъ проходитъ черезъ всю систему. Именно эта неясность и позволяетъ автору „Феноменологии духа,“ не впадая въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, связать діалектическій методъ съ панлогистической доктриной.

Мышленіе, какъ разсудокъ, остается при отвлеченныхъ, ограниченныхъ и неподвижныхъ опредѣленіяхъ. Къ чему у относятся эти опредѣленія, что они опредѣляютъ? И далѣе: кто создаетъ эти опредѣленія, кто относитъ ихъ къ тому или иному предмету? На какомъ основаніи мы находимъ, что разсудочныя опредѣленія ограничены и односторонни? По отношенію къ чему у они односторонни? Кто сознаетъ эту односторонность?

Діалектическій моментъ есть саморазрѣшеніе первоначальныхъ одностороннихъ опредѣленій и ихъ переходъ въ свою противоположность. Благодаря чему происходитъ это саморазрѣшеніе? Откуда у понятій такая чудодѣйственная сила, которая не позволяетъ имъ оставаться при данныхъ опредѣленіяхъ и неудержимо толкаетъ къ опредѣленіямъ новымъ, отрицающимъ прежнія? Присуща ли эта сила самимъ понятіямъ, какъ таковымъ, или тому сознанію, которое заключаетъ въ себѣ всѣ опредѣленія и, усматривая односторонность одного опредѣленія, переходитъ къ другому?

Спекулятивное схватываетъ единство противоположныхъ опредѣленій въ ихъ взаимномъ переходѣ. Опять-таки кто схватываетъ это единство? Почему Гегель обозначаетъ третью ступень діалектическаго процесса при помощи прилагательнаго, которое превращено въ существительное? ¹⁾ Имѣетъ ли онъ здѣсь въ виду нашу цѣлостную познаватель-

1) Превращеніе это облегчаетъ Гегелю задачу представить діалектическое движеніе мысли, какъ смѣну чистыхъ, т. е. лишенныхъ субъекта предикатовъ.

ную дѣятельность, которая непрерывно стремится къ тому, чтобы возвыситься надъ своими первоначальными односторонними и неподвижными опредѣленіями и связать всѣ опредѣленія въ цѣльную діалектическую систему, или, напротивъ, его задача сводится къ тому, чтобы показать, что понятія сами переходятъ съ низшихъ ступеней познанія на высшія и, слѣдовательно, діалектическій процессъ для своего объясненія не нуждается въ предположеніи реальной дѣятельности нашего сознанія, сообщающей понятіямъ діалектическое движеніе?

Подобные вопросы при изученіи Гегеля напрашиваются на каждомъ шагѣ. Категорическаго отвѣта на нихъ мы у него не находимъ, но, съ другой стороны, проходящее черезъ всю его систему красной нитью отождествленіе всего реально-существующаго съ отвлеченной мыслью не оставляетъ сомнѣній относительно цѣли, которую преслѣдовалъ нашъ философъ.

Насколько же ему удалось достигнуть этой цѣли?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, намъ нѣтъ никакой необходимости разсматривать всю систему Гегеля. Для этой цѣли достаточно остановиться на основныхъ понятіяхъ, отъ которыхъ отправляется эта система и, затѣмъ, съ особымъ вниманіемъ разсмотрѣть, какимъ образомъ Гегель переходитъ отъ этихъ основныхъ, отвлеченныхъ категорій къ міру конкретныхъ вещей.

Для всѣхъ предыдущихъ системъ панлогизма этотъ моментъ оказался роковымъ: отъ отвлеченныхъ предикатовъ подлинной дѣйствительности ни Парменидъ, ни Платонъ, ни Спиноза не могли найти перехода къ міру фактически существующихъ вещей и отношеній. Парменидъ прямо провозгласилъ эту невозможность, положивъ ее въ основу всей своей системы; позднѣйшіе представители панлогизма потратили много усилій, чтобы доказать неправильность выводовъ, сдѣланныхъ родоначальникомъ панлогизма изъ

его отвлеченнаго ученія о сущемъ, но средства для преодоленія элеатизма они, по необходимости, заимствовали изъ чуждыхъ панлогизму круговъ идей¹⁾, тѣмъ самымъ обнаруживая его безсиліе въ рѣшеніи основной философской проблемы.

Быть можетъ, однако, то, что не удалось Платону и Аристотелю, Эріугенѣ и Спинозѣ, удалось Гегелю? Быть можетъ онъ нашелъ путь отъ общаго и отвлеченнаго къ индивидуальному и конкретному? Для Гегеля рѣшеніе этой задачи представляло исключительный интересъ не только въ виду ея первостепенной принципиальной важности, но и потому, что въ его философіи, по остроумному замѣчанію Rudolf'a Наум'a, непрерывно борется крайній отвлеченный идеализмъ съ неудержимо сильнымъ влеченіемъ ко всему конкретно-реальному²⁾.

Итакъ, намъ необходимо прослѣдить, разумѣется, въ самыхъ общихъ чертахъ, развитіе идей Гегеля до того момента, въ которомъ отвлеченныя категоріи, лежащія въ основѣ его міросозерцанія, переходятъ въ конкретную дѣйствительность. Если этотъ переходъ совершается на почвѣ послѣдовательнаго панлогизма, то, очевидно, наше основное возраженіе противъ этого міропониманія, отпадаетъ, — напротивъ, если намъ удастся показать, что и въ этой формѣ панлогизма движеніе мысли отъ отвлеченнаго къ конкретному на каждомъ шагу предполагаетъ тѣ начала, которыя панлогизмъ отрицаетъ всѣмъ существомъ своихъ посылокъ, то нашъ анализъ философіи Гегеля доставитъ намъ новое доказательство полной беспомощности отвлеченнаго идеализма въ рѣшеніи центральной проблемы всей философіи.

1) См. стр.

2) *Der äusserste Spiritualismus im fortwährenden Kampfe mit der kräftigsten Realitätstendenz, das... ist das wunderliche Schauspiel, das sich uns darbietet. — Hegel und seine Zeit. 1857. S. 303.*

Какъ и всѣ представители отвлеченнаго идеализма¹⁾, Гегель не признаетъ никакой иной дѣйствительности, кромѣ познанія. Познаніе осуществляется въ донятіяхъ, и, слѣдовательно, подлинная дѣйствительность принадлежитъ только понятіямъ. Поэтому, по убѣжденію Гегеля, истинная философія не должна предполагать ничего раньше ихъ. Но всѣ понятія связаны другъ съ другомъ необходимою логическою зависимою, въ силу которой они развиваются одно изъ другого въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Ретроспективно прослѣживая этотъ порядокъ, философія должна, въ концѣ концовъ, прийти къ такой идеѣ, которая не предполагаетъ ничего раньше себя и, слѣдовательно, является истиннымъ началомъ діалектическаго движенія понятій.

Философія должна начинать съ чистаго бытія, которое является одновременно и чистой мыслью и неопредѣленной простой непосредственностью, а первое начало не должно заключать ничего опосредствованнаго и ближе опредѣленнаго²⁾. Въ своей неопредѣленной непосредственности оно равно только самому себѣ; въ немъ отсутствуютъ какія бы то ни было различія — какъ внутреннія, такъ и внѣшнія. Это чистая неопредѣленность и пустота. Въ немъ нельзя ничего созерцать, если тутъ вообще можно говорить о созерцаніи, или, если угодно, чистое бытіе можно разсматривать какъ чистое, пустое созерцаніе. Точно также въ немъ ничего нельзя мыслить, или оно есть точно

1) Ср. любопытную параллель между основоположеніями философіи Гегеля, съ одной стороны, — Платона и Аристотеля съ другой у Haum'a „Hegel und seine Zeit“, стр. 303, 304. „... es ist in moderner Form die platonische Begriffsmythologie, wenn das Reich des reinen Gedankens als die Wahrheit bezeichnet wird, „wie sie ohne Hülle an und für sich ist“, wenn die Logik nichts Geringeres sein soll, als „die Darstellung Gottes, wie er in seinem ewigen Wesen vor der Erschaffung der Natur und eines endlichen Geistes ist“.

2) Encycl. § 86; S. 165: Das reine Seyn macht den Anfang, weil es sowohl reiner Gedanke, als das unbestimmte einfache Unmittelbare ist, der erste Anfang aber nichts vermitteltes und weiter bestimmtes seyn kann.

также чистое мышление. Бытіе неопредѣленное, непосредственное есть въ самомъ дѣлѣ ничто, и ни больше, ни меньше, какъ ничто¹⁾.

Бытіе можно опредѣлять какъ абсолютное $y = y$, или какъ безусловное безразличіе или тождество и т. п. Но всѣ эти опредѣленія не являются непосредственными и, поэтому, ихъ нельзя признать подлинно первыми. Только чистое бытіе, тождественное съ чистой отвлеченной мыслью, можетъ быть началомъ истинной философіи. Фихте былъ совершенно правъ въ томъ, что усматривалъ подлинное начало умозрѣнія въ „я“, какъ непосредственно доступной намъ и самодостовѣрной реальности. Онъ не замѣтилъ только, что наше „я“ уже содержитъ въ себѣ все разнообразіе нашего внутренняго міра и, слѣдовательно, не можетъ быть началомъ философіи, которая какъ разъ и должна обосновать и вывести это разнообразіе, а не предполагать его въ самомъ началѣ своего пути. Истиннымъ началомъ наше я можетъ быть только въ томъ случаѣ, если устранить изъ понятія о немъ какое бы то ни было конкретное содержаніе; но такое я, по существу, есть не что иное, какъ чистое, пустое, безразличное бытіе. Въ идеѣ такого бытія отсутствуетъ какое бы то ни было содержаніе, у нея нѣтъ никакого предмета; о ней можно утверждать только одно, именно, что она есть: чистое бытіе есть первое опредѣленіе мысли, которая созна-

1) Wissenschaft der Logik I. (Werke III, 77, 78). Seyn, reines Seyn, — ohne alle weitere Bestimmung. In seiner unbestimmten Unmittelbarkeit ist es nur sich selbst gleich, und auch nicht ungleich gegen Anderes, hat keine Verschiedenheit innerhalb seiner, noch nach Aussen. Durch irgend eine Bestimmung oder Inhalt, der in ihm unterschieden, oder wodurch es als unterschieden von einem Anderen gesetzt würde, würde es nicht in seiner Reinheit festgehalten. Es ist die reine Unbestimmtheit und Leere. — Es ist nichts in ihm anzuschauen, wenn von Anschauen hier gesprochen werden kann; oder es ist nur diess reine, leere Anschauen selbst. Es ist ebenso wenig etwas in ihm zu denken, oder es ist ebenso nur diess leere Denken. Das Seyn, das unbestimmte Unmittelbare ist in der That Nichts, und nicht mehr noch weniger als Nichts.

тельно отвернулась отъ какой бы то ни было конкретной дѣйствительности и всецѣло замкнулась въ самой себѣ.

Переходя къ критикѣ ученія Гегеля о чистомъ бытіи, мы должны прежде всего, остановиться на вопросѣ, является ли на самомъ дѣлѣ идея чистаго бытія абсолютно-первоначальной и ничего раньше себя не предполагающей — вѣдь только такая идея можетъ быть подлиннымъ началомъ философіи.

Trendelenburg въ своемъ блестящемъ изслѣдованіи о діалектическомъ методѣ Гегеля¹⁾ справедливо указываетъ, что всякое отвлеченное понятіе необходимо предполагаетъ нѣкоторое конкретное содержаніе, отъ котораго оно какъ разъ и отвлечено — въ противномъ случаѣ само понятіе отвлеченія теряетъ всякій смыслъ.

О чистомъ бытіи, какъ чистой абстракціи, можно говорить только въ томъ случаѣ, если мышленіе, прежде чѣмъ прійти къ этой абстракціи, уже содержало въ себѣ нѣкоторую дѣйствительность, затѣмъ отвлеклось отъ нея и сосредоточилось исключительно на самомъ себѣ²⁾.

„Самое предположеніе мышленія безпредметнаго уже заключаетъ въ себѣ психологическую невозможность: всякая самая абстрактная мысль отвлечена отъ чего-нибудь, отъ какой-либо дѣйствительности и содержитъ въ себѣ неизбежное и неустранимое отношеніе къ ней, — она всегда есть концепція нѣкоторой стороны дѣйствительно-сущаго и лишь какъ таковая существуетъ въ нашемъ умѣ. Мысль есть отношеніе, сосредоточеніе разума на отличительныхъ чертахъ реального, усмотрѣніе въ немъ его свойствъ и признаковъ. Разумъ всегда мыслитъ что-нибудь о чемъ-

1) Trendelenburg. Logische Untersuchungen, I Band. Art. III: Die dialektische Methode. Leipzig 1870. III. Auflage.

2) „Das reine Sein als die reine Abstraktion ist daher nur zu verstehen, inwiefern das Denken schon die Welt in sich besass und sich aus derselben in sich allein zurückzog“.

Op. cit. S. 37.

нибудь. Въ этомъ общемъ смыслѣ отвлекающая дѣятельность предполагаетъ созерцаніе (Anschauung) раньше себя¹⁾.

Итакъ, идея чистаго бытія предполагаетъ все разнообразное содержаніе нашего внутренняго и внѣшняго опыта, отъ котораго отвлекается наше мышленіе, чтобы прійти къ этой идеѣ. Эта сторона вопроса чаще всего привлекала вниманіе критиковъ философіи Гегеля. Нельзя не замѣтить, однако, что въ данномъ случаѣ они обнаруживаютъ только одну изъ скрытыхъ ея предпосылокъ.

Гегель считаетъ свое опредѣленіе чистаго бытія, какъ простой, себѣ равной, неопредѣленной непосредственности, безусловно первоначальнымъ. Очевидно, однако, что такое опредѣленіе не могло бы даже возникнуть, если бы мы не обладали понятіями простоты и сложности, тождества и различія, опредѣленности и неопредѣленности, опосредствованнаго и непосредственнаго²⁾. Понятія эти прилагаются нами къ различнымъ содержаніямъ нашего опыта, устанавливаютъ между ними ту или иную логическую связь — въ нихъ проявляется относящая дѣятельность нашего сознанія³⁾.

1) Лопатинъ. Положительныя задачи философіи I, 367.

2) . . . das reine Denken (muss), um zu seinem ersten reinen Gedanken zu kommen, oder um sich selbst als das einfache, unbestimmte Unmittelbare fassen zu können, die Begriffe der Unterschiedenheit, Bestimmtheit, Vermitteltheit und damit den Begriff des Etwas bereits haben . . . : denn die Negation hat das, was sie negirt bereits zu ihrer Voraussetzung. Herman Ulrici. Das Grundprinzip der Philosophie. I Theil: Geschichte und Kritik der Principien der neueren Philosophie. S. 705.

3) Въ самомъ дѣлѣ, что такое идея тождества и различія или простоты и сложности, какъ не произведеніе относящей дѣятельности нашего „я“. Въ отдѣльныхъ содержаніяхъ нашей душевной жизни нѣтъ ничего, что бы заставляло насъ признавать ихъ тождественными или различными, простыми или сложными. Я встрѣтилъ вчера моего знакомаго X, я встрѣчаю его опять сегодня. Въ моемъ сознаніи — два образа. До тѣхъ поръ, пока я не отнесу этихъ двухъ образовъ другъ къ другу, у меня не можетъ возникнуть въ сознаніи идеи тождества ихъ, — идеи, что это два образа одного и того же предмета. Подобныя идеи возникаютъ лишь въ результатѣ реального соотношенія различныхъ содержаній нашего сознанія и прямо указываютъ на реальность существа, которое производитъ это соотношеніе.

Но всякая дѣятельность необходимо предполагаетъ проявляющееся въ ней дѣятельное начало, и этимъ началомъ, предшествующимъ всякой дѣятельности, является наше „я“.

Идея чистаго бытія предполагаетъ, слѣдовательно, раньше себя какъ ту дѣятельность, которая отрываетъ нашу мысль отъ всякой конкретной дѣйствительности, такъ и то сознаніе, которому принадлежитъ какъ данная, такъ и всякая, вообще, дѣятельность. Только игнорируя эту необходимую зависимость идеи чистаго бытія отъ всей нашей мыслительной дѣятельности въ ея цѣломъ, можемъ мы говорить о абсолютно-первоначальномъ характерѣ этой идеи ¹⁾. Гегель ничего не хочетъ знать о зависимости всѣхъ нашихъ идей отъ сознанія ихъ созидающаго. Идеи для него не представляютъ субъективной принадлежности того или иного индивидуальнаго мышленія, но суть вѣчныя безсубъектныя мысли, не нуждающіяся для своей дѣйствительности въ существахъ, которыя ихъ мыслятъ. Наше же „я“ Гегель разсматриваетъ не какъ субстанцію (субстанціальное бытіе принадлежитъ только понятіямъ), а какъ случайное явленіе вѣчнаго понятія, предметомъ или содержаніемъ котораго является человѣкъ съ различныхъ его сторонъ (существо разумное, общественное и т. п.).

Именно потому, что Гегель отрицаетъ реальность нашего я и его дѣятельностей, онъ впадаетъ въ заблужденіе, будто

1) Тейхмюллеръ указываетъ и на прямое противорѣчіе въ ученіи о чистомъ бытіи. Чистое бытіе непосредственно и неопредѣленно; Гегель съ самаго начала противопоставляетъ его бытію опредѣленному и опосредствованному, — но въ такомъ случаѣ чистое бытіе уже нельзя разсматривать, какъ то общее бытіе, подъ которое бытіе опредѣленное подходило бы, какъ одна изъ ступеней его развитія, а это значитъ, что диалектика Гегеля отправляется не отъ „чистаго“ бытія, а отъ нѣкотораго опредѣленнаго вида его, именно неопредѣленнаго безрефлекснаго бытія въ его противоположности бытію опредѣленному и рефлектированному. Отъ чистаго же бытія Гегель требуетъ, чтобы оно не заключало никакихъ противоположностей: слѣдовательно оно должно быть одновременно и опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ, что, разумѣется, невозможно. (Wirkliche und scheinbare Welt. S. 146).

отвлекаясь отъ всякаго конкретнаго содержанія или отъ всѣхъ объектовъ нашей мыслительной дѣятельности, мы приходимъ къ абсолютному ничто. Прежде всего остается то „мы“, или точнѣе тѣ „я“, которыя производятъ это отвлечение, затѣмъ, отвлечение немислимо безъ отвлекающей дѣятельности того или иного сознанія, и, слѣдовательно, идея чистаго бытія, равнаго чистому ничто, предполагаетъ реальный актъ нашей мысли. Наконецъ, у всякаго акта должно быть то или иное содержаніе. Въ данномъ случаѣ содержаніемъ этого акта является мысль о томъ, что наше дѣятельное сознаніе отвернулось или отвлеклось отъ всѣхъ конкретныхъ, раньше имъ созданныхъ объектовъ, т. е. мысль о его реальной дѣятельности.

Въ связи съ ученіемъ о безусловно-непосредственномъ характерѣ идеи бытія находится и не разъ отмѣчавшееся въ критической литературѣ, посвященной Гегелю, стремленіе представить объективный діалектический процессъ, созидающій всякую дѣйствительность, какъ смѣну чистыхъ предикатовъ, взятыхъ въ ихъ абстрактной всеобщности¹⁾.

При болѣе внимательномъ анализѣ построеній Гегеля становится очевиднымъ, что даже въ самыхъ отвлеченныхъ изъ этихъ построеній, предикаты нигдѣ не остаются безъ субъекта, какъ ни тщательно утаиваетъ его Гегель. Такъ, чистое бытіе есть опредѣленіе отъ всего отвернувшейся, сосредоточившейся исключительно на себѣ мысли. Но въ такомъ случаѣ, какъ говоритъ Лопатинъ (Op. cit. I², 375), чистое бытіе нельзя разсматривать, какъ „ни къ чему не

1) . . . da nach Hegel alle Denkbestimmungen, alle Begriffe, mögen sie der Logik, oder der Philosophie der Natur und des Geistes angehören, nur Momente des dialektischen Processes der absoluten Methode sind, und da nichts ist als das absolute Denken und seine Bestimmungen, so wird schlechthin Alles von der Methode absorbiert. Es giebt nichts als die Methode, eine leere Bewegung ohne ein Sichbewegendes, lauter Prädicate ohne ein Subject.

Ulrici. Das Grundprincip etc. S. 714.

привязанный предикатъ“ — мы имѣемъ въ немъ, напротивъ, „предикатъ нѣкотораго субъекта — на себя обращенной мысли.“ Всякій предикатъ необходимо предполагаетъ то, предикатомъ чего онъ служить и, слѣдовательно, о абсолютно-первоначальномъ и непосредственномъ характерѣ его не можетъ быть рѣчи.

Идеѣ бытія Гегель, какъ и всѣ представители панлогизма, приписываетъ одни только отрицательные признаки. Но отрицаніе не можетъ быть непосредственнымъ въ точномъ и строгомъ смыслѣ: оно всегда и неизбѣжно предполагаетъ то положительное содержаніе, которое въ немъ отрицается.

Мы смотримъ на треугольникъ и говоримъ: это не есть четырехугольникъ. Для того, чтобы прійти къ этому отрицательному сужденію, мы должны прежде всего имѣть представленіе о томъ, что такое треугольникъ, иначе мы не могли бы высказать о немъ никакого, ни утвердительнаго, ни отрицательнаго сужденія. Далѣе мы должны обладать представленіемъ о четырехугольникѣ — безъ такого положительнаго представленія наше сужденіе не могло бы даже возникнуть. Наконецъ, наше сознаніе должно подвести эти два представленія подъ категорію инобытія (*Anderssein*) и, этимъ путемъ прійти къ отрицательному сужденію.

Путемъ отрицанія мы не приходимъ ни къ какому новому содержанію. Пока въ нашемъ сознаніи даны только два представленія (треугольника и четырехугольника), никакого отрицанія, очевидно, нѣтъ. Отрицаніе возникаетъ только тогда, когда относящая дѣятельность нашего сознанія свяжетъ два положительныхъ представленія посредствомъ понятія инобытія: треугольникъ не есть четырехугольникъ.

Спинозъ приписываютъ знаменитое положеніе: „всякое опредѣленіе есть отрицаніе“ (*omnis determinatio est negatio*). На самомъ дѣлѣ, какъ правильно указываетъ Тейхмюллеръ (*Die wirkliche und die scheinbare Welt*. Стр. 153 и сл.), эту мысль развиваетъ уже Платонъ въ своемъ „Софистѣ“. Мы

можемъ связать любое содержаніе нашей мыслительной дѣятельности съ любымъ инымъ содержаніемъ и утверждать что оно иное, или, что то же, отрицать одно относительно другого. Именно, поэтому, Платонъ полагалъ, что во всѣхъ вещахъ смѣшаны бытіе и небытіе.

Небытіе означаетъ, однако, здѣсь, по существу, только то, что у относящей дѣятельности нашего сознанія нѣтъ никакихъ границъ, что она можетъ для сравненія съ даннымъ содержаніемъ привлекать какія угодно иныя содержанія и каждый разъ выражать результатъ такого соотношенія въ отрицательномъ сужденіи.

Когда мы даемъ отрицательное опредѣленіе предмета, мы всегда и неизбѣжно сообразуемся съ представленіемъ о его положительной природѣ. Это представленіе должно быть дано прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ установленію того, чѣмъ данный предметъ не является.

Намъ нужно найти опредѣленіе льва. Левъ не есть предметъ неорганическаго міра, онъ не принадлежитъ къ растительному царству, это не безпозвоночное, не рыба, не амфибія, не птица и т. д. Въ результатъ такого ряда отрицаній мы найдемъ *genus* понятія левъ: левъ принадлежитъ къ семейству кошекъ.

На первый взглядъ мы приходимъ къ этому результату чисто отрицательнымъ путемъ, однако, достаточно поставить вопросъ, что руководить нами при всѣхъ нашихъ отрицаніяхъ, чтобы тотчасъ же признать, что единственнымъ основаніемъ для нихъ служить „положительный образъ льва, нетронутый никакимъ отрицаніемъ“¹⁾.

Вернемся теперь къ ученію Гегеля о чистомъ бытіи.

Какія положительныя идеи предшествуютъ отрицательному опредѣленію идеи чистаго бытія?

Чистое бытіе есть опредѣленіе мысли, которая отвлеклась

1) Teichmüller Op. cit. 154, 5.

отъ какого бы то ни было содержанія, или въ которой нѣтъ никакого содержанія. Мы имѣемъ здѣсь результатъ противопоставленія двухъ положительныхъ идей: съ одной стороны, берется мысль „наполненная“, то-есть наша мыслительная дѣятельность въ ея цѣломъ, — дѣятельность, которая развивается изъ единой субстанціальной основы и приводитъ къ безконечно разнообразнымъ содержаніямъ; съ другой стороны, содержанія нашей душевной дѣятельности и сама эта дѣятельность¹⁾ незаконно отрываются отъ ихъ основы и противопоставляются ей, какъ будто содержанія нашего сознанія могутъ существовать независимо отъ производящей ихъ дѣятельности, а дѣятельность можетъ быть ничьей дѣятельностью.

Въ результатъ такого противопоставленія получается удивительно странная идея — идея мысли, въ которой отсутствуетъ все, что дѣлаетъ ее мыслью: вѣдь всякая мысль принадлежитъ кому-нибудь и къ чему-нибудь относится, а обращенная на себя мысль Гегеля есть мысль ничья и ни о чемъ²⁾.

1) Впрочемъ, Гегель, какъ и всѣ представители панлогизма, не отличаетъ идей, какъ содержаній или произведеній нашей мысли, отъ производящей ихъ дѣятельности. Именно, поэтому, онъ не усматриваетъ необходимаго отношенія всѣхъ содержаній нашей мысли къ ея субстанціальной основѣ. Идеи, ваятыя отдѣльно отъ производящей ихъ дѣятельности того или иного индивидуальнаго сознанія, являются только возможными: онѣ могутъ возникнуть въ той или иной душѣ, и только тогда онѣ становятся реальными. Къ идеямъ, какъ къ ничьимъ содержаніямъ, мы приходимъ путемъ гипостазирующей свои продукты абстракціи. Продукты эти, какъ таковые, совершенно лишены какого бы то ни было движенія. Такъ какъ, однако, реально идеи всегда выступаютъ только въ томъ или въ иномъ живомъ и дѣятельномъ сознаніи, то при отсутствіи различенія въ нашей душевной жизни производящаго и производимаго естественно приписать особенности активной основы сознанія ея пассивнымъ проявленіямъ. Гегель не видитъ, что любая идея, а тѣмъ болѣе рядъ діалектически связанныхъ идей, необходимо предполагаетъ, что ее кто-нибудь (то или иное „я“) мыслитъ (дѣятельность этого „я“).

2) „Если — говоритъ Соловьевъ (Критика отвлеченныхъ началъ. Сочиненіе. Изд. II, т. II. Стр. 286) — все имѣетъ подлинное бытіе только

Такъ какъ мысль всегда предполагаетъ то или иное содержаніе, то требованіе отказаться отъ всякаго содержанія, строго говоря, равняется для мысли требованію уничтожить самое себя, въ качествѣ реальной мысли¹⁾, устремиться въ абсолютную пустоту и въ ней-то найти подлинную основу всякой конкретной мысли и всякой дѣйствительности:

Du sendest mich in's Leere,
Damit ich dort so Kunst als Kraft vermehre;
Behandelst mich, dass ich, wie jene Katze,
Dir die Kastanien aus den Gluthen kratze.
Nur immer zu! wir wollen es ergründen,
In deinem Nichts hoff' ich das All zu finden²⁾.

Чистое бытіе, по существу, есть чистая абстракція. Такое бытіе есть абсолютное отрицаніе; взятое въ своей непосредственности, оно ничѣмъ не разнится отъ своей противоположности — небытія³⁾.

Чистое ничто есть то же, что и чистое бытіе. Оно такъ же непосредственно и равно себѣ, такъ же неопредѣленно, пусто, безсодержательно. Это созерцаніе, въ которомъ ничто не созерцается, мысль, въ которой ничто не мыслится; но это отсутствіе всякой мысли и всякаго созерцанія все-таки

въ понятіи, то и самъ познающій субъектъ не можетъ составлять исключенія, и онъ существуетъ только въ своемъ понятіи, есть не что иное, какъ понятіе. Сами же эти понятія, образующія все существующее, не могутъ, такимъ образомъ, быть понятіями мыслящаго субъекта, ибо онъ самъ есть только одно изъ понятій; они суть сами по себѣ безъ субъекта такъ же, какъ и безъ предмета. Все есть чистое понятіе, то есть понятіе безъ понимающаго и безъ понимаемаго, мысль безъ мыслящаго и безъ мыслимаго; все существуетъ actu purо, въ чистомъ безразличномъ бытіи, равномъ небытію“.

1) „Sich ins Denken zurückziehen, — говоритъ Шеллингъ — heisst ihm nur, sich entschliessen über das Denken zu denken. Das kann man wenigstens nicht wirkliches Denken nennen“. (WW. X, 141.)

2) Goethe Faust II Theil V. 6251—56.

3) Encycl. § 87; S. 169: Dieses reine Seyn ist nun die reine Abstraktion, damit das absolut-negative, welches, gleichfalls unmittelbar genommen, das Nichts ist.

мыслится нами и, слѣдовательно, оно есть для мысли. Ничто, такимъ образомъ, есть то же опредѣленіе, или вѣрнѣе, та же неопредѣленность, и, слѣдовательно, вообще, то же самое, что и чистое бытіе ¹⁾.

Бытіе и небытіе различаются лишь, какъ утвержденіе и отрицаніе, но по содержанію или, вѣрнѣе, по отсутствію всякаго содержанія они совершенно тождественны другъ съ другомъ. Поэтому всѣ замѣчанія, которыя мы сдѣлали о происхожденіи идеи чистаго бытія, могутъ быть распространены и на идею чистаго ничто.

Основной недостатокъ ученія Гегеля о идеяхъ чистаго бытія и чистаго ничто заключается въ томъ, что онъ не изслѣдуетъ ихъ происхожденія: онъ довольствуется тѣмъ фактомъ, что всѣ люди въ смутной формѣ обладаютъ идеей бытія и прилагаютъ ее то къ предметамъ внѣшняго міра, то къ своимъ внутреннимъ переживаніямъ, то къ отвлеченнымъ произведеніямъ своей мысли. Гегель не изслѣдуетъ правомѣрности этихъ приложений, а между тѣмъ — какъ разъ въ этомъ изслѣдованіи лежитъ ключъ къ выясненію сущности идеи бытія.

Идея чистаго ничто получается путемъ отрицанія идеи чистаго бытія. Гегель не задается вопросомъ о сущности этой функціи и ея связи съ дѣятельностью нашей мысли въ ея цѣломъ, а прямо пользуется ею для установленія втораго момента діалектическаго процесса.

1) Wissenschaft der Logik I. (Werke III, 78). Nichts, das reine Nichts; es ist einfache Gleichheit mit sich selbst, vollkommene Leerheit, Bestimmungs- und Inhaltslosigkeit; Ununterschiedenheit in ihm selbst. — Insofern Anschauen oder Denken hier erwähnt werden kann, so gilt es als ein Unterschied, ob etwas oder nichts angeschaut oder gedacht wird. Nichts Anschauen oder Denken hat also eine Bedeutung; beide werden unterschieden, so ist (existirt) Nichts in unserem Anschauen oder Denken; oder vielmehr ist es das leere Anschauen und Denken selbst; und dasselbe leere Anschauen oder Denken, als das reine Seyn. — Nichts ist somit dieselbe Bestimmung oder vielmehr Bestimmungslosigkeit, und damit überhaupt dasselbe, was das reine Seyn ist.

Насколько бесплодною является эта попытка, видно уже хотя бы изъ того, что Гегель самъ настаиваетъ на томъ, что различіе чистаго бытія и чистаго ничто несказуемо (III, 91), или что то же — невыразимо въ основныхъ понятіяхъ его философіи. Тѣмъ не менѣ эти категоріи лежатъ въ основѣ всей системы Гегеля.

Выше мы пытались показать, что отрицаніе представляетъ собою результатъ относящей дѣятельности нашего сознанія и, слѣдовательно, предполагаетъ эту дѣятельность и проявляющееся въ ней „я“ раньше себя. Поэтому, второй моментъ діалектическаго процесса у Гегеля, возникающій путемъ отрицанія предыдущаго момента, по существу такъ же, какъ и первый моментъ, предполагаетъ дѣятельность нашего сознанія въ его цѣломъ.

Гегель считаетъ отрицаніе двигателемъ діалектическаго процесса. Но если отрицаніе не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ соотнесенія двухъ или нѣсколькихъ положительныхъ содержаній, результатомъ подведенія ихъ подъ категорію иного бытія, то очевидно, что отрицаніе по самому существу своему непригодно для того, чтобы создавать новыя содержанія — вѣдь для того, чтобы отрицаніе могло состояться, необходимо, чтобы содержанія, которыя оно связываетъ, уже были даны, иначе у относящей дѣятельности сознанія не было бы точки опоры, отсутствовалъ бы матеріалъ для отрицательнаго сужденія.

Изъ этого слѣдуетъ, что убѣжденіе Гегеля въ томъ, что онъ нашелъ настоящій двигатель діалектическаго процесса, покоится на иллюзіи, которая могла возникнуть лишь въ результатъ недостаточнаго анализа непосредственныхъ данныхъ нашего сознанія. Только односторонній интеллектуализмъ, превращающій всю нашу душевную жизнь въ смѣну отвлеченныхъ понятій могъ внушить автору „Феноменологіи духа“ грандіозный, но въ самомъ своемъ осно-

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученныя Записки распадаются на два отдѣла: оффиціальныи и научный.

Въ оффиціальнои отдѣлѣ помѣщаются годовои отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертациахъ, обзорныі лекцій и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотой медали.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
